

Г. НОВОГРУДСКИЙ

НА МАЛЕНЬКОМ
ОСТРОВЕ

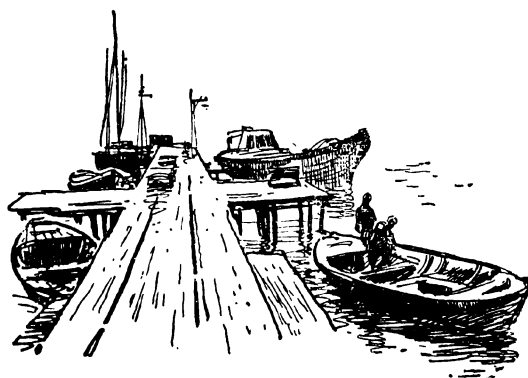
ДЕТГИЗ • 1956

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. НОВОГРУДСКИЙ

НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Богаткина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

**Второе
переработанное
издание**

Часть первая

1. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В чем повезет, в том повезет. У вихнувских ребят с географией удачно получилось: иногда даже учебника не нужно. Им на любое дерево взобраться — и вся география как на ладони.

Это когда об островах проходят.

В географии сказано: острова — части суши.

Пожалуйста, под деревом суша — песок, камни...

В географии сказано: острова окружены водой.

Тоже правильно! На север посмотришь — море, на юг — море, на восток — море, на запад — снова море. Вода и вода. До самого горизонта.

Значит, с дерева виден остров. Самый настоящий. Как раз такой, какой в учебнике описан.

Вот только насчет размеров сомнение берет. Про острова сказано, что они бывают большие, целые стра-

ны вмещают. А этот — нет. Этот небольшой. Вернее, даже маленький.

Но ведь маленький остров — тоже остров, и все, что нужно знать о своем острове, здешние ребята знают.

Спросите у них: как называется?

Сразу скажут — Вихну.

Спросите: где находится?

Скажут — в Советской Эстонии.

Спросите: какое море вокруг?

Скажут — Балтийское.

Без запинки ответят.

Впрочем, ничего удивительного! Где же еще вихнувским ребятам жить, как не на своем эстонском острове Вихну? Да и моря другого здесь быть не может — только Балтийское.

Поскольку Вихну — остров и по всем правилам географии находится среди моря, то посуху добраться до него нельзя. Что же касается того, чтобы добраться по воде, то и это нелегко.

Тут все в пассажиров упирается. Были бы пассажиры, шли бы на Вихну рейсовые пароходы. Но пассажиров нет. Какие могут быть пассажиры на Вихну! Поэтому постоянной линии тоже нет. Между большим берегом и островом пароходы не ходят.

Но ведь иногда кому-то приходит надобность побывать на Вихну?

Бывает. В таких случаях люди на почту обращаются.

Речь, понятно, идет не о том, что человек запаковывает себя в посылку и сверху адрес пишет. Так никто не поступает. Случайный пассажир делает иначе: он просит взять его на почтовую моторку.

Да, почтальоны в нашей стране работают по-разному. Одни спокойно шагают по залитым асфальтом улицам больших городов, другие на собаках и оленях развозят почту в снегах севера; третьи, надев на ноги альпинистские ботинки с шипами, карабкаются по

горным кручам; четвертые, чтобы вручить письмо, пробираются болотами.

Ну, а что касается вихнувского почтальона, то он, чтобы доставить письма и газеты, становится за штурвал моторки и выходит в море. Налетает шторм, бьет волна, туман закрывает даль, но почтальон не выпускает руля из рук. Вон уж и остров виден. Почтальон заводит катер в маленькую гавань, снимает клеенчатую зюйдвестку, надевает форменную фуражку, забирает сумку с письмами, кипу газет и сходит на берег.

Почта прибыла!

Вот с таким почтальоном-моряком и можно добраться до Вихну.

Словно сонное, поросшее густой зеленой шерстью чудовище, поднимается остров из моря. Над самой водой стеной стоят вековые сосны. А дальше лес кажется еще гуще, еще непроходимее. Смотришь — и жутко становится: дебри! Только заберись — не выберешься...

Но бояться не надо. Заблудиться на Вихну трудно. Час неторопливой ходьбы — и ты пересек его из конца в конец. Идти легко: под ногами — плотный песок, над головой — ветви сосен. Среди деревьев мелькают рыбацьи домики. Некоторые из них жмутся к берегу, другие расположены в центре острова, там, где лес редет и земля распахана под посевы.

Глядя на домики, на поля и огороды, на дорогу, выщущую среди деревьев, начинаешь думать: «Э-э, какие там дебри!.. Остров-то населен, да притом густо. Интересно, сколько же здесь народу живет?»

Оказывается, по острову и население. Жителей на Вихну столько, что все они могли бы разместиться в пяти-шестиэтажном московском доме.

Московские дети безошибочно называют любую марку автомобиля — из тех, что потоком бегут по улицам столицы. На Кубани деревенские ребята по шуму мотора узнают, какого типа трактор работает сегодня

в поле. В казахских и киргизских степях малыши за километр отличают среди коней иноходца. На Вихну же другое: здешние ребята различают, какую сеть на какую рыбу надо ставить, какие места в море нужно считать уловистыми и какие нет, знают, как поднимать парус, как управлять лодкой в свежую погоду.

Яан Койт когда-то тоже был мальчишкой. И сколько он себя помнит, столько помнит себя рыбаком. Зато сейчас этот немолодой высокий, широкоплечий человек с худощавым лицом и зоркими голубыми глазами знает о море и рыбах все, что только может знать об этом рыбак. Даже старики, такие, как Евдоким Сейлер, который много бродил по свету и ловил рыбу в трех морях и двух океанах, прислушиваются к мнению Яана, считают его сведущим в рыбацьем деле. «Яан понимает рыб, — с уважением отзывается о Койте старый Сейлер. — Можно подумать, что он говорит с ними на одном языке».

Особенно хорошо изучил Яан Койт повадки и характер салаки — небольшой серебристой рыбешки, которой много водится в водах около Вихну. Он убежден, что из всех рыб Балтийского моря маленькая салака самая умная и хитрая.

— Никакая рыба не умеет так обмануть рыбака, как она, — утверждает Яан Койт. — Вы поставите у нее на дороге сети, а она обойдет их стороной. Вы запрете ее в бухточке, а она найдет лазейку и ускользнет. Салаке на хитрость приходится отвечать хитростью. Иначе не взять.

А об угрях, длинных и круглых, как змеи, рыбак отзывается так:

— У этой рыбы странный характер. Ни одна уважающая себя рыба не выползает на берег и не скользит, словно уж по траве. А угря вы можете встретить на лугу, среди травы. Неправильно это — так рыба не должна поступать.

Но хотя, по мнению Яана, угри нарушают порядок, заведенный среди рыб, это не мешает ему крепко дер-

жать в памяти все места, где они водятся, и привозить такие уловы, каких никто не привозит. Да и салаки Койт вылавливает больше других. Потому-то и стал он бригадиром в колхозе, потому-то его бригада и считается передовой.

Однажды субботним вечером — было это ранней весной — сидел Ян дома перед большой натопленной печью, чинил старую сеть и слушал радио. Ветер завывал в трубе, шумели сосны над крышей, капли не повесенному холодного и скучного дождя били в стекло. За стенами бушевало ненастье, и комната от этого казалась еще уютнее.

Все в доме давно спали. Ян тоже собрался сложить сети и выключить репродуктор, как вдруг услышал голос в эфире:

«Внимание, слушайте! Сейчас перед микрофоном выступит знатный каспийский рыбак Михаил Никитин».

«Рыбак с Каспия! О чем же он расскажет? — подумал Ян. — Слышал я, на Каспии очень много рыбы, и все ценных пород. А вот салаки там нет. Ах, эта хитрая салака! Надо будет завтра пересмотреть сети для нее...»

На этом мысли Яна о завтрашних делах оборвались. Он стал слушать передачу. Густой, спокойный голос внятно рассказывал о том, как рыбаки Каспия научились брать невиданные уловы.

«Знаете ли вы что-нибудь о неводах-великанах? — спрашивал каспийский рыбак. — С того времени, как завели их на Каспии, мы словно сами стали великанами. За один день вылавливаем иногда столько рыбы, сколько раньше обыкновенной сетью за год не смогли бы выловить. Вот такими неводами и нужно обзаводиться рыболовецким колхозам...»

Знатный рыбак продолжал свой рассказ о замечательной новинке, появившейся на далеком юге. Ян запоминал каждое слово.

...Передача закончилась. Репродуктор замолчал.

А Койт долго еще сидел и думал об услышанном. Не-вод-великан не выходил из головы.

2. ДЕДОВСКИЕ СЕТИ НЕ ГОДЯТСЯ

К утру погода улучшилась. Показалось голубое небо. Неласковое, серо-стальное Балтийское море словно переменялось, стало отливать бирюзой. Терпкий запах сосны насыщал воздух. Пригрело до того, что с южной стороны по стволам деревьев поплыли вниз капельки смолы.

Ян вызвал членов своей бригады — Георга Уада и Томаса Маала. Надо было выйти в море, проверить сети. Собрались на молу. Уад пришел не один. Рядом с ним шагал, не отставая от отца, Мартин, или Марти, как его все называют. Редко какое событие на острове обходится без этого представителя семьи Уад. Рыже-волосый, веснушчатый и подвижный, как белка, он успевает всюду. Ну, а сегодня по случаю свободного от учебы воскресного дня отец даже сам предложил Марти пойти с ним в море. Сделано было это не без задней мысли: все-таки парень на глазах будет, да и к рыбацкому делу пусть приучается.

По дороге Марти успел забежать к своему приятелю Юло Мангу, по прозвищу «товарищ Язнаю», и шепнуть ему, что есть возможность сходить на лодке к сетям. Боясь отстать от отца, Марти не стал дожидаться медлительного Юло. И тот действительно чуть не опоздал. Рыбаки собирались отвалить, когда Юло, запыхавшись, прибежал на причал.

— Дядя Яан! — крикнул он отчаянным голосом. — Можно мне с вами?

— А что же отец, разве не вышел сегодня? — спросил Ян Койт.

— Нет, он в правление пошел.

— Ну садись.

Близорукий Юло не очень ловко прыгнул в лодку и чуть не оступился. Марти поддержал его.

Шли на веслах. Моторку Койт не взял. Он по-хозяйски решил, что сегодня нет нужды тратить горючее.

Широкая, устойчивая лодка не торопясь подвигалась вперед. Ян сидел за рулем, Георг и Томас гребли, мальчики устроились вдвоем на узенькой носовой переборке. Было тесно, и для того, чтобы глядеть вперед, приходилось выворачивать шею почти штопором. Но зато они могли воображать себя впередсмотрящими — есть такие на военных кораблях, — зато они первыми встречали набегавшую волну и сидели выше других, а это чего-нибудь да стоит.

Скоро впередсмотрящим стало трудно: заныла шея. Марти и Юло сели по-человечески и стали прислушиваться к беседе старших.

Очень разными, непохожими выглядели три сидящих в лодке ловца: высокий, широкоплечий Ян, сухощавый, подвижной Георг (Марти был в отца) и коренастый, медлительный Томас. Казалось, между ними совсем мало общего. Но мальчики знали: рыбаки дружат между собой крепко, с детских лет; знали, что в их компании — еще четвертый, отец Юло, Густав Манг. Однако тот выходил в море не с ними, а с рыбаками бригады, которую сам возглавлял. Оба бригадира старались ни в чем не отставать друг от друга. Сегодня бригада Яана Койта привозит большой улов — завтра возвращается с моря Густав Манг со своими рыбаками и привозит еще больший. Ян Койт находит участок, где рыба особенно хорошо берется, — и Густав Манг

тоже, стуча огромными сапогами, приходит в правление, стряхивает с брезентовой жесткой, будто из жести, куртки соленые брызги и показывает на карту: «Здесь судак появился. Надо завтра побольше снасти сюда забросить».

Ставят снасть и берут хороший улов.

Сейчас старшие беседовали о каспийском неводе-великане.

— Вот это невод так невод! — говорил Ян Койт. — Это для колхозного лова — самый раз. Не то что наши сети-коротышки!

Юло прислушивался к разговору и, конечно, не упустил возможности показать свою осведомленность.

— Я знаю, — сказал он. — Об этом неводе вчера по радио передавали. Мама все говорила, чтобы я шел спать, а я слушал.

— Отец тоже слышал передачу? — поинтересовался бригадир.

— Нет, отца не было.

— А ты ему рассказал сегодня?

Юло почувствовал, что оплошал. Действительно, как это он забыл рассказать отцу про то, что его интересуется!

— Не успел, — попробовал он вывернуться.

— Хорош! — попрекнул приятеля Марти. — Какой же ты после этого «товарищ Язнаю»? Сам знаешь, а другим не рассказываешь!

Юло в долгу не остался:

— Я знаю и не рассказываю, а ты рассказываешь не зная.

— Это я-то не знаю?

— Ты.

— Когда я рассказывал?

- А вот тогда...
- Когда — тогда?

Спор дорого обошелся друзьям. Они пропустили момент, из-за которого полдороги выворачивали шеи и теснились вдвоем на узкой носовой переборке. Впереди показалась будто пунктиром выведенная линия пробковых поплавков — первый «порядок» сетей. Мальчики не заметили его, не крикнули: «Суши весла!» Этот приказ отдал бригадир.

Рыбаки подняли весла. Лодка продолжала идти своим ходом, потом Ян ловко развернул ее и ухватился за канат, на который были нанизаны поплавки.

Началась выборка сетей. Метр за метром вытаскивали их из воды. Кое-где в ячейх сверкала запутавшаяся рыба. Случалось, она выскальзывала и падала в воду. Ошеломленная, будто не веря своему счастью, рыбешка какие-то секунды оставалась неподвижной, а потом быстро-быстро уходила на глубину.

Закончив выборку, Ян Койт определил на глаз, велик ли улов, и с огорчением произнес:

— Полсотни килограммов, не больше... По старым понятиям, может, и неплохо, а по новым, колхозным, с такой добычей стыдно домой возвращаться. Каспийцы на подобный улов смотреть бы не стали. Неводом-великаном они рыбу тоннами берут.

Во втором «порядке» рыбы вовсе было мало. В третьем — тоже.

Возвращались на остров, когда солнце стояло совсем высоко. Добыча за день была невелика.

Некоторое время ловцы гребли молча. Марти и Юло занимались тем, что старались оживить уснувшую салаку. Захватив рыбешку, они опускали ее за борт. Поддаваясь струе, салакушка трепетала на ладони.

Когда руки Марти стали лиловыми от холода, а рукава куртки набухли от воды, отец прикрикнул:

— Марти, довольно! — и обратился к Яну:— Мне кажется, рыбак с Каспия, которого ты, Ян, вчера слу-

шал, дело говорил. Живем по-новому, работаем по-новому, а сети старые, дедовские... Не годится!

— Да, — подтвердил Томас Маала, про которого даже немногословные вихнувцы говорили, что он человек молчаливый. — Сети не те...

После того как улов выгрузили и сдали на склад, а Юло и Марти отправились домой, три рыбака зашли в правление колхоза. Там, как всегда, было людно. Счетовод, зарывшись в бумаги, трещал на арифмометре, словно пускал из укрытия пулеметные очереди. В углу сидела группа рыбаков. Они молча курили. Здесь были почти все бригадиры ловецких бригад.

Вновь прибывшие подошли, поздоровались и тоже помолчали. Потом Томас Маала произнес:

— Расскажи, Яан.

Койт повторил свой рассказ о каспийском неводе-великане.

— Если Москва передает по радио, — закончил он, — значит, Москва советует. А совет Москвы — всегда нужный совет. Довольно нам держаться за старое! Довольно обходиться сетями-коротышками! Они больше для нас не годятся.

— Отчего не годятся? — возразил старый Николай Леппе, известный тем, что он во всем всегда сомневается, всем на все возражает. — Каспийские рыбаки завели неводы-великаны потому, что на Каспии рыбы много. А у нас рыбы мало. Нам нужны маленькие сети.

— Ну, много рыбы в Балтике или мало, сказать трудно, — заметил Густав Манг. — Нет еще такого арифмометра, на котором можно было бы подсчитать, сколько салаки в море. Но, по-моему, Яан Койт прав: большой колхозный лов требует больших сетей.

Два человека сказали свое мнение, а остальные молчали. Только трубки дымили вовсю.

Скоро потолок в комнате стал виден словно сквозь туман. Тогда, решив, должно быть, что надымлено как раз столько, сколько нужно, бригадиры все как один поднялись и пошли к председателю колхоза. В малень-

кой комнатке, кроме председателя Мартина Крусте, были и члены правления. Там тоже дымили, тоже вели немногословный, но значительный разговор. Впустую слов не тратили. Зато можно было не сомневаться: то, что здесь говорится, говорится всерьез, а то, что решается, решается накрепко.

Разошлись поздно вечером. Порешили так: пусть Яан Койт съездит на Большой берег, побывает на рыбном комбинате, узнает подробности о неводе-великане, о том, как его строить, как ставить.

3. „ВОТ ЭТО НЕВОД“

Рыбный комбинат, куда собрался Яан Койт, был на противоположной стороне широкого залива. Островитяне рассказывали о нем чудеса. Чего там только нет! Есть холодильники. Рыбу в них замораживают и отправляют во все концы страны. Есть консервный цех. Там готовят вкусные рыбные консервы. Есть цехи, где рыбу солят и маринуют, есть — где коптят. А один даже такой есть цех, где из рыбьей чешуи делают жемчужную пасту. Ею покрывают стеклянные бусы, и они становятся похожими на настоящий жемчуг.

Но Яана Койта, когда он подъехал на моторке к причалу комбината, не интересовали ни паста, превращающая стекляшки в жемчужины, ни холодильные камеры, куда люди в самую жаркую погоду заходят в валенках и тулупах. Он думал только о неводе-великане.

И вот ведь как бывает! Наш рыбак искал когонибудь, кто мог бы рассказать о ловле рыбы по-новому, а инженер Соколов именно из-за невода недавно на Каспии побывал и мог сейчас помочь рыбакам: показать, как его строить, как ставить, как ловить им рыбу. Оба обрадовались. Для рыбака инженер — нужный человек, и для инженера рыбак — нужный человек.

— Таких неводов, — стал рассказывать Яану Койту Федор Алексеевич Соколов, — не было еще никогда на свете. В море, в тех местах, где любит ходить рыба, стеной ставится сеть. Длина ее полкилометра, а иногда больше, высота — от дна до поверхности воды. Некуда рыбе деться... Наверх ткнется — сеть, вниз — тоже сеть. И она поступает так, как всякий поступил бы на ее месте: старается обойти препятствие.

Колышется нитяная стена, идет рыба вдоль нее и доходит до входа в сетчатый туннель, устроенный, как воронка: чем дальше, тем уже. Рыба движется вперед — такое уж рыбе свойство, не повернет назад. Воронка выводит ее в огромный, величиной с добрый театральный зал, садок. По форме он напоминает ящик с сетчатыми стенками, сетчатым дном, но без крышки. Верх не нужен: выпрыгивать из воды рыба не будет.

Так попадает она в ловушку. Если одна идет — одна попадает. Целым косяком — весь косяк. А в положенное время приезжают рыбаки, вычерпывают улов и отвозят на комбинат. Там рыбе дорога известная: в холодильник, в консервную банку, в бочку с рассолом...

— Стена длиной в полкилометра и ловушка, как двор! — повторяет Яан Койт. — Но сколько же пряжи для этого нужно?

— Пряжи уходит столько, — сказал инженер, — что нить можно было бы протянуть от Москвы до Таллина и еще остался бы кончик километров в двести. А кроме пряжи, нужны поплавки, цепи, якоря. Словом, кладовые всякого добра. Больших денег стоит новинка.

— Так, может, нам не под силу будет поднять такое дело? — испугался Койт.

— Одним — конечно. Но вы не одни. Государство поможет: даст сети, канаты, денег сколько нужно...

Яан вернулся на остров, рассказал землякам о новом неводе, о помощи государства.

Невод-великан решили ставить.

4. СТАРЫЙ ЛЕППЕ ЗАОДНО С САЛАКОЙ

Сооружали невод всем колхозом. Кто скреплял куски сети, кто сращивал канаты, кто привязывал к ним буйки и якоря, кто делал ловушку. Ян Койт руководил работами. С утра до вечера он был на берегу, за всем наблюдал, всюду попевал.

Однажды, когда бригадир, сверяясь с чертежом, чертил на песке план ловушки, подошел старый Николай Леппе. Старик не изменил своего мнения о неводе.

— Ненужная затея, — упрямо твердил он.

Послушав рассуждения бригадира о том, как должна выглядеть воронка из сети, Леппе прищурился, прижал пальцем тлеющий в трубке табак, пустил из носа и изо рта густой клуб дыма и спросил вкрадчивым голосом:

— И ты думаешь, Ян, салака пойдет в ловушку?

— Другой дороги для нее нет! — сердито бросил Койт.

— Ну, а если найдет лазейку?

— Пока невод цел, — сказал бригадир, — лазейке взяться неоткуда. А за тем, чтобы прорывов в сети не было, можешь быть спокоен — проследим...

Старик пустил новый клуб дыма. В глазах попрежнему было ехидство.

— Я-то спокосн, — сказал он. — Да и салаке, видно, тоже нечего беспокоиться. Не опасен ей невод. Двум породам рыб он не опасен — салаке и камбале.

Койт насторожился. Разговор со старым Леппе выходил серьезнее, чем казалось вначале.

— Почему же именно салаке и камбале не надо бояться невода? — спросил бригадир.

— Потому что салака хитра, а камбала глупа, — ответил Леппе. — Салака найдет ложбинку на дне и нырнет под невод, а камбала все равно всегда понизу ходит. Она проплывет под сетью и даже не заметит, что сеть была... Вот и выходит, что мы затеяли пустое дело. Какая у нас главная рыба? Салака. А если для салаки невод не годится, значит, нам от него пользы нет.

Яан Койт молчал. Ему нечего было ответить старому, во всем сомневающемуся, все критикующему Николаю Леппе. Выходило, что старик прав. Ведь дно моря действительно не похоже на стол. Есть холмы, бугры, углубления, ложбины. Может быть, они невелики, может быть, нижний канат невода кое-где будет отстоять от грунта всего лишь на ладонь, на две — для салаки и этого достаточно. Уйдет, хитрая!

Два дня ходил Яан мрачный, задумчивый, сосредоточенный, а на третий к нему вдруг вернулось хорошее настроение, он даже стал что-то напевать про себя.

Услышав глухие, как из бочки, звуки знакомой рыбацкой песни, Уад удивился и с досадой сказал:

— Глядя на тебя, Яан, можно подумать, что ты обо всем договорился с салакой и она пообещала никуда из-под невода не уходить!

— Нет, такого уговора у нас не было, — серьезно ответил Койт. — Но рыбе уйти не дадим.

— Да? Интересно... Не приколотить ли нам возле каждой выемки на дне табличку: «Здесь выхода нет»? Сознательная салака прочтет объявление и послушно повернет в ловушку. Так, что ли?

— Что-то не по мне твоя шутка, Уад, — с укоризной сказал Яан.

— А мне не до шуток становится, как подумаю, что проваливаем затею с неводом, — признался Георг.

— Кто тебе сказал? Ничего не проваливаем...

— Ну-у! Ты придумал что-нибудь? — оживился Уад.

— Кое-что придумал... Знаешь, как хозяйки отпугивают мух, чтобы в открытые окна не залетали?

— Да ладно тебе! При чем здесь мухи? Рассказывай лучше толком, — торопил Георг.

— Я и рассказываю. Хозяйки делают так: режут лист бумаги тонкими полосками и прикрепляют к окну. Бумажная бахрома шевелится на ветру, мухи пугаются и не залетают. Понял?

— Понял. Но при чем здесь невод?

— Вот при чем: его ставят стеной, но под ним, в неровностях дна, остаются как бы подворотни, те самые, через которые салака может ускользнуть. Значит, нужно их закрыть. А как? — Вопрос Ян задал Георгу, но ответил сам: — Да так же, как это делают хозяйки: пришьем к низу сети бахрому или, еще проще, что-то вроде сетчатого фартука. Тогда подворотни на дне окажутся закрытыми, словно окна от мух.

— Ну, Ян, — восторженно хлопнул Георг по плечу Койта, — ты, брат, с головой!.. Хоть и хитра салака, а быть ей в ловушке!

...Скоро далеко в море вытянулась ровная линия поплавок с прикрепленной к ним подводной сетчатой изгородью. Первый невод-великан был установлен. Инженер Соколов предупредил: нужно два-три дня, чтобы сеть как следует намокла, стала гибкой, потеряла чуждые морю запахи смолы и пеньки. До этого улова не будет. Ян Койт и члены его бригады выдержали характер. Три дня они не приближались к неводу. Море само делало нужную работу. На четвертый было решено пойти за уловом.

5. МОРЕ КИПИТ

Для рыбаков Вихну лодка — все равно что для крестьянина в другом месте телега. А моторка — как автомобиль. В других местах государство помогает колхозникам обзаводиться грузовиками; вихновцам же оно помогло обзавестись хорошими моторными лодками. С тех пор как организовался колхоз, самоходный флот рыбаков быстро вырос. Флагманом его стал большой, вместительный бот «Советский партизан». Трудно сказать, так это или нет, но вихнувская молодежь считала, что во всем заливе нет судна, равного «Советскому партизану» по быстроходности и грузоподъемности. Вагон груза может взять в один прием. Шутка ли!

Бот попусту не гоняли. Судно возило только грузы, которые счетовод называл «массовыми»: кирпич для

колхозных строек, минеральные удобрения, топливо. Это все шло с Большой земли. А с острова груза было немного. Ну что мог давать маленький остров Большой земле? Ничего, кроме рыбы. Несколько раз за сезон грузили на бот бочки с соленой салакой и отправляли на комбинат. Каждый такой поход «Советского партизана» был для вихнувцев событием, к каждому готовились всем колхозом.

У Яана Койта в мыслях не было отправиться на «Советском партизане» за выборкой рыбы из невода. Но случилось так, что из трех моторок бригады две были заняты, а третья стояла в ремонте. Пришлось идти в правление договариваться о боте.

— Бот, конечно, можешь взять, — заявил председатель колхоза, — но как бы люди не смеялись. Скажут: на боте за рыбой — все равно как за фиалками в лес на грузовике ездить. Возможно, весь улов в одной корзине уместится. Будет неловко.

— Я уж думал об этом, — сознался Яан, — но, надеюсь, невод не подведет. С одной корзиной рыбы не вернемся.

— Ладно. Смотри сам...

Бригада Яана Койта пришла на причал в тот час, когда рыбацьи лодки, весело тарахтя моторами, одна за другой выходили в море. У Яана и его товарищей подготовка бота тоже не заняла много времени. Привязали к корме весельную лодочку, без которой переборки невода не сделать, завели мотор, подняли якорь, и Койт, став за руль, повел судно к выходу из бухты. Скоро он нагнал вышедшую минут за десять до него моторку с рыбаками.

— Эй, Яан! — окликнул один из них бригадира. — Мы сегодня решили побить рекорд: полтораста килограммов рыбы привезем, не меньше. А ты сколько думаешь взять?

— Ну, если вы сетью сто пятьдесят килограммов возьмете, то мы неводом беремся дать тысячу пятьсот, — твердо сказал Койт.

— Что ты, Яан! — тихо произнес Георг Уад; он не хотел, чтобы его слышали рыбаки с моторки. — Зачем такие обещания! С тех пор как стоит остров, не было еще у нас полуторатонного улова в один прием...

Бот и моторка пошли в разные стороны. Яан вел бот к месту, где стоял невод-великан. Одним концом сетчатый забор упирался в отмель — здесь рыбе не пройти, а далеко в море, на другом конце забора, ее ждала ловушка. Сюда и направились рыбаки.

Расположение ловушки можно было увидеть по линии поплавок, установленных правильным четырехугольником. Яан подвел бот к одной из стенок огромного подводного ящика, а его помощники перебрались в лодку за кормой, поплыли к противоположной стороне сетки и, сняв с кольев закрепленные края сетяного дна, стали подвигаться к боту. Они делали с нижней сетью ловушки то же самое, что делают со скатертью, когда хотят собрать крошки со стола: края скатерти поднимают — и крошки скатываются в кучу. А тут они подбирали края сети и сгоняли в кучу всю рыбу, какая была в ловушке. Чем ближе подвигалась лодка к боту, тем меньше оставалось места для рыбы. Просторный садок становился для нее тесным сетчатым мешком.

Рыбаки с волнением всматривались в воду: поймалось ли хоть сколько-нибудь рыбы? Кто знает... может быть, ловушка пуста.

Сначала ничего нельзя было разобрать. Но чем меньше пространства оставалось между ботом и противоположной стеной ловушки, чем выше поднималось нитяное дно, тем яснее становилось: рыба есть. Временами вода будто начинала закипать: гладкая поверхность ее вдруг покрывалась рябью, всплесками.

Бот медленно подвигался. Рыбаки чувствовали, как сеть в их руках с каждой минутой становится все тяжелее. Вот вода в глубине будто засеребрилась. Вот выскочила, словно ее выбросили, и затрепетала в воздухе одна салака, другая... Море у борта «Советского партизана» закипело, как в огромном котле.

— Есть рыба, есть! — шептал Георг и не мог оторвать глаз от воды.

Остальные рыбаки, которых, казалось, ничто никогда не выводило из равновесия, на этот раз тоже не могли скрыть волнения. Даже Томас Маала, невозмутимый Томас Маала, и во сне не расстающийся с трубкой, на этот раз не глядя притушил ее мокрым пальцем и небрежно сунул в карман. Сделав это, он произнес неслыханно длинную фразу.

— Хотел бы я, — сказал самый молчаливый из всех рыбаков Вихну, — чтобы здесь с нами были все, кто не верит, что в наших местах могут быть большие уловы. Они увидели бы, сколько рыбы бывает в сетях.

Только бригадир сохранял спокойствие.

— Стоп! — скомандовал он. — Закрепляй низ. Начинаем черпать.

Жидким серебром сверкнул на солнце первый черпак, поднятый Яном Койтом. Рыбак опрокинул его на дно бота. Сотни блестящих салакушек забились, запрыгали на деревянном настиле. Потом другой рыбак поднял полный сачок, потом — третий. Работа пошла вовсю. Большой, вмещающий вагон груза, трюм «Советского партизана» наполнялся рыбой, а вода в ловушке попрежнему будто кипела, рыбу попрежнему брали полными черпаками.

6. КВИТАНЦИЯ ВМЕСТО РЫБЫ

Под вечер на причале собралось чуть ли не все население острова. Ждали возвращения Яана Койта и его бригады. Но лодки подходили и выгружали улов, а «Советского партизана» все не было. Рыба в этот день шла хорошо. Кто привез семьдесят — восемьдесят килограммов салаки, кто — сто и сто двадцать. Что же касается тех двух рыбаков, моторку которых нагнал утром «Советский партизан», то они действительно побили рекорд: рыбаки выловили за день сто восемь-

десять килограммов рыбы. Для Вихну это было неслыханно много.

Однако сегодня даже это событие не привлекло внимания. Все думали только об одном: оправдает ли себя невод-великан? Все всматривались в море, все с нетерпением ждали, когда же наконец появится бот.

Наступили сумерки, зажегся огонь маяка, а бригада Яана Койта все еще не возвращалась. Наконец послышался хорошо знакомый всем басовитый рокот мотора.

— Бот! Наш бот идет! — закричал Марти, первым увидевший приближающееся судно.

Силуэт его выделялся на фоне моря все отчетливее. Высоко поднятый нос бота еще издали говорил о том, что груза нет. Старый Евдоким Сейлер нерешительно окликнул рыбаков:

— На боте! Вагонетку подать для выгрузки?

— Нет, вагонетки не надо, — послышался голос Яана Койта.

— А корзину?

— Корзины тоже не надо.

На причале кто-то зло рассмеялся, потом по-стариковски раскашлялся. Это был Николай Леппе. Перемогая кашель, он прохрипел:

— Вот улов так улов!... Кричали, кричали о неводе и — пожалуйста: одной корзины рыбы не набрали! Пока не поздно, надо взять да порезать невод на обыкновенные мережи. По крайней мере, снасть в воде без толку гнить не будет.

— Почему же без толку? — спокойно сказал Яан, сходя на пристань. — Разве пятнадцать тонн — плохой улов?

— Сколько?.. Сколько? — наперебой закричали вокруг. — Повтори, что ты сказал.

— Сказал, что невод дал сегодня пятнадцать с лишним тонн рыбы.

— Точно, — коротко подтвердил Томас Маала.

А Георг добавил:

— Никогда столько рыбы в сетях не видел! Уж мы черпали, черпали... Весь бот до краев загрузили и, чтобы сократить время, прямо на комбинат свезли. Квитанция у бригадира.

Ян расстегнул куртку, достал из внутреннего кармана листок бумаги, протянул ее старому Евдокиму, стоявшему ближе всех.

Сейлер взял листок, отодвинул подальше от глаз, прочитал, пожевал губами и произнес:

— Тут все ясно сказано: принята от колхоза острова Вихну партия рыбы. Порода — салака. Сорт — первый. Вес — пятнадцать тысяч сто двадцать четыре килограмма. Сдатчик — Ян Койт.

— Дай-ка, Евдоким, посмотрю бумагу, — тихо сказал Николай Леппе.

Старый спорщик присмирел. Он был смущен и в то же время до крайности поражен тем, что произошло.

Это, однако, не помешало ему внимательно прочитать квитанцию. Заглянул он и на другую сторону, хотя никаких записей там не было.

— Да, пятнадцать тысяч сто двадцать четыре килограмма салаки... — задумчиво произнес Леппе. И вдруг, будто спохватившись, сердито закричал: — Безобразие! Где это виданы такие порядки! Рыба в море косяками ходит, а мы из сотни одну берем! Чего только правление смотрит, не понимаю!

Люди на пристани рассмеялись. Смех разнесся далеко по заливу.

Часть вторая

1. ТРУБКА СЕЙЛЕРА

Хороший человек старый Сейлер! Тот самый, который много ездил по свету и ловил рыбу в трех морях и двух океанах. Он уйму занимательных историй знает. Другой бы на его месте гордился, рассказывал только взрослым, а он нет — он с ребятами даже разговорчивей.

Правда, не всегда. Иногда на старика что-то находит, и тогда, сколько ни старайся, слова не скажет.

Лучше всех изучил характер бывалого моряка Марти. Он понял то, чего никто из мальчиков понять не сумел: оказывается, чтобы угадать настроение старика, нужно следить за его трубкой. Если хозяин трубки мрачен и неразговорчив, трубка сипит, хлюпает, выпускает дым клубами. Если же на душе у деда хорошо, трубка курится спокойно-спокойно, ее и не слышно, а дым тянется вверх ровным кудрявым столбиком.

Все это хитрый Марти приметил и одно время про-

сто изводил ребят. Присмотрится заранее к трубке, определит по ней настроение старика и начинает:

— А спорим: сколько ни спрашивайте, дедушка Сейлер ничего сегодня рассказывать не будет.

Или:

— А спорим: я сегодня дедушку Сейлера попрошу — он что-нибудь интересное вспомнит.

Ребята спорили. Победителем каждый раз оставался Марти.

Много времени прошло, прежде чем он раскрыл приятелям свой секрет.

Пока погода держалась холодная и ненастная, трубка Сейлера большей частью вела себя так, что на хороший разговор рассчитывать не приходилось. Должно быть, у старика ныли ноги от ревматизма. Но с наступлением тёплых весенних дней дымок стал виться веселей, и от ребят отбоя не стало. Тем более что очень уж удобное место выбрал старый морской волк для своего жилья — совсем близко от школы. Плоский, крытый тесом и чем-то напоминающий корабельную надстройку домик его смотрит окнами как раз на ту дорогу, по которой каждый день проходят школьники, живущие в восточной, ближней к молу части острова.

А те дети, что живут на западном берегу, или на южном, или на северном, идут в школу другим путем. Дорог и троп на острове много. Чуть ли не от каждого домика ведет своя отдельная дорожка. Это потому, что люди в старое время держались врозь друг от друга, селились особняком. Вот и получилось так, что на острове сколько домов, столько дорог. И по утрам детишки сбегаются в школу со всех концов, со всех сторон.

Юло, Марти, Иви — дочь бригадира Яана Койта, Петер — сын молчаливого Томаса Маала, и еще несколько мальчиков и девочек живут на восточном берегу. От этого они в большом выигрыше: два раза в день, двенадцать раз в неделю, ребята проходят мимо домика старого Сейлера. Ну, а кому чаще доводится

проходить мимо и здороваться со стариком, тому и слушать его истории удастся чаще.

С весны, когда ребята зачастили к старому рыбаку, возник вопрос, стоит ли брать к нему девочек. Речь, собственно, шла только об Иви Койт, так как из всех учеников четвертого класса, живущих на восточном берегу, только она одна и была девочкой. Но Марти, первым поднявший разговор об этом, хитрил. Он делал вид, будто дело не в Иви, а в девочках вообще. Девочкам, мол, не следует принимать участие в том, что не имеет к ним никакого отношения.

— Девчонки есть девчонки, — заявил Марти. — У них свои интересы, у нас свои. Мы ведь не суем нос в их вязанье и вышиванье. Вот и им нечего лезть с нами к Сейлеру. Море — дело мужское. А старик, кроме как о море, ни о чем не рассказывает.

Неизвестно, каким образом этот разговор дошел до Иви Койт, и она отчитала Марти так, что он не знал, куда деваться. Она тихая и молчаливая — Иви, но если разойдется — не удержишь.

— Ты что же думаешь, Марти? — сказала она, зло поблескивая голубыми холодными, как льдинки, глазами. — Ты думаешь, что в старое время живешь, да? Это в старое время нас дальше кухни и коровника не пускали.

— Кого это «нас»? — попробовал отшутиться Марти. — Вспомни, какой ты была в старое время. «Уа!» еще говорить не умела!

Спор разгорелся перед первым уроком и привлек внимание всего класса. Спорщики обступили. Свое «уа» Марти произнес противно-пискливым голосом, так, будто котенок мяукнул. Это вызвало смех среди мальчиков. Захихикали даже некоторые из девочек.

Но Иви не сдалась, только покраснела и еще больше рассердилась:

— Не отделявайся шуточками, Мартин Уад! Пионер должен уметь отвечать по-честному. Скажи, ты

правда считаешь, что наше дело только вязанье и вышиванье?

— А то нет? Вас этому в школе учат, а нас не учат. Значит, это ваше дело, а не наше. — Марти победоносно посмотрел вокруг.

— Да, наше. — Иви от волнения стала теребить переброшенную через плечо светлую косу. — Но и море тоже наше дело. И ловля рыбы тоже. И вообще, где бы что ни делалось, все наше дело! Запомни это, Мартин Уад, заруби себе на носу. И если тебе это неясно — значит, ты не пионер, ты... — Иви задыхнулась от возмущения.

В эту минуту она готова была растерзать рыжеволосого хвастуна и задиру.

Марти опешил. Он не ожидал такого наскока, а главное, понимал: спорить не стоит, он неправ. Вот только как отступить так, чтобы не пострадало самолюбие?

Везучему Марти и тут повезло: раздался звонок. Посмотрев на врага уничтожающим взглядом, Иви пошла к своей парте, а Марти, боком-боком, не глядя на нее, — к своей.

Начался урок. Несколько минут Марти сидел спокойно, потом вдруг его обожгла мысль: что, если злючка Иви сейчас, при всем классе, расскажет учительнице об их споре? Анне Райдару покачает седой головой, укоризненно посмотрит на него, и это будет хуже всякого выговора. Ведь он действительно нехорошо поступил, действительно оскорбил девочек. Кто же не знает, что они могут быть у нас кем угодно! Вон на Большом берегу есть рыболовецкий колхоз, где председателем выбрали женщину. И рыбаки нисколько не жалеют об этом. Колхоз — сейчас лучший в районе. А недавно Юло рассказывал, что где-то на Дальнем Востоке есть женщина — капитан дальнего плавания. Кажется,

единственная в мире. Но кто мешает Иви стать второй? Захочет — и станет. Вполне возможно. Тем более что Иви к арифметике очень способна. А математика в капитанском деле, говорят, первая вещь. Вот и получится, что девчонка еще раньше его сможет водить корабли. У него по арифметике отметки не такие уж блестящие.

Марти подумал еще немного, вздохнул, вырвал листок из тетради и написал:

«Иви! Почему ты сразу не сказала, что хочешь стать капитаном? Тогда будем ходить к дедушке Сейлеру вместе. Кто хочет стать моряком, тому к дедушке Сейлеру ходить полезно. М. У.»

Круговой почтой, из рук в руки, записка пошла к Иви. Та прочитала, пожала плечами и даже не посмотрела в сторону Марти. Не смотрела она на Марти и тогда, когда ребята с восточного берега гурьбой возвращались из школы. У домика, похожего на корабельную надстройку, произошла минутная заминка. Старый Сейлер сидел на скамейке и дымил трубкой. Марти задержал шаг, вопросительно взглянул на Иви, но ничего не сказал. Иви тоже ничего не сказала, первая зашла в калитку, первая поздоровалась со стариком. «Гордячка! — подумал Марти. — Когда еще станет капитаном, а уже гордится».

Расстроенный явным поражением в споре с девочкой, Марти устроился на пеньке перед скамейкой дедушки Сейлера и мрачно насупился. Юло задумчиво смотрел в сторону виднеющегося из-за деревьев моря. Тепло! Мартовское солнце припекает по-настоящему. От влажной земли поднимается парок. Пахнет хвоей, морем, выброшенными на берег водорослями.

Первым нарушил молчание Петер Маала. Он в отца — неразговорчив. Каждое слово для него — будто тяжелый камень. Но, должно быть, именно потому, что сам говорить не любит, он умеет вызывать людей на разговор. Вот и сейчас: всего несколько слов сказал, а беседа потекла, потекла ручейком. То в одну сторону

завернет, то в другую, и все журчит... Петеру очень хорошо: можно молчать и слушать.

С чего же начал Петер?

С самого простого — с погоды:

— Дедушка Сейлер, как по-вашему, какая завтра погода будет?

Дед внимательно смотрит на небо, потом, чтобы определить направление ветра, слюнит палец и поднимает его кверху, потом присматривается к полету чаек. Белокрылые птицы сегодня не парят. Они мелькают в море снежными комьями, качаются на мелких волнах.

Старик удовлетворенно щелкает пальцами:

— Запомните, дети, рыбацкую поговорку, вам это полезно знать: «Если чайка села в воду, жди хорошую погоду».

Иви пристроилась на крылечке напротив Марти и, наверно, нарочно, чтобы подразнить, занялась вязаньем. На Вихну женщины никогда не расстаются с клубком шерсти и спицами. Так уж повелось здесь с незапамятных времен, так и сейчас продолжается. Спицы мелькают в ловких длинных пальцах девочки, и Марти отворачивается. Глаза бы его не смотрели! Просто стыд и срам!.. Рядом — старый моряк, разговор идет о чайках, о рыбаках, о рыбацких приметах, а она спицами вертит!

Но именно Иви первая задала тот вопрос, с которым запоздал возмущенный Марти.

— Значит, — спрашивает Иви, — перед хорошей погодой чайки садятся на воду. А перед плохой?

— Перед плохой парят. Даже крыльями не шевелят, а воздух их держит.

— Почему?

Старик сосредоточенно думает, морщит лоб, расковыривает лучинкой табак в трубке, потом честно признается:

— Не знаю, дочка. Такая, видно, у них привычка...

— Я знаю, — подает голос Юло. — Я читал. Чайкам легко парить, когда от воды начинают подниматься вверх столбы нагретого воздуха. Он их поддерживает.

— Почему же это бывает именно перед плохой погодой? — снова спрашивает Иви.

— «Почему, почему»!.. — вмешивается Марти. — Бывает — и все!.. Такая у чаек привычка.

Юло не хочется срамить приятеля, но истина ему дороже.

— Нет, тут дело не в привычке, — поправляет он Марти. — Тут все от погоды зависит. Когда погода хорошая, когда жарко, вода остается холоднее воздуха, и никакие воздушные потоки с моря не поднимаются. Чайкам тогда трудно парить. Они качаются на волнах, а летают мало. Если же погода начинает меняться, воздух холодеет, — теплые воздушные потоки от моря к небу усиливаются. Чайки и держатся на них.

— Молодец, Юло, ты правильно объяснил! — замечает старый Сейлер и начинает набивать свою трубку.

Он нисколько не обижается на то, что маленький Юло сумел ответить на вопрос, который его, старика, поставил в тупик. Все правильно, чего же обижаться? Ведь Юло учится в новой большой школе. Там много учителей, там — книги, географические карты на стенах. А в старое время считалось, что детям рыбаков знания не нужны. Камбалу, мол, можно ловить, не заглядывая в книги и учебники. Потому-то он, Сейлер, не знает многого из того, что узнали в школе эти малыши. Но зато он много повидал на своем веку и может рассказать детям о том, что не в каждой книге найдешь.

И старик начинает рассказывать.

Разговор о чайках наводит его на воспоминания о других морских птицах — гагах — и об опасном промысле охотников за гагачьим пухом.

2. ТРИ ЯИЧНИЦЫ В ДЕНЬ

— Было это... Когда же это было? — задумался старик. — Давно, очень давно... Плавал я тогда на парусной шхуне, попал в Норвегию, а там очутился на берегу без работы и без гроша денег в кармане. Выгнал меня хозяин шхуны.

— Как — выгнал? — не понял Марти.

— Очень просто: выкинул мой сундучок на пристань, по трапу вниз полетел и я.

— И никто не заступился?

— Кто же заступится за простого матроса! Я с хозяином поспорил, сказал, что работать приходится за троих, а еда никудышная, голодный ходишь. Так, мол, не годится. А он: «Не нравится — убирайся!» — и выставил меня на берег.

Ну, побродил в порту, — нигде матрос не нужен. А тут подвернулся человек — низенький, толстенький, с хитрыми глазками. Предложил работу.

Я даже не поинтересовался, что за работа — в отъезд ли, здесь ли... Только насчет кормежки спросил: достаточное ли, мол, питание будет? Потому что голодный был.

Человечек заулыбался, руками замахал. «Яичницу, спрашивает, любишь?» У меня слюнки потекли: «Конечно». — «Раз так, говорит, будет тебе яичница три раза в день. По десятку яиц на сковородку сможешь класть».

— Ого! Тридцать яиц в день! — удивился кто-то из мальчиков. — Сколько же это кур было в том хозяйстве, куда вы попали, дедушка Сейлер?

Старик ухмыльнулся:

— Ни одной, малыш, ни одной. Отроду не водились куры в тех гиблых местах. Там их и выпустить-то некуда было бы. С одной стороны море, а с другой — высоченные скалы. И на тех скалах гаги гнездятся, птенцов высиживают. А мое дело было лазить по скалам, шарить в гнездах, выбирать пух. Чем больше пу-

ха собирал, тем, значит, ласковее хозяин улыбался. А мало приносил — зверем смотрел.

— Какой пух, дедушка? — спросил Марти.

— Чудак парень!.. Ну, какой у гаг может быть пух? Конечно, гагачий! Он, скажу я вам, на вес золота ценится. На свете нет ничего легче его и ничего теп-

лее. Парусиновую куртку подобьете им, и она вас лучше любой шубы от мороза спасет. А уж если пуховый стеганный спальный мешок заведете, то хоть прямо на льду Северного полюса располагайтесь: никогда не замерзнете. Отличная вещь!

Марти, как всегда в минуты удивления, замахал длинными ресницами. Возможность запросто расположиться в спальном мешке на полярных льдах поразила его воображение.

— Значит, на Северном полюсе люди как раз в таких мешках спят? — спросил он.

— Должно быть.

— И вы для них пух собирали?

— В том-то и дело, что нет, — сокрушенно покачал головой Сейлер. — В том-то и дело, что работал совсем для другого. Ты не забудь — было это давно, и было не у нас. Человечек для наживы старался. Тот пух, что я собирал, богачи покупали. Им и так тепло, а они все равно покупают, чтобы еще теплее было. Вот я ради них и рисковал головой, по скалам лазил...

— А это разве опасно — гагачий пух собирать? — продолжал приставать с вопросами неужемный Марти.

— Очень. Один ветер чего стоил! Страшные ветры там!.. Бывало заберешься на скалу, и вдруг ветер задувает. Да такой, что если не успеешь веревкой к камню себя привязать, вниз снесет. Ох, и натерпелся я!.. Каждый день с жизнью прощался. Да и насчет еды опять же... Через неделю меня уже от одного вида

яичницы наизнанку воротило. Ведь человек-то слово свое сдержал: три раза в день ставили мне на стол яичницу... из гагачьих яиц. Просто смешно сейчас вспомнить: сам себе пищу добывал и сам же говорил за нее спасибо хозяину. Потеха!..

Помолчали. Дымок из трубки старика спокойно поднимался кверху.

Минуты через две молчание прервал Юло:

— Дедушка Сейлер, а что, гаги только в Норвегии водятся?

— Зачем! Их и на наших островах много. Не здесь, а на севере, в Заполярье. И знаете, — оживился старик, — как у нас добывают теперь пух? Я это от моряков слышал: на островах теперь гагачьи фермы устроены. Да-да, самые настоящие фермы! Но, конечно, не такие, как для кур или индеек. Гаги как жили на воле, так и живут. Они понятия не имеют о том, что каждое их гнездо взято на учет, что люди о них заботятся, что их охраняют от песцов и других хищников...

Дедушка Сейлер вдруг вынул трубку изо рта, сморщился и чихнул.

Ребята хором пожелали ему здоровья.

— Спасибо, — ответил он и не торопясь продолжал свой рассказ: — Да... Так вот я говорю, до чего хорошо сейчас наладили у нас это дело с гагачьим пухом. Мне хозяин, когда я на него работал, наказывал: «Забирай всё!» Я и выбирал из гнезд все до последней пушинки, губил птицу. А у нас не так. У нас из гнезд выбирают ровно столько пуха, сколько гага может отдать без вреда для себя. И птица на наших островах отлично размножается. Дикие гаги до того привыкли к людям, что совсем ручными стали: запросто в дома заходят, под столом, словно куры, крошки выскивают. Удивительная картина! Интересно было бы посмотреть.

— А вы бы съездили, — посоветовал Марти.

— Легко сказать... — вздохнул старик. — Возраст, брат, не тот, чтобы ездить. Зато тебе, когда вырастешь

и моряком станешь, пожалуй, в тех местах плавать доведется. Всего насмотришься...

Марти уверенно тряхнул рыжими волосами:

— Конечно! Только я хочу быть не просто моряком, а моряком-рыбаком. Знаете, есть такие: они на больших пароходах плавают. И рыбу ловят не возле берега, а далеко-далеко в море. Даже в океан за рыбой уходят. На таком судне быть капитаном или там помощником лучше, чем на обыкновенном. На обыкновенном моряки в одном порту получают груз, в другой отвозят, и все. А моряки-рыбаки сами свой груз добывают в море. Уходят из порта с пустыми трюмами, возвращаются с полными. Скажете, плохо?

— Не скажу, — ухмыльнулся старый Сейлер. — Только имей в виду: ловить рыбу в море — штука не простая. Этому, брат, учиться и учиться надо.

— И научусь! Я что-нибудь особенное придумаю... Я такой невод сооружу, который сам притягивать к себе рыбу будет. — Веснушчатый нос хвастуна повернулся в сторону приятеля: — Ты мне что-то про это рассказывал, Юло, верно?

— Нет, я тебе про такой невод не рассказывал, — стал обстоятельно уточнять Юло. — Я тебе про игрушку рассказывал. Интересная игрушка!.. Коробка вроде аквариума, а на дне бумажные рыбки лежат. У каждой железное колечко в носу. Их нужно ловить, только не крючком, а магнитом. Кто больше наловил, тот выиграл. Только, понимаешь, магнит не одних рыб притягивает. Там можно и лягушку поймать и драные ботинки. Не настоящие, конечно, а игрушечные, бумажные... Это для интереса...

— Ну и как, много драных ботинок наловил? — съязвила Иви.

Юло оставил ехидный вопрос девочки без ответа. Он сейчас занят был другим: он думал о неводе, который решил соорудить Марти, когда станет большим. Ему мысль приятеля очень понравилась. Он тут же стал развивать ее:

— Ты говоришь, Марти, невод, в который бы рыба сама шла? А что, верно! Я думаю, такую снасть сделать можно. Нужно, чтобы она вроде намагниченной была, чтобы она действовала вроде игрушечной удочки нашего Уно: опустил сеть в воду — и рыбу притянет в нее, как железо к магниту. Вот здорово было бы!

— Конечно, здорово! — сказал дедушка Сейлер, хитро прищурившись. — И, главное, дело-то простое! Решили вы, к примеру, ловить на магнит салаку. Пожалуйста: берете сколько хотите салакушек, вдеваете им в нос железные колечки и опускаете в воду магнит. Рыбе — крышка. Железо в носу будет притягивать ее к вашему магниту. Отличная, безотказная снасть получится!

Марти не понял шутки.

— Так-то так, дедушка Сейлер, — сказал он с сомнением в голосе. — Но ведь чтобы продеть рыбе кольцо в нос, ее сначала поймать надо?

— Ну конечно, поймать, потом снова пустить в море и уже после этого ловить магнитом. Как раз для тебя работа, Марти, — снова съязвила Иви, не переставая вязать.

Марти покраснел. Второй раз за сегодняшний день он показал себя смешным в глазах этой девчонки. И что ей надо, непонятно!

А ребят шутка старого Сейлера очень рассмешила. Они так дружно и так громко расхохотались, что белочка, пристроившаяся на ближнем дереве, сорвалась с ветки, распушила хвост трубой и стремглав перелетела на другую сосну. Очутившись на безопасном расстоянии, она с любопытством высунула мордочку из-за ствола и уставилась на детей бисеринками глаз: с чего это они так развеселились?

Старый рыбак смеялся вместе со всеми. При каждом добродушном «хо-хо-хо» изо рта его клубами вырывался дым. Веселыми завитушками он поднимался к деревьям и рассеивался в воздухе.

Наконец наступила тишина. Старик вытер боль-

шим клетчатым платком выступившие на глазах слезы.

— Рассмешили, ребята, давно так не смеялся! — сказал он, вытряхнув пепел из трубки. — А что касается неводов, притягивающих рыбу, то нечего о таких пустых вещах думать, нечего забивать себе ими голову. Не было таких неводов, нет и не будет. Разве можем мы заставить рыбу делать то, что хочется нам, а не ей? Обмануть — да. Мы ее и на приманку можем взять, и сетью окружить, и дорогу неводом преградить — все это в наших силах. А приказать рыбе, заставить ее поступить по-нашему — нет, тут у нас руки коротки. Рыбе не прикажешь, она человека не слушается. Мы только так... — старик неопределенно пошевелил пальцами в воздухе, — смекалкой можем ее взять, хитростью... Вот расскажу вам, до чего ловко японские рыбаки придумали...

3. ПТИЦА-РЫБОЛОВ И РЫБА-ОХСТНИК

— В Японии выходит рыбак в море, — начал дедушка Сейлер, — и в лодке у него ни сетей, ни крючков, один баклан в плетенке.

— Птица баклан? — спросил Марти.

— Да. Она и в наших местах водится. Баклан плавает так, что быстрого угря догоняет, ныряет лучше тюленя, а уж прожорлив!.. За день съедает в пять раз больше рыбы, чем сам весит.

— Что же японские рыбаки с бакланами делают, дедушка Сейлер?

— Рыбу ловят. Народ они бедный, снасть купить — денег не имеют, вот и выходят из положения как могут. Тот рыбак, которого я видел в Японии, делал так: надевал своему баклану на шею кольцо и выпускал. Баклан сразу под воду. Минуты не проходит — глядишь, вынырнул, а в клюве — большая рыба. Птица хоть приученная, от хозяина не улетит, но

рыбу проглотила бы охотно, да кольцо на шее мешает. Тем временем рыбак подплывает и забирает добычу. Баклан снова под воду. Думает — может, вторую рыбу удастся проглотить. Но и со второй не выходит. Так и таскает рыбу рыбаку. Проходит час, другой — в лодке полная корзина улова. Рыбак собирается домой. Берет птицу в руки, снимает кольцо, дает несколько рыбин: честно заработала. Выходит, человек даже птицу может заставить служить себе. И не только птицу. Есть места, где люди приспособили себе в помощники рыбу.

— Рыбу? — недоверчиво переспросили мальчики.

— Да. А что? Чему вы удивляетесь? Рыба — тоже живое существо, ее тоже приучить можно. Только те, про которых я говорю, и без дрессировки служат рыбакам. Удивительные твари! Их прилипалами зовут...

Старик стал рассказывать про острова Океании, которые находятся на другом конце света и на которых он побывал, про красоты тамошней природы, про своего приятеля океанийца Нкуэнга и про его знаменитую прилипалу.

Оказывается, да, в южных морях водится такая рыба. Небольшая, неказистая, но с одним удивительным свойством: спинной плавник ее устроен так, что с его помощью рыба к любому предмету может прилипнуть намертво.

Прилипала пользуется этим. Прилипнет к днищу судна и плавает бесплатным пассажиром по всем морям и океанам. Мало того, что едет «зайцем», — так еще кормится даром. Ей перепадает немало вкусных кусочков из тех, что корабельные коки выбрасывают за борт.

А если корабля по пути не попадает, она к акуле или другому крупному морскому хищнику присосется. И тоже кормится за их счет.

Жители коралловых островов показали, до чего умен и изобретателен может быть человек. С незапа-

мятных времен они научились пользоваться особенностью прилипал, сделали их своими помощницами в морской охоте.

Чаще всего океанийцы с помощью прилипал ловят громадных морских черепах.

Делают они это просто: поймают прилипалу и надевают на нее тонкую крепкую веревку, свитую из кокосовых волокон. Придумать петлю для обыкновенной рыбы трудно — как привяжешь, когда она скользкая и гладкая! А у прилипалы плавник, словно горб, или, вернее, словно гриб, на спине торчит. На нее надеть сбрую ничего не стоит.

Океанийцы пользуются этим. Как охотники в наших местах берут с собой на охоту собаку, так они выходят в море с прилипалой на поводке.

4. „БОЛЬШАЯ ЖЕМЧУЖИНА“

Нкуэнг, о котором рассказал детям старик, тоже ловил черепах. Океаниец был знаменит среди своих земляков тем, что обладал самой крупной и самой ловкой охотничьей рыбой на всем побережье.

— Это была, можно сказать, прилипала-силач, прилипала-чемпион, — говорил дедушка Сейлер. — С тех пор как Нкуэнг стал выходить с ней в море, он никогда не возвращался домой с пустыми руками. Целую семью изо дня в день кормила своим трудом неказистая рыбешка. Океаниец недаром назвал ее «Большая жемчужина». Она была для него лучше всякой драгоценности.

Люди издали приходили посмотреть на знаменитую добытчицу. Много чего предлагали Нкуэнгу в обмен за прилипалу. Ему давали за нее свинью с двумя поросятами, давали урожай десяти банановых деревьев, давали красивую шелковую китайскую ткань... А однажды из соседней деревни пришел человек и показал Нкуэнгу жемчужину, которую достал со дна

моря, — хорошую, крупную, круглую, как луна в полнолуние.

«Вот тебе большую жемчужину за твою «Большую жемчужину», — сказал человек.

«Принеси мне целую пригоршню таких — и я все равно не отдам тебе свою», — ответил Нкуэнг.

— Правильно ответил! — горячо подхватил Марти. — Я на его месте тоже не отдал бы рыбы. Шутка ли, чемпион!..

— Но пригоршня жемчужин ведь тоже не шутка, — возразил Юло и обратился к старику: — Дедушка Сейлер, а сами вы на черепах когда-нибудь охотились?

— Вместе с Нкуэнгом. Мы с ним приятели были... Это очень интересное дело — охота за черепахами.

— Расскажите!..

— Что же рассказывать... Охота как охота... Встаю бывало на рассвете, зайду за Нкуэнгом, и отправляемся на берег. Там у него была притоплена старая лодка. Нкуэнг сделал из нее садок для «Большой жемчужины». Плавать она в ней плавала, а уйти не могла.

Ну вот, Нкуэнг подходил к садку и накидывал на рыбку пстлю. Ловко накидывал, я бы так не сумел... А потом перекладывал ее в ведро, и мы садились в

лодку — не в старую, а в другую, — и поднимали парус.

Там пассаты дуют. Всегда в одном направлении. Идешь и идешь под парусом. Благодать!..

Особенно далеко, правда, не уходили. Нам это и не нужно было: мы доплывали только до таких мест, где и глубины достаточные и вода прозрачная. Черепахи такие места больше всего любят...

Старик оживился. Даже про трубку забыл. Она потухла, и старый Сейлер не обращал на это внимания. Редкий случай!

— Да, — продолжал он, — вот где море так море! От поверхности до дна метров сорок — пятьдесят, но все, что в море делается, видно так, будто под тобой воздух, а не вода. Никакой аквариум не сравнится!

Вот мы и глядим с Нкуэнгом. Я в одну сторону, он — в другую.

Тут, главное, терпение нужно. Можно час сидеть, можно два, можно три.

Черепахи, знаете, стоят того. Они ведь там огромные, с обеденный стол. И у них все впрок: мясо ценится, панцырь ценится... Такую поймать — большая удача.

Потому и сидели, потому и высматривали... Чтобы сутки ждать, правда, дело не доходило, но несколько часов, пока вымотришь, все-таки проходит. Без этого не бывало.

Наконец, глядим, появляется! Плывет не торопясь... Махина — передать нельзя, пушкой не прошибешь!

Нкуэнг бросается к корме. Раз! — и «Большая жемчужина» в море.

— Ведро с прилипалой на корме стояло? — спрашивает Марти.

— По-моему, нет. В ведре прилипалу, должно быть, не держали. Она бы там уснула через полчаса, — подает голос Иви.

Старый Сейлер поддержал девочку:

— Правильно, Иви! В стоячей воде, да еще при

жаре, никакая рыба не выдержит. И мы, понятно, «Большую жемчужину» в ведре не держали. Я вам забыл сказать: для нее за кормой лодки плетенка была приспособлена.

Вот, значит, пускает Нкуэнг прилипалу в море, и она, знаете, вначале будто теряется: туда ткнется, сюда ткнется, а в общем около лодки держится.

Но это продолжается самую малость. Это она после плетенки в себя, должно быть, приходит, с морем осваивается. Через секунду-другую, глядишь, ее уже не узнать: никакой вялости, никакой сонливости, вся напружинилась — и стрелой к черепахе.

Причем, думаете, напрямик идет? Ничего подобного. У нее свои хитрые приемы. Она подплывает так, чтобы черепаха ее не видела, с теневой стороны подходит...

Нам с теневой стороны ее тоже, конечно, не видно. Черепаха на виду, а куда прилипала девалась, неизвестно.

Но даже не видя, по веревке, которую Нкуэнг держит, можно понять, что в воде происходит. Веревка дергается, потом ослабевает, потом снова дергается, потом натягивается струной...

Это значит: рыба подобралась к добыче, сделала круг, чтобы выбрать место получше, кинулась — хлоп! — прилипла.

Тут моя очередь наступает. Нкуэнг выбирает веревку, а я гребу к черепахе. Здесь главное — действовать спокойно и без спешки. Нужно думать о том, чтобы рыбе не повредить, пока черепаху подтягиваем.

Черепаха сперва ведет себя спокойно. Нкуэнг ее подтягивает, а она только перебирает лапами и головой во все стороны ворочает — никак в толк не возьмет, что случилось: плыла, плыла, и вдруг задержка...

Однако скоро, поняв ли, нет ли, черепаха наша начинает сопротивляться: то вправо повернет, то влево — словом, старается уйти.

А мы не даем. «Большая жемчужина» держит ее,

мы — «Большую жемчужину». Черепаха, выходит, в наших руках. Деваться ей некуда.

Так, не торопясь, делаем свое дело, пока не приближаемся настолько, что есть уже возможность на черепашую лапу петлю накинуть. Как только это удалось — все! — черепаха наша. Разворачиваемся, ставим парус и берем курс на остров.

Когда подходим к берегу, вытаскиваем черепаху на мелкое место и переворачиваем на спину. В таком положении ей никуда не уйти.

— А прилипала? — спрашивает Юло.

— А прилипала, чуть ее из воды вытащить, сама отстает от добычи. Нкуэнг ее снова пускает в садок.

5. ГОСПОДИН ДЕНЬГИ

Ребята, не спускавшие глаз со старика, зашевелились. Кто-то шумно вздохнул, кто-то стал постукивать ботинком о ботинок, чтобы сбить песок; Иви снова взялась за спицы, Марти поправил козырек фуражки, съехавшей набок. Только один Юло как сидел, так и остался сидеть. Он будто не вернулся еще с тропического островка, куда занесли его рассказ старика и собственное воображение. Он считал, что дедушка Сейлер слишком рано поставил точку. Ведь неизвестно, что потом стало с «Большой жемчужиной».

Юло спросил.

— Это целая история! — ответил дедушка Сейлер. — Может быть, хватит на сегодня? В следующий раз доскажу...

— Нет, нет! — хором запротестовали ребята.

— Да ведь поздно уже, вас ведь дома ждут...

— Ничего, мы еще посидим.

— Беда мне с вами! — проворчал старый рыбак. Он делал вид, что недоволен, хотя на самом деле ему самому хотелось досказать историю с прилипалой. — Ну так что же... — снова заскрипел старческий го-

лос. — «Большая жемчужина» неважно кончила — прямо сказать, плохо... Нкуэнг еще при мне лишился ее. Это все из-за одного типа произошло. Европейец, знаете ли, белый человек, дымчатые очки на носу, а хуже всякого дикаря оказался. Просто так, ни за что ни про что, загубил охотничью рыбу. Целую семью без главной добытчицы оставил.

Дело как было? Те, у кого денег куры не клюют и кому время девать некуда, иногда нет-нет, да и заворачивали на островок: тропики, пальмы — туристам интересно...

Вот, на беду Нкуэнга, и приехал один такой турист-бездельник. Делал вид, что интересуется ловлей черепаш, хотя ни в черепахах, ни в ловле их ничего не понимал.

Но это его не смущало. Он привык считать, что ему умение не нужно, ему деньги нужно иметь в кармане. И они у него были! Поэтому он на всех смотрел свысока. А о местных жителях говорить нечего — негров он вообще за людей не считал.

Словом, противный был тип!

Ну и взбрело ему на ум поохотиться с прилипалой. Это, мол, очень оригинальный вид охоты.

Желающих продать человеку с деньгой охотничью рыбу нашлось сколько угодно. Но он тоже был хитер: он прослышал где-то про «Большую жемчужину» и решил купить именно ее.

Привели его в хижину Нкуэнга.

«Эй, черномазый! — сказал господин Деньги. — Говорят, у тебя есть рыба, которая чорта вытащит из пекла. Покажи!»

Нкуэнг слова не ответил. Встал, повел белого к садку, показал «Большую жемчужину».

На того она никакого впечатления не произвела: рыба как рыба. Но денег ему было не жалко, и он сказал: ладно, возьмет прилипалу. А потом спросил, сколько дать за нее.

Нкуэнг сказал, что рыбу не продаст.

Господин Деньги удивился. Он подумал, что Нкуэнг ничего не понял. Он, видите ли, собирается заплатить за пакостную рыбешку хорошую цену, а глупый туземец возражает, глупый туземец отказывается.

«Не дури, негр! — сказал турист. — Больше, чем я даю, тебе никто не даст. Поэтому не смей говорить «нет!»»

Но Нкуэнг стоял на своем. Он твердил одно:

«Я рыбу не продам, господин. Она мне дороже всего».

Турист дивился-дивился упрямству чернокожего, потом рассвирепел, стал ругаться, стал махать кулаками и до того дошел, что навалился на лодку-садок и перевернул ее днищем вверх. Вода разлилась, на песке затрепетала «Большая жемчужина». Господин Деньги наступил на нее ногой и втоптал в грязь.

«Считай, что ты мне ее продал, негр, — сказал он. — Há!..»

Он бросил на песок рядом с растоптанной «Большой жемчужиной» сколько-то денег...

Ребят взволновал рассказ. Им было жаль прилипалы и было интересно знать, что стало с Нкуэнгом. Но старый рыбак не мог ответить: он этого не знал.

Посидев еще немножко возле домика, похожего на корабельную надстройку, дети распрощались с Сейлером.

6. СЧАСТЛИВЕЦ АНДРУС

Дома Юло застал одного лишь маленького Уно. Тот сидел на полу и занимался новой игрой: выуживал бумажных рыбешек из коробки.

Хотя Юло утверждал, что это игра для малышей, соблазн был слишком велик. «Развлечь Уно, что ли? — подумал он. — Что это он все один! Маленьким детям полезно, когда с ними старшие играют».

Решив проявить заботу о братишке, Юло протянул руку к удочке:

— А ну, дай попробую.

— Постой, я сам!

— Нечего, нечего!.. И так целый день тычешь без толку. Дай покажу, как надо ловить.

Юло опустил магнит в коробку и вытащил нечто похожее на акулу. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вовсе не гроза морей. На конце магнита болталось колечко с картинкой, изображающей драный ботинок. То, что Юло принял за акулю пасть, было подметкой с огромными, торчащими, как клыки, гвоздями.

Дальше пошло не лучше. Не везло до удивления! Попалась второй ботинок, такого же отвратительного вида, как первый. Попалась яркозеленого цвета лягушка с неправдоподобно выпученными глазами. Несколько раз вовсе ничего не попадалось.

А глупый Уно, что ни заход, вытаскивал то окуня, то камбалу и даже осетра. При этом он восторженно визжал. Визжал, когда вытаскивал свой никчемный бумажный улов, визжал, когда к удочке брата прилипали нелепые ботинки и лягушки.

Юло делал вид, что его несколько не трогают неудачи, но в душе терзался. Игра пустая, удовольствия никакого, только краснеть приходится. Мучительное раздумье старшего брата над тем, как без урона для самолюбия выйти из игры, прервалось приходом матери. Это оказалось как нельзя более кстати.

— Уно, — сказал Юло, бросая удочку, — давай кричать «есть хочу»!

Уно есть не хотелось, но возможности пошуметь он всегда рад.

— Есть хочу! Есть хочу! — затянул малыш тоненьким голоском.

— Есть хочу-у! — подделываясь под гудок парохода, стал басом вторить Юло.

Мать сначала не обращала внимания на шум, потом прикрикнула:

— Тише вы, сорванцы! Сейчас отец придет, будем обедать.

Отец и вправду пришел скоро.

В последние дни Юло замечал, что он чем-то озачобен. Вот и сегодня так: молча сел за стол, задумался; кажется, и не слушает его рассказа о воспоминаниях старого Сейлера.

Обед подходил к концу, когда Густав Манг вдруг спросил сына:

— А про кильку Сейлер ничего не говорил?

Юло с удивлением посмотрел на отца:

— Ничего. Он про черепах рассказывал.

— Э-э, не тем вы, ребята, занимаетесь, не о том, о чем нужно, думаете! Какие-то черепахи... Понимаешь ли ты, Юло, что люди не от хорошей жизни идут на всякие выдумки с бакланами и прилипалами? Рыбакам в тех странах не на что покупать сети, а жить надо, умирать с голоду никому не хочется. Вот и приручают бакланов... Но разве это настоящий лов? Да пусть рыбак заставит работать на себя хоть тысячу птиц — они все равно не смогут дать того, что один колхозный невод-великан дает.

Густав Манг замолчал, опять задумался, потом посмотрел на сына:

— Юло, кто у вас сейчас пионерами руководит?

— Андрус Кескюла.

— Разве? А я думал, что с тех пор, как Андрус побывал на курсах при рыбном техникуме, он больше не занимается ребячьими делами.

— Нет, он и сейчас наш старший вожатый.

— Вот это отлично! Сходи-ка, сынок, к нему и скажи, что я прошу его прийти.

Андрус жил не близко. Надо было пройти лесом и пересечь все пахотное поле. У Юло было время поломать себе голову над тем, зачем отец заговорил вдруг о пионерском отряде, зачем решил повидать Андруса Кескюла. Может быть, он, Юло, провинился в чем-нибудь и отец хочет пожаловаться на него вожатому? Нет, никакой провинности за собой Юло не чувствовал. Ну поддразнивал братишку, ну стукнул раз Марти за то, что тот слишком уж назойливо и не к месту называл его «товарищем Язнаю», ну взял книгу у Августа Менде, пообещал вернуть через три дня и не вернул, хотя прошла неделя...

Все это не то. Отец в такие дела не вмешивается. И, уж во всяком случае, из-за этого не будет обращаться к Андрусу. Стало быть, он, Юло, здесь ни при чем. Стало быть, он может явиться к Андрусу, ни в чем не чувствуя себя виноватым. А это очень важно, потому что Андрус для Юло не просто старший вожатый.

Можно уважать человека, можно кое в чем ему подражать, — Юло же хотелось во всем, решительно во всем быть похожим на Андруса Кескюла. Ему казалось, что никто не умеет так разговаривать с ребятами, как Андрус. Он ответит на любой вопрос, и ответит так, что все сразу становится понятным. А до чего уважают его ребята! А какой он сильный и смелый! Этой зимой ходил на тюлений промысел, и рыбаки рассказывали, что парень стреляет почти так же метко, как молчаливый Томас Маала. Но ведь известно, что Томас Маала — лучший стрелок на острове.

А как отлично знает Андрус рыболовецкое дело! Любой бригадир был бы рад иметь его своим помощником. Но Андрус решил учиться дальше. Хочет поступить в рыбный институт. Он вернется образованным человеком. Будет показывать рыбакам, как нужно ловить рыбу по всем правилам науки.

И притом, никто на острове в семнадцать лет не повидал так много, как Андрус. Отец его, Яан Кескюла,

был коммунист. В первые дни войны он ушел на фронт и погиб, сражаясь с фашистами. А Андрус с матерью уехали далеко на восток. Где он только не побывал, этот Андрус, пока шла война! Жил на Урале. Там дремучие леса и среди лесов громадные заводы. Жил в Казахстане. Там такие необъятные степные просторы, что машина много часов на самой большой скорости может мчаться без дороги в любом направлении.

В Москве Андрус тоже был. Он ходил по Красной площади, видел Кремль, а однажды, когда стоял возле башни с часами, звон которых каждый вечер передается по радио на весь мир, видел, как из кремлевских ворот выехал правительственный автомобиль.

Юло не очень ясно понимал, что это за автомобиль, но название «правительственный» ему нравилось: звучало внушительно. Такое название только к столице могло относиться.

Да, на Вихну того не увидишь. На Вихну, надо сказать, не только правительственных, но вообще никаких машин нет. Им здесь податься некуда. Только разгон возьмут — тут же в море уткнутся. Жаль, очень жаль! Все-таки без автомобилей чего-то не хватает... Будь дорога вокруг острова, машины могли бы и на Вихну часами ездить без остановки. Большое движение могло бы быть...

Мысль об оживленной асфальтовой магистрали, опоясывающей остров, захватила Юло. Он представлял себя то шофером за рулем автомобиля, то автоинспектором, гоняющимся на мотоцикле за нарушителями правил езды, то регулировщиком, переключающим светофор с зеленого на желтый свет и с желтого на красный, то пешеходом, остановившимся в растерянности перед бесконечным потоком машин на вихнурской дороге, то, наконец, самим собой, примостившимся тайком в кузове грузовика и катящим, катящим...

Размечтался до того, что забыл обо всем на свете. Даже когда нос к носу встретился с Андрусом, к которому шел, — и то не очнулся.

Тропинка была узкая. Скользнув по пионервожатому невидящим взглядом, Юло взял вправо.

Андрус молча сделал шаг в ту же сторону. Он решил подшутить над рассеянным парнишкой.

Юло машинально взял влево.

Андрус опять вырос перед ним.

Так минуты две топтались на месте, пока Юло не пришел в себя.

— О, Андрус! — смущенно произнес он. — А я как раз к тебе. Отец просил, чтобы ты зашел, хочет о чем-то поговорить.

— Так ты из дому?

— Ага.

— А я думал, с луны. По крайней мере, вид у тебя такой.

— Нет, это я просто задумался...

7. КИЛЬКА ВЕРНУЛАСЬ

Густав Манг с нетерпением ждал вожатого. Но когда тот пришел, бригадир начал разговор издалека. Поговорил о погоде, о том, что рыба нынче идет хорошо, наконец задал тот самый вопрос, который он уже задавал сыну за обедом:

— А насчет кильки ты, случайно, ничего не слышал, Андрус?

— Нет, ничего. Что же о ней у нас может быть слышно?

— Да, удивительная вещь, — задумчиво произнес бригадир. — Всем хорошо наше море, всего много в нем, только вот кильки нет. А ведь для нас, эстонских рыбаков, килька все равно что яблоки для садоводов: сколько бы ни было разных плодов, но без яблонь сад не сад. И в нашем деле то же самое: как бы хорошо ни ловилась рыба, а без кильки улов не улов. Но не повезло нам, нет у нас кильки...

— Почему же так, папа? — спросил Юло.

— Неизвестно. Еще на моей памяти она ловилась очень хорошо. Но потом то ли течение изменилось, то ли дно по-другому стало выглядеть, то ли еще по какой причине, но килька вдруг сразу, как по уговору, перестала заходить в залив. На острове люди стоном стонали от такого горя.

— Ну, какое же это горе! Другая ведь рыба осталась.

Густав Манг посмотрел на сына:

— Это тебе сейчас легко рассуждать: нет одной рыбы — можно другую ловить. В колхозе, мол, для всяких пород сетей достаточно. А в старое время знаешь как было? Твой дед в могилу раньше времени сошел, вся наша семья несчастной стала из-за того, что килька ушла от берегов Вихну. Я тебе об этом никогда не рассказывал?

— Нет.

— Тогда послушай, полезно... И ты, Андрус, послушай.

Андрус поерзал на месте. У него еще много дел намечено на сегодня. Он не думал засиживаться. Но ничего не поделаешь. Бригадир Манг не из тех людей, которые бросают слова на ветер. Воспоминаниями своими занялся он сейчас, конечно, тоже не случайно. Надо послушать.

Вожатый посмотрел на рыбака. Тот молча, не поднимая глаз, набивал трубку. Раскурил, затянулся дымом и начал:

— Так вот. Было это лет тридцать назад. Было мне лет примерно столько же, сколько тебе, Юло, сейчас. Жили мы бедно. Отец с братом выходили в море на маленькой весельной лодочке. Ловили крючковой снастью. А обзавестись сетями денег не хватало. И хотя купец Томас Весик часто предлагал: «Чего ты мучаешься? Купи сети, я тебе деньги дам взаймы», отец отказывался. Знал: у богача рубль взаймы возьмешь — потом десятью не откупишься.

Крепился, крепился отец — не выдержал. Очень

хотелось ему, чтобы я учиться пошел, но на это деньги нужны были. Подошло время сестру замуж выдавать — тоже деньги требовались. В общем, пошел к Весику, дал ему расписку и взял взаймы. Тогда это называлось «получил кредит». Вернулся отец домой, выложил деньги на стол и посмотрел на них, будто ядовитую змею в дом принес. Понимал: не принесет радости помощь богача.

Стали всей семьей думать, какие сети купить — салачные или килечные? И салака тогда шла хорошо и килька. Но килька все-таки ценилась больше. От кильки Томас Весик не отказывался, а от салаки часто воротил нос: «Город не требует». И тогда хоть весь улов в море выбрасывай.

Вот и решили: если уж покупать сети, так килечные. Килька, мол, не подведет.

Купили, дождались путины, вышли в море, а там хоть бы одна рыбешка! Это был как раз тот год, когда килька перестала появляться в наших местах.

В это черное время отец и сам стал черный, как земля. Ходил сгорбившись, будто большую тяжесть нес.

А ведь речь шла всего-навсего о маленькой рыбешке, которой вдруг не полюбились здешние места. Будь это сейчас, пошли бы мы в колхозный склад, сложили бы в угол сети для той рыбы, что не идет, взяли бы другие — для той, что ловится, — и весь разговор. А тогда — ушла килька, ушло и счастье из дома. Всю жизнь поломала рыбешка!

Путина прошла, и Томас Весик явился к отцу: «Эй, сосед, мне деньги нужны». — «Вы ведь, господин Весик, знаете, как получилось с килькой. Мы даже бочонка рыбы не выловили, чтобы прокормиться зимой». — «Это меня не касается. Или деньги, или иди отработывать долг. Мне человек нужен — бочки на баржу грузить».

Стал отец батрачить у Весика. Брат уехал за море искать работу и пропал. Сестра нанялась в няньки.

Я в школу ходить не смог, неученым остался. И все из-за кильки. Десятки семей на острове по миру пошли, когда килька перестала ловиться у нас.

Рассказ был окончен. Андрус ждал продолжения разговора. Но Густав Манг не спешил. Он взял точильный брусок и начал править охотничий нож, кожаные ножны от которого висели у него на поясе. С такими ножами рыбаки Вихну никогда не расстаются.

Вожатый ни о чем не спрашивал. Не полагается младшим торопить старших. А бригадир водил ножом по бруску и о чем-то думал. Потом попробовал нож на ноготь, сунул в ножны и наконец проговорил:

— Слушай, Андрус, что я хочу сказать тебе. Помоему, в наш залив вернулась килька.

— Килька?.. — Андрус вскочил. — Неужели так, дядя Густав?

— Да, похоже. И чтобы разобраться в этом, мне нужна твоя помощь. Речь, парень, идет вот о чем. В последнее время, когда мы перебираем невод, я каждый раз замечаю: килька стала попадаться. Вылешь десять черпаков с салакой, смотришь — одна килечка промелькнула. Пустяк, конечно... Это все равно, что перебрать мешок желтого гороха и найти зеленую горошину. Но даже эти одиночные килечки заставляют меня ночами не спать. Все думаю: «Откуда? С чего это они стали попадаться нам?»

— А я бы, папа, на твоём месте и не думал, — рассудительно сказал Юло. — Ну, пусть стала попадаться килька, пусть приходится ее одна на тысячу салакушек. Ведь толку все равно нет. Разве это улов?

— Не улов. Но ты забыл, на какую рыбу рассчитаны наши неводы-великаны?

— На салаку.

— Верно. А как ты узнаешь, какая сеть для какой рыбы предназначена?

— Ну, это просто, это всякий скажет. На ячейки посмотришь, и видно: если большая ячея — значит, сеть для крупной рыбы; если более густая — для мел-

кой. Ведь ячея делается такая, чтобы рыба голову про-
сунуть могла, а вся пролезть — нет.

Густав Манг с одобрением посмотрел на сына:

— Ну, а как по-твоему: какая рыба крупнее —
килька или салака?

— Кто же не знает этого! — обиделся Юло. —
Килька раза в два меньше салаки.

— Стало быть, если для салаки каждая ячейка не-
вода — тесная форточка, то для кильки она — широ-
кое окно. Верно?

Юло понял, куда клонит отец.

— Вот в чем дело!.. — протянул он. — Значит,
килька, может быть, плавает взад-вперед через невод,
а следов никаких?

— Нет, не было бы следов, у нас бы и разговора,
Юло, не было. Следы есть. Есть над чем задуматься.
Разве те килечки, что попадают, — не след? След,
да еще какой! Почему все годы мы ни одной кильки в
глаза не видели, а сейчас нет-нет, да и мелькнет?
О чем это говорит?

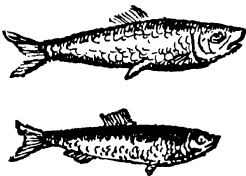
— О том, — сказал Андрус, — что в наши неводы
заплывают целые косяки килек. Заплывают и уходят.
Те, что застревают, застревают случайно. Они-то на
глаза и попадают.

— Вот именно, — подтвердил бригадир. — Имен-
но так, должно быть, все и происходит. Килька дает
знать о себе, килька стучится в наши сети. Понял?

Андрус с новым интересом посмотрел на бригади-
ра. Ай да дядя Густав!.. Сколько рыбаков в последнее
время замечали среди салаки маленькую рыбешку, и
никто не обращал внимания. А вот Густав Манг задум-

мался над тем, над чем никто не
задумывался. И вот к какому вы-
воду пришел... Это ведь великое
дело для всего побережья, если
килька вернулась!

От нетерпения вожатый вско-
чил с места:

— Дядя Густав, нужно ставить килечные сети! И чем скорее, тем лучше.

— Горячишься, брат, горячишься, — сказал бригадир. — Во-первых, трудно ставить то, чего нет. Где ты найдешь сейчас на острове килечную снасть? Ее и в помине не осталось. А во-вторых, нужна ли она? Ведь еще ничего не ясно.

— Так надо, чтобы стало ясно.

— Надо.

— А как?

Густав Манг встал, прошелся по комнате, остановился перед Андрусом:

— Вот об этом как раз я и хотел поговорить с тобой. Если килька забрела случайно, она раз-другой попадетсЯ, и все! Больше ее не будет. Если же она пришла сюда кормиться и уходить не собирается, то при каждой выборке неводов хоть одна-две килечки должны среди салаки быть. Значит...

— Я знаю! — обрадованно закричал Юло, с самого утра не имевший случая произнести свою любимую фразу. — Значит, нужно после каждой выборки просматривать улов и отбирать кильку. Верно, папа?

— Почти. Весь улов просмотреть невозможно — на это дня не хватит, — но с каждой моторки брать на проверку несколько корзинок рыбы нужно. Я советовался в правлении. Там сказали: «Дело стоящее, но взрослых отрывать от работы в разгар путины нельзя. Хорошо бы пионеров привлечь». Я и сам думаю, что пионеры могли бы помочь в этом деле. Как твое мнение, вожатый?

— А это много времени отнимет у детей?

— Смотря сколько ребят захотят участвовать в разборке.

— Захотят все.

— Что ты!.. — испугался бригадир. — Человек двадцать, больше не нужно. Двадцать человек вполне управятся. Час утром на разборку уйдет, час вечером.

— Час перед занятиями, час после того, как дома уроки сделают, — это не страшно, — стал вслух воображать Андрус. — На занятиях это не отразится. Думаю, в школе возражать не будут. Только надо посоветоваться с ними... — Андрус поднялся, надел фуражку. — Я сделаю так, дядя Густав: поговорю с учительницей, поговорю с ребятами... В общем, была бы килька, а уж пионеры что могут сделают — не упустят ее.

Юло тоже поднялся с места:

— Мне идти с тобой, Андрус?

— Да, пошли. Хорошо бы Анне Райдару застать в школе.

Юло взглянул на часы:

— Она в это время должна еще быть. Тетради проверяет.

— Тогда бегом!

Андрус и Юло вышли на дорогу. Накрапывал дождик. Темнело. Пока шли, стало совсем темно. Но вот вдали сверкнул огонек. Он светил мягким, ровным светом.

— Это, навсрно, в окне учительской, — сказал Юло. — Анне Райдару там. И так всегда: мы приходим в школу — она уже в школе. Мы уходим — она остается...

— И пока я учился, тоже самое было, — подтвердил Андрус. — Я не представляю себе нашей школы без Анне Райдару...

Вечером в школе Юло бывал редко. Здесь все выглядело совсем не так, как днем: коридор — длиннее, классы — просторнее, потолки — выше. А самое главное — тишина. Удивительная, непривычная, поражающая тишина!

Из дверей учительской в коридор пробивалась полоса света. Андрус постучал, спросил: «Можно?» — и шагнул через порог. Юло — за ним. В комнате, склонившись над тетрадями, сидела учительница четвертого класса «А» Анне Райдару.

Отодвинув лампу, учительница заслонилась рукой

от света, посмотрела на вошедших, приветливо улыбнулась:

— Андрус — еще понятно... Но Юло-то, Юло почему так поздно?

— Мы насчет пионерских дел, — сказал вожатый.

— Да? И, видно, что-то срочное?

— Очень срочное. Вы знаете, есть предположение, что к нам килька вернулась.

— О-о!..

Анне Райдару проучительствовала на острове два десятка лет, и ей не надо было объяснять, что означает для вихнувцев такая новость.

— Кто тебе сказал о кильке, Андрус? — спросила она.

— Густав Манг. В последнее время килька стала попадаться вместе с салакой.

— А это не случайность?

— Густав Манг считает, что нет. По его мнению, килька вернулась.

— Бригадир зря говорить не станет, — задумчиво сказала Анне Райдару и покачала седой головой. — Для нас всех будет большая радость, если его слова подтвердятся. Но чем тут могут помочь пионеры?

Андрус подробно рассказал, какой помощи от пионеров ждет правление колхоза.

— И ты считаешь, что ребят следует привлечь к этому делу? — спросила учительница.

— Конечно.

— Я тоже так считаю. А когда нужно начать?

— Надо бы завтра с утра... — Вожатый замаялся. — Надо будет по цепочке оповестить ребят, собрать их сейчас.

— Не поздно ли, Андрус?

— Мы ненадолго, — стал уверять Андрус. — Соберем только тех, кто живет близко. Через десять минут ребята будут здесь, и за десять минут все решим.

— Хорошо, — сказала учительница. — Но давай

условимся: на все про все даю полчаса. Через полчаса дети должны быть снова дома.

— Сделаем! — тряхнул головой Андрус. — Пошли, Юло!

8. НАХОДКА УНО

Рано утром, когда солнце еще только-только поднималось, отряд пионеров собрался на пристани. Вместе с Андрусом пришло двадцать человек. Двадцать первым был маленький Уно. Он увязался за Юло и теперь горько жалел. Хотелось спать. Было холодно и скучно. Уно представлял себе разборку рыбы совсем не так. Ему казалось, что на пристани будет стоять длинный, вроде кухонного, только во много раз больший, стол, пионеры будут стоять вокруг и перебирать рыбу. И будет шумно, и суетливо, и весело.

А тут — ни стола, ни рыбы, ни суеты, ни веселья. Пристань выглядит, как всегда. Дети стоят и ждут подхода лодок. Юло куда-то ушел, хотя мать наказывала, чтобы он присматривал за младшим братом. «Вот я скажу маме, — мстительно подумал Уно. — Мало ли что может со мной случиться! Я могу подойти к самому краю мола, могу в лодку забраться, под вагонетку подлезть. А он совсем-совсем не присматривает за мной».

Мысль о том, что Юло поплатится за свое невнимание к младшему брату, утешила Уно. Мир перестал казаться мрачным. Только ветер противный. Мальчик зябко поежился, попытался застегнуть пальто повыше, но не сумел. Вспомнив, что мать хотела помочь ему справиться с верхней, непослушной пуговицей, он снова горестно вздохнул. Всегда так: сперва кажется, что будет жарко, и споришь с матерью, а потом оказывается, что мать была права.

Тут Уно увидел отца. Бригадир спешил к причалу, куда, пытаясь, подходила моторка.

Это была первая лодка с утренним уловом. Обрадо-

ванные тем, что ожиданию пришел конец, дети побежали встречать ее на самый конец мола. Но лодка была не с салакой, для разборки которой они собрались, а с крупной рыбой.

Для любого вихнувца, как бы молод он ни был, выгрузка рыбы — картина привычная, обыденная. Но вот ведь какая странность: можно сто лет прожить у моря, а оно всегда — будто в первый раз увидел его. Можно сто раз наблюдать, как идет работа на море, и это тоже не прискучит. И ребята с интересом смотрели, как рыбаки вытаскивают наверх мокрые, скользкие ящики с массивными, точно литыми из белого металла судаками, зеленовато-серыми щуками, змеевидными угрями. Стараясь уйти от света, угри извивались и подползали друг под друга. Судаки утомленно двигали жабрами. Щуки лежали затвердевшие, неподвижные. Они более живучи, чем судаки, но, видно, их выловили первыми, потому они и уснули раньше.

Марти устоять на месте трудно. Повертевшись возле бригадира, он спросил:

— Дядя Густав, как вы думаете, среди этой рыбы не может быть кильки? Не начать ли разбирать?

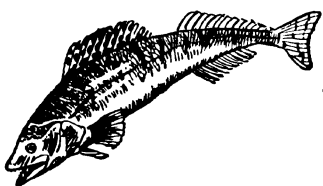
Густав Манг посмотрел на выжидающе обращенную к нему веснушчатую физиономию Марти и задумался.

— Килька среди щук и судаков? — переспросил он. — Нет, среди крупных рыб ее нет, но она может быть в самой рыбе.

— Съеденная? — догадался Марти.

— Во-во! Судаки и щуки рыбью мелочь запросто глотают. И если в море появилась килька, их желудка ей не миновать. Так что верно, посмотреть стоит.

Бригадир достал из ящика большого, толстого судака и длинную, как бревно, щуку, положил рыбин на вагонетку, вынул свой нож из ножен и ловко, двумя короткими, точными движениями, раскрыл рыбы туши сверху донизу.

Судак, как можно было убедиться, позавтракал недавно салакушкой; щука оказалась расторопней: она начала свой день с того, что полакомилась салакушкой и угорьком.

Пионеры, обступившие вагонетку, разочарованно молчали. Первый подал голос Марти:

— Ни одной килечки, дядя Густав?

— Да, ни одной.

Рыбак был сдержан и спокоен, но и его лицо выражало разочарование.

Андрус, стоявший рядом, задумчиво посмотрел на бригадира.

— Рыба, кажется, на перемет ловлена? — спросил он.

— Да, на перемет.

— А где его ставили?

Лицо бригадира просветлело:

— Правильно, Андрус! В тех местах, где перемет ставили, кильке делать нечего. Там река близко, вода пресная — это не для кильки.

Марти потрогал пальцем судака, потом щуку:

— Значит, то, что в них нет килек, еще ничего не значит?

— Значит, не значит! — рассмеялся вожатый.

Вместе с ним рассмеялся бригадир, ребята, даже маленький Уно. Он не понимал, почему смеются, но ему было весело. Поднялось солнце, стало тепло, спать больше не хотелось. Оказывается, разборка рыбы все-таки приятная вещь! Только почему это называется разборкой? Ведь никто ничего не делает. Просто стоят и стоят на молу...

Уно собрался спросить об этом, но тут затарахтела приближающаяся моторка. Все стало и так понятно.

Лодка обогнула мол и подошла к пристани. Вся средняя часть ее, от борта до борта, была как бы зали-

та ртутью, искрилась, сверкала, переливалась под лучами утреннего солнца.

— Хороший улов! — сказал бригадир. — Это из какого невода?

— Из девятого, — ответил рыбак за рулем.

— Всё взяли?

— Нет, следом еще лодка идет. В одну не поместилось.

Началась выгрузка. Работали большим, сплетенным из веревки сачком — зюзьгой — с длинной деревянной ручкой. Такой сачок захватывает сразу ведра два рыбы. Одному не поднять. Поэтому рыбаки орудуют с зюзьгой вдвоем. Один берется за ручку, другой — с противоположной стороны — за веревку, привязанную к кольцу сачка. Зачерпнут, поднимут и опрокинут в корзину. Зачерпнут, поднимут, опрокинут... Зюзьга так и мелькает. Корзины подают на мол, ставят на вагонетку и катят по рельсам к берегу, в склад.

У входа в склад, прямо на песке, расположились пионеры. Андрус принес большой брезент, расстелил его. Сюда с каждой моторки подносили по три корзины рыбы. Ее вываливали на парусину, а ребята разбирали. Выскивать кильку в гряде салакушек оказалось не просто. Обе рыбки похожи друг на друга, как сестры-близнецы. Только одна побольше, другая — поменьше. У одной голова длинная, у другой — покороче. Вот и вся разница. Если положить две рыбешки рядом, то отличить одну от другой нетрудно; но когда из корзины на брезент вываливается гора салаки и она разливается на полу сплошным потоком жидкого серебра, попробуй найди здесь среди тысяч сверкающих рыбок одну такую же, как все, но лишь меньшую и с несколько иной формой головы.

Каждый разобрал рыбу по-своему.

Марти незаметно для себя и других очутился на середине брезента. В чешуе у него были не только руки, но даже уши и нос. На спине, из-за ворота куртки, по-

блескивала салакушка. Как она попала туда, понять было трудно.

Юло близоруко склонился над грудой рыбы и до каждой в отдельности задумчиво дотрагивался указательным пальцем.

Петер Маала действовал всей пятерней. Широкой, сильной рукой он разравнивал слой рыбы и, подвигая к себе небольшие кучки, внимательно рассматривал. Такой не пропустит того, что ищет.

Иви, надев поверх пальто принесенный из дому передник, занялась разборкой по-хозяйски: поставила перед собой корзину, полную рыбы, рядом — пустую и, перекладывая из одной в другую, быстро, споро проверяла улов. Возле нее — чистота, порядок, будто не с рыбой возится. А сделала больше других.

Остальные девочки, глядя на Иви, тоже подвинули к себе пустые корзины, тоже стали перекладывать в них рыбу. Мальчиков такой способ разборки не устраивал. Им казалось, что чем больше будет куча салаки на брезенте, тем быстрее пойдет работа. Они очень торопились: каждому до смерти хотелось первому найти кильку.

Однако первую килечку, как ни странно, обнаружил маленький Уно, на которого, увлекшись разборкой, и внимание перестали обращать. Найдя кильку, Уно издал такой же восторженный вопль, какой издавал, когда вытаскивал своим магнитом бумажного осетра.

Юло не одернул малыша. Пусть визжит. Как-никак, а крохотная серебристая рыбешка, высмотренная малышом, пожалуй даже поважнее настоящего осетра. Мальчик держит за хвост живое доказательство того, что отец прав, что килька вернулась в вихнувские воды.

Пионеры обступили Уно. Все разглядывали находку, будто это была не безобидная, длиной в ладонь, рыбка, а по крайней мере меч-рыба, или молот-рыба, или еще какое-нибудь диковинное морское творение.

К столпившимся ребятам подошел Андрус.

— Это из какого невода улов? — деловито спросил он. — Из девятого? Так. Всю кильку из девятого невода откладываете в сторону. Из других неводов кильку тоже не путайте, пусть лежит отдельно. Юло, ты будешь вести учет. Записывай, сколько какой невод дал кильки. И за работу, ребята, за работу! Не будем терять время.

— А чего ее записывать? — усомнился Марти. — Что в одном неводе килька, что в другом — она всюду одинаковая.

Юло строго посмотрел на Марти:

— Нет, записывать нужно.

— Зачем? Не знаешь, а повторяешь, как попугай!

— Я попугай?!

— Ты попугай.

— Я попугай?!

— Ты попугай.

Ссора грозила разгореться, словно ворох соломы на ветру. Но вмешался Андрус:

— Спокойнее, ребята, спокойнее! Вместо того чтобы спорить, вы бы лучше спросили. Неводы стоят в разных местах, на разной глубине. По тому, в каком неводе задержалось больше кильки, мы будем знать, где ее следует искать. Ясно?

— Ясно, — сказал Марти.

А Юло сказал:

— Ну да, я так и думал.

9. ОШИБКА МАРТИ

Шесть дней подряд пионеры утром и под вечер приходили на пристань разбирать рыбу. И в течение этих шести дней не было случая, чтобы тетрадь Юло оставалась без записей. Среди салаки всегда находили кильку. Правда, мало, очень мало: на несколько центнеров улова — килограмма полтора-два, не больше.

Но это не имело значения. Количество тут особенной роли не играло. Важно было то, что килька попадает. Попадается каждый день, и почти во всех неводах.

К концу недели, просмотрев сделанные записи, бригадир обратился к вожатому:

— Что ж, Андрус, по-моему, вопрос ясен. Были у меня сначала колебания, думал — может быть, ошибаюсь, только зря шум подниму, а пионеры помогли. Сейчас знаю твердо: вернулась килька, можно лов начинать. Так что собирайся, товарищ вожатый, пойдём в правление. Будешь докладывать о том, что показала разборка рыбы.

Андрус встал, надвинул фуражку на лоб, вытер приставшую к сапогам чешую:

— Пойдемте, дядя Густав. Только пусть Юло и Марти тоже пойдут. Они — звеньевые отряда. А Юло, кроме того, учетчик, ведет записи.

— Согласен, — сказал бригадир.

...Мальчики бывали в конторе колхоза, но в комнату председателя Мартина Крусте, где обычно заседает правление, попали впервые. Крусте сказал им:

— А, молодые активисты! Прошу, прошу, — и усадил рядом с собой.

Юло и Марти чувствовали себя необыкновенно важными. Шутка ли, участвовать в заседании правления! Будет о чем рассказать ребятам.

Однако, говоря по правде, было не очень интересно слушать разговор, который шел между старшими о количестве выловленной и сданной рыбы, о расчетах между колхозом и рыбным комбинатом, о ремонте моторок, о заводе горючего и тары.

— Юло, — толкнул под столом приятеля Марти, — горючее — это то, что горит. А тара что такое?

— Ничего ты не знаешь! — зашипел Юло. — Дрова тоже горят, но их не называют горючим. Горючее — это топливо для моторов: нефть, бензин, керосин. А тара — бочки.

— Но ведь здесь говорят не о бочках, а о ящиках для копченой салаки!

— Ящики — тоже тара.

Марти собрался было заспорить, но прикусил язык, потому что председатель в это время заявил:

— А сейчас, товарищи, послушаем новости о кильке. Тут Манг с помощью пионеров провел целую исследовательскую работу. И как будто бы не впустую. Говори, Густав.

Бригадир поднялся. Он говорил о том, что в водах Вихну за все последние годы ни разу не было поймано ни одной кильки, а сейчас ее можно найти в каждой корзине с салакой, что есть и другие признаки, подтверждающие возвращение кильки.

Потом встал Андрус и рассказал о работе пионеров, о том, сколько всего моторок с уловом было проверено, какие результаты дала выборка рыбы. Перечисляя исходы, давшие больше всего кильки, он подошел к карте на стене и показал уловистые места.

«Уж этот Андрус! — думал Юло, с уважением глядя на вожатого. — Ведет себя так, будто для него доклад на правлении — самая привычная вещь!»

Вечный спорщик, старый Николай Леппе не был членом правления колхоза, но это не мешало ему аккуратно посещать все заседания. Сейчас он сидел за столом, смотрел на Андруса и, ни к кому не обращаясь, шептал так, что слышно было на другом конце комнаты:

— Вот до чего дожили! Мальчики нас поучают, мальчики о рыболовных делах рассуждают! Слушать тошно!..

Старик отвернулся. Казалось, он действительно не слушает Андруса. Но стоило тому приблизиться к карте, как Николай Леппе тоже встал и подошел. Зоркие стариковские глаза внимательно следили за карандашом в руках вожатого.

— Вот здесь, здесь и здесь, — говорил Андрус, указывая на карту, — находятся четвертый, девятый и ше-

стнадцатый неводы. Они давали по десять-двенадцать килек на каждую корзину. А в других неводах выходило по одной, по две. Надо думать, в этих местах килька главным образом и держится.

— А ведь парень прав, — заявил вдруг Леппе. — Именно здесь в старое время она ловилась. И вот, сколько лет миновало — снова сюда пришла! Значит, дело верное, есть килька! Наша, вихнувская, вернулась!

Старый Сейлер тоже подошел к карте и тоже подтвердил:

— Верно. В этих местах килька ловилась лучше всего. Много я ее брал здесь. Но вот не возьму в толк, как нам сейчас быть. Ведь на всем острове не осталось ни одной килечной сети. Не голыми же руками ловить рыбу!

— Да, голыми руками тут немного сделаешь, — сказал Мартин Крусте. — Время терять нельзя. Завтра же кому-нибудь нужно поехать на Большой берег за сетями. Хорошо бы заодно с инженером Соколовым поговорить. Пусть наведается, посмотрит, совет даст. Как-никак, а килька для большинства из нас — дело новое... Только кому поехать? — Председатель обвел глазами присутствующих. — Самая горячая пора. Никого отрывать нельзя...

Андрус поднял руку, как перед учителем в классе, но тут же спохватился, опустил:

— Разрешите, товарищ Крусте.

— Ты что-то хочешь сказать, Андрус?

— Да. Прошу меня послать. Я управлюсь.

Крусте на минуту задумался, потом обратился к рыбакам:

— Считаю, что товарищ Кескюла справится с поручением. Как думаете?

— Справится, — сказали рыбаки. — Пусть едет.

— Значит, Андрус, завтра с утра отправляйся. И знаешь что? — Крусте кивнул в сторону Юло и

Марти: — Возьми-ка в подмогу своих адъютантов. Вот только как с учебой быть?

— Так ведь занятия кончились, завтра каникулы начинаются! — в один голос закричали Юло и Марти.

— Разве? Какие каникулы?

— Всенние! В этом году длинные — десять дней!

— Ого! Повезло!.. — Председатель делал вид, что слышит об этом впервые, хотя отлично знал о начале весенних каникул и именно поэтому заговорил о поездке ребят. — Значит, от занятий вы свободны, да? А вот как родители? Родители-то позволят вам поехать?

— Позволят! — снова закричали мальчики.

Пока шел этот разговор, лицо старого Леппе мрачнело все больше и больше. Наконец он не выдержал:

— Позволь мне слово, председатель.

— Пожалуйста.

— Счастье идет к нам в руки! — начал старик торжественно. — Счастье идет, а мы его упускаем. Тридцать лет прошло с того черного дня, как килька перестала заходить в наши воды. Решили — навсегда пропала. Оказывается, нет — вернулась. И подумайте только, какая удача: никто на всем побережье залива не знает об этом, а мы одни знаем. Никто и не думает о кильке, а мы можем развернуть лов. На всю кильку только наши сети будут выставлены. Да ведь это раз в сто лет такой случай бывает! Значит, не надо дураками быть, надо умеючи повести дело. — Николай Леппе распалился. Голос его гремел. — И вместо того чтобы использовать такой случай, ты, Мартин Крусте, посылаешь на Большой берег детей! Разве они сумеют сохранить в секрете это дело? Проболтаются в первые же полчаса. И через день все побережье будет знать: килька пришла. Все кинутся ловить, и мы будем одни

из многих. И локти с досады кусать будем, но будет поздно... Поэтому, пока еще есть время, я говорю тебе, Крусте, и вам, члены правления: не делайте глупости, умеете пользоваться удачей, думайте о своем колхозе.

Марти не мигая уставился на старика. С каждым его словом лицо мальчика вытягивалось от огорчения. Чудесная поездка на Большой берег срывалась на глазах. И все потому, что думают, что Юло и он болтливы и расскажут то, чего рассказывать не следует. Но ведь это неверно! Если только потребуется, они будут молчать. Нужно сейчас же, пока не перерешили, дать обещание не болтать. Тут каждая секунда дорога.

Марти вскочил.

— Дедушка Леппе! — отчаянно зазвенел мальчишеский дискант. — Вы напрасно думаете, что я и Юло не умеем хранить секреты. Даем слово никому-никому, ни одному человеку на свете, ничего не рассказывать насчет кильки. Пусть нас кто угодно спрашивает — будем говорить, что никакая килька в наши неводы не попадала, что мы о ней и не слышали...

Мальчик хотел еще что-то сказать, но Крусте оборвал:

— Стой, Марти, я тебе слова не давал. А тем более такого. Ведь то обещание, что ты даешь сейчас, недостойно пионера.

— Недостойно?!

Марти растерялся. Лицо запылало. Глаза налились влагой. Почему Мартин Крусте говорит с ним так сурово, почему так сурово смотрит?.. Но ведь Крусте зря человека не обидит. Должно быть, он, Марти, действительно сказал какую-то глупость. Ужасную глупость!..

Марти взмахнул длинными ресницами, посмотрел на председателя:

— Я... я не понимаю, дядя Крусте...

— Вижу, что не понимаешь, — смягчился ры-

бак. — А понять нужно. Вот скажи мне, пожалуйста, Марти, кому мы сдаем ту рыбу, что вылавливаем?

— Кому сдаем? Государству.

— Государству. Правильно. Хорошо, что знаешь.

А кому сдают рыбу другие колхозы?

— Тоже государству.

— Ну, и что же, рыба остается лежать на складах?

— Нет, ее отправляют.

— Куда?

— Не знаю.

— Я тебе скажу куда. Наша рыба идет в Москву, в Ленинград, на Урал, в Донбасс, в Среднюю Азию и в другие места, где живут и трудятся советские люди. Они покупают ее, а нам присылают то, что сами делают: двигатели для моторок, горючее, якоря, крючки, сети, снасть, ткани, обувь, сахар, чай, табак, книги — словом, все, в чем мы нуждаемся. Вон Юло тетрадь в руках держит. Посмотри-ка, Юло, что на обороте тетради написано?

— «Камский бумажный комбинат», — прочел Юло.

— А на карандаше какая марка?

Юло прищурил близорукие глаза:

— На карандаше надпись: «Фабрика имени Красина. Москва».

— Вот видите: тетради нам присылают с Урала, карандаши — из Москвы, моторы для лодок — из Ленинграда, бензин — из Азербайджана, сети — с Волги, чай — из Грузии. Это все государство организовало. Значит, чем больше государство будет получать всяких продуктов и товаров, тем будет лучше для всех советских людей и для нас с вами. А ты хочешь, Марти, чтобы государство получило меньше рыбы, чем может получить. Ведь мы всю кильку все равно не сможем выловить. И если другие колхозы не развернут во-время лов, она уйдет в открытое море, и никому никакой пользы не будет. Так нужно ли держать в секрете новость о кильке? Как думаешь?

— Не нужно, — еле слышно произнес Марти.

Все смотрели на него, и ему в эту минуту хотелось провалиться сквозь землю.

Но не только Марти чувствовал себя неважно. Старый Леппе тоже сидел красный, смущенный. Он ловил на себе взгляд председателя колхоза. И в этом взгляде не было той теплоты, которая обычно светила в глазах очень храброго и сильного человека, бывшего партизана Мартина Крусте.

— А тебе, товарищ Леппе, — обратился Крусте к нему, — спасибо за совет. Будь здесь Томас Весик, на которого все мы когда-то работали, он непременно воспользовался бы им. Но таких, как Весик, на острове больше нет. Мы не купцы, не барышники. Мы — советские люди, колхозные рыбаки, и твой совет не для нас. Зачем нам скрывать от друзей то, что и нам и им может пойти на пользу?

— Я ведь не о себе — о колхозе думал! — пробурчал Леппе.

— Думал о колхозе, а не по-колхозному, — сказал старый Сейлер.

Леппе собрался ответить — не в его правилах было оставлять за кем-нибудь последнее слово, — но Мартин Крусте прервал спор стариков.

— Довольно, вопрос ясен, — сказал он. Потом обернулся к Андрусу и мальчикам: — А вам, ребята, наш наказ: никаких секретов! Как приедете в город, сейчас же пойдите на рыбный комбинат, разыщите Соколова и расскажите ему о кильке. Он сделает все, что нужно.

...Возвращались из правления колхоза в темноте. Шумел лес. Издалека доносился крик чем-то встревоженной чайки. Луна то появлялась, то снова скрывалась за тучами. Мальчики шли рядом с Густавом Мангом и Андрусом. Марти все еще не мог прийти в себя, молчал, даже вздохнул раз-другой. Впрочем, такое настроение сохранялось недолго. Вот он начал что-то лихо насвистывать, потом незаметно сунул в карман

рассеянного Юло подобранную с земли сосновую шишку, потом наставительно сказал:

— Смотри, Юло, не проспи завтра, а то уйдем без тебя.

— А ты смотри не проговорись о кильке, — в тон ему язвительно ответил Юло.

— Ой, не вспоминай! — взмолился Марти. — Нужно же было мне такое сказать!.. Дурак дураком стоял перед всеми!

— Каждый стоит как может, — снова съязвил Юло, но тут же признался: — А ведь я тоже сначала подумал: «Молодец Марти, правильно говорит!» Ну, а потом уже понял, что неправильно...

Расстались приятели мирно. Уговорились: рано утром Марти зайдет за Юло — вместе отправятся на пристань.

10. КОШЕЛЬКОВЫЙ НЕВОД

Утром выехать не удалось. На рассвете, когда Юло еще только-только проснулся, а мать разделявала у громадной печи тесто для пышек в дорогу, пришел старый Леппе. Пробормотав под нос два каких-то невнятных слова, которые, по всей видимости, должны были обозначать пожелание доброго утра, он спросил:

— Хозяин дома?

Густав Манг вышел из сарая, где задавал корм корове.

— Здравствуй, Леппе. С чем так рано пожаловал?

— С неводом, — коротко и мрачно ответил старик.

— С неводом? С каким неводом?

— С кошельковым. Ты, должно быть, не помнишь: как раз в тот год, когда кильки не стало, я собрался попробовать у нас кошельковый невод. Думал, всех удивлю, все у меня учиться будут, а килька ушла... Пришлось невод на чердак забросить. Тридцать лет валялся там, сгнил почти. Этой ночью я его взял —

где сшил, где заново сплел. На два — не скажу, а на один замет как-нибудь хватит, не развалится. Да больше и не нужно. Если килька есть, невод можно будет выбросить: колхоз новые сети достанет. Если же кильки нет, невод все равно можно выбросить: не жалко... — Старик откашлялся и метнул в сторону Юло грозный взгляд: — Не очень-то я верю вашим подсчетам в ученических тетрадках! Коли ты, Густав Манг, остался таким рыбаком, каким был когда-то, то пойдешь со мной в море, и мы сделаем пробный замет. Рыбу не считать надо — рыбу надо ловить. Если же не пойдешь, значит тебе не дело дорого, а шум вокруг дела.

Юло казалось, что отец обидится и ответит на неприветливую речь неприветливого старика так, как тот заслужил. Но странно: отец и не думал сердиться. Наоборот, с каждым словом седого ворчуна его лицо все больше расплывалось в широкой улыбке. Могучий голос бригадира зазвучал на весь дом:

— Хо, Леппе! Ты думаешь, я спорить с тобой буду? Не буду спорить. Конечно, лучше вести счет той рыбе, что поймана, а не той, что в море плавает. Но иногда и наоборот приходится поступать, по обстановке, вот как с килькой, например...

Старик выжидающе смотрел на бригадира. На его лице было написано: «Говори, говори! Посмотрим, как ты будешь выкручиваться».

Но Густав Манг и не думал хитрить. Он поднял с полу тяжелый невод, принесенный Леппе, стал разворачивать, рассматривать.

— Не трогай сеть — и так еле держится! — испуганно закричал рыбак.

— А дышать на нее можно?

— Лучше не дыши.

— Хорош невод! — засмеялся бригадир. — Но все равно ты с ним, Леппе, удружил. Спасибо. Какой ни есть, а все-таки можно будет выйти в море, посмотреть, что с килькой делается... Пошли на причал.

Юло холодный пот прошиб. Лицо его вытянулось:

— Значит, поездка откладывается, папа?

— Не откладывается, а задерживается. Из-за твоих ребят задерживается.

— Почему?

— Потому! Будь они здесь, мы бы вышли сейчас в море, забросили разок сеть, и если бы получилось все как надо, вы бы тут же могли отправиться в город. Но опаздывают ребята, опаздывают...

Ребята, однако, были легки на помине. На дороге показались высокий, длинноногий Андрус и быстро семенящий рядом с ним коротышка Марти.

— Быстрее, быстрее! — поторопил их Густав Манг. — Время не ждет.

По пути к пристани бригадир рассказал Андрусу о том, что спешат они вовсе не на моторку, уходящую в город, а в море — ловить кильку. Марти же, опередив всех, ничего не знал, никого не слушал. В мыслях своих он уже был на Большом берегу. И Юло ни в чем не разубеждал его. Не каждый день выпадает случай разыграть приятеля.

Пришли на причал, стали рассаживаться в весельные лодки. В первую сели Андрус и Леппе, во вторую — Густав Манг и мальчики.

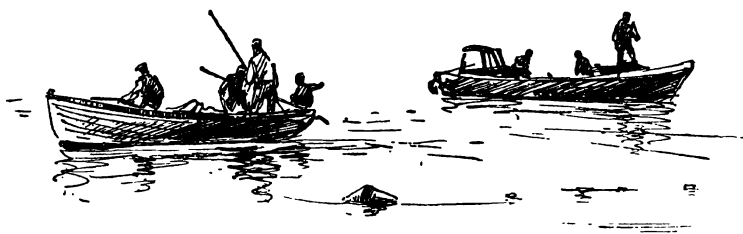
— Я не возьму в толк, Юло... — шопотом сказал Марти, — я не возьму в толк: разве твой отец и Леппе тоже едут в город? И не пойму, почему мы вышли на веслах?

— Тс-с! — тоже шопотом ответил Юло. — Это секрет. Ни о чем пока не спрашивай. В море узнаешь.

Марти замолчал. Он ничего не мог понять. Изумление на его лице, казалось, застыло на веки вечные.

Между тем лодки подвигались к ближайшему от мола девятому неводу-великану. Здесь, как предполагали Густав Манг и Андрус, должна была быть килька.

Не дойдя до невода метров сто, лодки сошлись, и Леппе с борта на борт передал бригадиру веревку,

к которой был привязан конец сети. Густав Манг закрепил веревку и стал гребсти, а Леппе, перегнувшись через край своей лодки, привычными и четкими взмахами стал выбрасывать сеть за борт. Манг тянул ее за собой. Он греб с таким расчетом, чтобы описать на воде большой круг. Мальчики тоже гребли изо всех сил.

По мере того как круг замыкался, изумление на лице Марти начало сменяться возмущением. Так вот в чем дело! Юло разыграл его. Оказывается, они вышли на веслах вовсе не из-за каких-то таинственных причин, связанных с поездкой в город, а просто чтобы забросить кошельковый невод... Ну погоди, Юло!

Марти негодовал, но греб вовсю. Когда идет обмет, нужно работать. Счеты можно свести потом.

Все же в виде задатка он поддел веслом набежавший барашек, и струя холодной воды обрушилась на сидевшего впереди коварного друга. Юло охнул, вьюном завертелся на месте, но тоже не нарушил равномерного движения лодки. Когда идет обмет, нужно работать. Счеты можно свести потом...

Сеть послушно тянулась за гребцами. Пространство между краями невода становилось все более узким. Наконец круг сомкнулся. Рыба, охваченная со всех сторон сетью, была как в круглой клетке. Но клетка имеет пол, а здесь сеть не доставала до дна. Нырнет рыба — и поминай как звали!

Однако нет, не уйти добыче. Тот безвестный рыбак, который выдумал когда-то кошельковую снасть, был,

наверно, завзятым курильщиком. Свой невод он сделал по образцу табачного кисета — того известного всем кожаного или матерчатого мешочка с продетым сквозь него шнурком, которым обыкновенно пользуются курильщики. Курильщик, когда хочет закрыть кисет, делает так: потянет за шнурок, и края кошелечка стягиваются туго-туго. Ни одна крошка курева не просыплется.

Вот, должно быть, вертел рыбак-курильщик свой кисет в руках да вдруг подумал: а что, если сеть устроить так же? Чтобы она была круглая, как этот кошелечек, и чтобы тоже затягивалась шнурком. Только не верх, конечно, стягивать нужно — через верх рыба не уйдет, — а низ.

Сказано — сделано. Взял рыбак сеть, нанизал на нижний конец кольца и продев сквозь них веревку. Получился огромный кисет. Обметать им участок в море — дело нетрудное. Стянуть низ веревкой тоже несложно. А рыбе не уйти. Ведь из завязанного кисета табак не просыпается? Нет. Вот и с кошельковым неводом то же самое: ни одной рыбешке не ускользнуть из него.

Ловко придумал рыбак-курильщик!

Старый Леппе умел завязывать свой кисет. И не хуже этого умел обращаться с кошельковым неводом. Когда лодки сошлись и края сети зашли один за другой, он захватил концы веревки своими жилистыми, поросшими седым пухом руками и накрепко стянул нижние кольца сети. Готово! Не уйти кильке. Только есть ли она?..

Старик глянул из-под клочковатых бровей в зеленую мутную воду, посмотрел на Манга и сказал:

— Взяли, Густав!

Сеть с двух сторон стали втаскивать в лодки. В ячейх сверкнула рыба. Это была килька. Местами стенка сети была как бы заткана сплошным серебром. Тысячи маленьких, толстоспинных килечек трепетали и бились.

— Ох, и много же ее! — говорил Николай Лепе. — Боюсь, сеть не выдержит — гнилая.

Руки его дрожали, пот градом катил по лицу. Но глаза вечно недовольного старика сияли радостью.

— Тридцать лет не ловил кильки, — бормотал он, — и вот снова довелось... Пришла все-таки!

Густав Манг, большой и сильный, поднимал тяжелую сеть и, встряхивая ее над лодкой, сбрасывал рыбу на дно.

— Ну что, не ошиблись мы, Андрус! — торжествуя, крикнул он юноше.

— Не ошиблись, дядя Густав! После такой проверки будет что рассказать в городе.

— Вот-вот... Закончим, и прямо с лодки — на моторку. Полным ходом двигайте!

Забыв о несведенных счетах, Марти толкнул приятеля в бок:

— Едем, значит!

— А как же! Я ведь тебе говорил, что поедем, — солидно ответил Юло.

Часть третья

1. НА БОЛЬШОМ БЕРЕГУ

Трудно поверить, что могут найтись в нашей стране граждане, достигшие довольно солидного, одиннадцати-двенадцатилетнего возраста и никогда не видевшие поездов, высоких каменных домов, асфальтированных дорог. Трудно поверить, что могут найтись у нас ребята, которые, учась в четвертом классе, знают об этих вещах только по картинкам в книжках. Однако факт остается фактом: у Марти и Юло жизнь сложилась именно так. Как бы ни хотелось мальчишкам, но паровозам действительно нечего делать на их маленьком острове. Семь километров в длину и четыре в ширину — не очень-то разбежишься на таком пространстве!

Что же касается асфальтированных дорог, то они на острове будут. И высокие каменные дома тоже. Недаром Мартин Крусте говорил недавно на заседании правления, что пришло время подумать о строительстве большого, красивого Дома культуры для колхозников Вихну. Дом культуры наметили построить

в центре острова, а от мола к нему проложат широкую, гладкую дорогу, по бокам которой будут электрические фонари на высоких железных мачтах.

Так задумали вихнувцы. А что задумали, то исполнят. Как известно, у них слово с делом не расходится. Но пока — чего нет, того нет. И Юло с Марти, впервые вступив на Большой берег, не переставали ахать.

Прежде всего перед ними раскрылся порт. У причалов, сверкая белой краской надстроек, стояли пароходы. Некоторые были огромны. В их каютах могли не теснясь расселиться все вихнувцы от мала до велика.

Над пароходами, даже над пароходными трубами, поднимали шеи громадные голенастые стальные птицы. Это были подъемные краны. То наклоняя, то вздергивая вверх клювы, они вытаскивали из судовых трюмов ящики, тюки, мешки, бочки, стальные балки, листы железа, бревна, доски, рельсы, части машин.

А другие краны нагружали пароходы. Они тоже плавно разворачивались, тоже то наклоняли, то поднимали свои могучие стальные шеи и несли в клювах, будто кормили ненасытных птенцов, связки тюков, ящиков, мешков.

Толкая пустые и груженные платформы, гудели, надрывались паровозы. Вдоль причалов быстро передвигались какие-то странные машины, неся перед собой, как люди носят поленья дров, сложенные друг на друга ящики и мешки. Машины назывались автопогрузчиками. Об этом мальчишкам сказал Андрус.

Глядя на то, как все в порту бурлит, кипит и находится в движении, Юло вспомнил вчерашний разговор в правлении колхоза. «У нас каждый край, — говорил вчера Мартин Крусте, — дает то, чем богат, и получает то, в чем нуждается. У нас всюду стараются выпустить побольше всякого добра, и от этого всем хорошо».

Он прав, председатель. Вон ведь сколько добра сюда присылают! Вон сколько пароходов выгружаются! И пустыми они отсюда не уйдут. Здесь их тоже

доверху загрузят. Кстати, те бочки, что опускают сейчас в трюм, — не вихнувские ли это бочки? Не с рыбой ли? Что-то очень похоже!..

Миновав порт, вихнувцы вышли в город. Юло и Марти чуть не разрывались на части. Надо было разглядеть одновременно и высокие, красивые дома, и старинные крепостные башни, и четко шагающую под дробь барабанов колонну пионеров, и трамвай, который с веселым звоном мчится по улице, и толстых, важных голубей, разгуливающих на площади под ногами прохожих, и красивый фонтан среди садика: два бронзовых мальчика изо всех сил прижимают к себе здоровенную рыбину, а из ее рта бьет высокая струя воды.

Андрус — человек бывалый. Он все знает. Мальчики его засыпают вопросами — и он терпеливо отвечает.

— Андрус, фонтан в саду — это для людей или чтобы птицы пили?

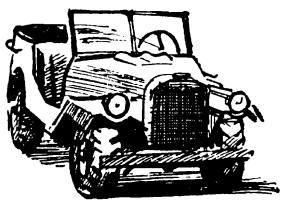
— Для красоты. Людям приятно смотреть на фонтан. Ну и птицы, конечно, пользуются. Когда воды мало, воробьи даже купаются...

— Магазинов сколько!.. Что ни дом, то магазин. Зачем столько?

— В городах на главных улицах всегда магазинов много. Ведь они не только городским нужны. За покупками из деревни многие приезжают.

— А почему милиционер посреди мостовой? Еще под машину попадет.

— На милиционера машина не наедет. Ты лучше смотри, чтобы на тебя не наехала.

Вдруг Андрус перестал улыбаться, в глазах появилась суровость. Они проходили мимо заводского здания. Вожатый сказал, что здесь работал его отец. Он был токарем по металлу. А когда

Эстония стала советской, рабочие выбрали его председателем завкома. И это его стараниями вон в том красивом особняке, что виднеется через улицу, был устроен детский сад. Особняк был хозяйский. В нем жил хозяин завода. А его отдали детям рабочих. Там им было очень хорошо, они там проводили целые дни.

Скоро, однако, началась война, пришли фашисты, вместе с ними вернулся и хозяин. Он выбросил в мусорный ящик игрушки малышей, он пожег в печке маленькие стулики и столики. Дети снова остались на улице. Играли среди мусора, а красивым домом любовались издали.

Отец же Андруса и многие другие рабочие взяли винтовки и пошли воевать за то, чтобы все лучшее, что есть на земле, было для народа, а не для хозяев.

Они добились своего. Советская Армия победила фашистов, Эстония снова стала советской, хозяин завода убежал, а особняк опять отдали детям.

Только отец Андруса не вернулся домой: его убила фашистская пуля.

Вот почему, когда вожатый закончил свой рассказ, в уголках его рта долго сохранялась горькая складка.

Через несколько кварталов началась старая часть города, с узкими, извилистыми улочками.

— Вот этому дому триста лет, — говорил Андрус, указывая на здание с крутой черепичной крышей и неправильно расположенными окнами. — Этому — четыреста. А вон там, где аптека, — тому пятьсот с лишним лет. И знаете, аптека в нем находится с первых дней постройки. Там даже есть бутылки из-под касторки, которую давали детям пятьсот лет назад. В этих же самых бутылках касторку и сейчас держат. Интересно, правда?

— Интересно, — сказал Юло.

— Может, хочешь попробовать? — предложил приятелю Марти.

— Сначала ты попробуй, потом я.

Марти промолчал. Юло иногда тоже умеет неплохо ответить.

Переговариваясь, три вихнувца шли по городу. Вожатый отвечал на вопросы мальчиков, но о деле не забывал. Указание Мартина Крусте он выполнял точно: прямо с пристани держал путь на комбинат.

Когда до комбината оставалось совсем недалеко, вихнувцам попала на глаза странная легковая машина с широко расставленными колесами и коротким железным кузовом без верха.

— Вот так сооружение! Это что за машина? — спросил Марти.

Юло тоже вопросительно посмотрел на Андруса. Он решительно все знал, этот Андрус.

— Машина называется «ГАЗ» — вездеход. Она по любой дороге пройдет. В обыкновенных автомобилях вал, который идет от мотора, вертит задние колеса. Те катятся и заставляют катиться передние. Поэтому, если машина задними колесами застревает в грязи, передние перестают действовать. А в этой мотор вертит обе пары колес. Вот если бы машина остановилась, я бы вам смог показать...

И тут произошло то, что происходит только в сказках: пожелание высказано—пожелание исполнено. Не успел вожатый произнести: «Вот если бы машина остановилась...», как машина действительно остановилась. Мальчики оторопело смотрели на совершившееся чудо.

Но чуда не было. Все объяснилось очень просто. Из автомобиля выглянул инженер Соколов, сидевший за рулем, и окликнул вихнувского знакомого:

— Андрус, какими судьбами?

— Федор Алексеевич, вот хорошо!.. А мы к вам.

— Ко мне? — несколько удивился инженер. — Тогда залезайте, по дороге поговорим.

Мальчики забрались в странную машину. Соколов нажал рычаг, автомобиль покати по улице. «Все равно как в моторке, — подумал Марти, — только качает меньше».

— Какие же у вас дела ко мне, ребята? — спросил Федор Алексеевич.

Андрус ответил за всех:

— Нас Мартин Крусте прислал. У нас килька появилась...

— Что-о?! — Инженер дал тормоз. Машина дернулась. — Ты не спутал, парень?

— Нет-нет, — заторопился Андрус. — Густав Манг первый заметил кильку среди салаки. Мы целую неделю выборку делали, и килька попадалась в каждом неводе. А сегодня провели пробный лов... Очень много кильки! Еле сеть вытянули.

Соколов многозначительно свистнул:

— Вот это новость! За такую новость полагается премия.

Он свернул за угол, где на тротуаре стояла тележка с мороженым, затормозил машину и показал продавщице на пальцах: «Три порции».

Юло и Марти робко взяли вафельные стаканчики. Они никогда не ели мороженого в стаканчиках. На Вихну, когда оно бывает в кооперативе, его отпускают в блюдах, на вес. Марти нашелся быстро: взглянул, как Андрус откусывает края вафли, и стал делать то же самое. Что же касается рассеянного Юло, то он не глядел по сторонам. Сосредоточенно и задумчиво он принялся вылизывать мороженое, изо всех сил стараясь сохранить стаканчик. Это было нелегко.

Глядя на Юло, Марти прыснул:

— Вы не так делаете, «товарищ Язною»: стаканчик тоже едят.

— Я знаю. -- сказал Юло и отхватил от стаканчика весь бок.

Растаявшее мороженое потекло по руке. Стало совсем плохо. Марти испортил все удовольствие.

Тем временем инженер вел разговор с Андрусом.

— Значит, дело за сетями? — спросил он, когда Андрус закончил свой рассказ. — Для лова кильки нужны сети, а их нет. Правильно я понял тебя, Андрус?

— Да, если не считать гнилой сети Николая Леппе, для лова кильки у нас нет ничего.

— Сети достанем. Поехали на комбинат! — инженер решительно завернул машину.

Марти пожалел, что прогулке наступил конец. Все-таки это очень приятно — разъезжать в автомобиле по красивым улицам города. Но делать нечего, надо выходить.

2. ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Вошли в контору комбината, поднялись на второй этаж, прошли мимо девушки, стучавшей на пишущей машинке, к дверям, обитым клеенкой.

Инженер открыл двери, пропустил гостей вперед, сказал: «Прошу», помог ребятам повесить пальто на вешалку, сам снял пальто, присел за стол и начал названивать по телефону.

Мальчики сидели смиренно. Они разглядывали книги на полках, непонятные карты и таблицы на стенах, модель рыбацкой моторки с крохотным машинным отделением и таким же крохотным бронзовым винтом за кормой. Марти несмело тронул его пальцем. Вертится! Покрутил сильней. Винт зажужжал и слился в сплошной блестящий круг. Не переставая разговаривать по телефону, Соколов подвинул моторку ближе к ребятам.

Телефонные переговоры продолжались с полчаса. Наконец инженер в последний раз положил трубку на рычаг и отодвинул от себя аппарат.

— Сети обещают прислать завтра, — обратился он к Андрусу. — К вечеру будут здесь. Послезавтра с утра развезем по колхозам, и, ручаюсь, рыбаки сразу их в дело пустят. Килька ведь!..

— Значит, нам до послезавтра ждать придется? — огорчился Андрус.

Соколов успокоил. О вихнувцах он договорился особо. Вихнувцам за сделанное открытие сети будут отпущены в первую очередь. Со слов инженера можно было понять, что где-то неподалеку, рукой подать, есть склад рыболовецкой снасти и там, как он узнал, зале-

жалась партия килечных сетей. За ними можно съездить еще сегодня.

— Поехали! — сказал Соколов. — Хочу проверить, что за сети.

Марти и Юло решили, что ехать придется совсем недолго. До склада ведь рукой подать.

Но выяснилось, что это выражение в разных случаях нужно понимать по-разному. Для вихнувцев «рукой подать» означает минут пять ходьбы, а для инженера, раскатывающего в машине, «рукой подать» было до склада, который находился в двадцати километрах от города. Мальчики, однако, тоже считали, что двадцать километров совсем не много. Им бы ехать и ехать. Они бы и двести километров согласны были проехать, не вылезая из автомобиля.

Но склад оказался именно там, где ему положено было быть, и ни на один метр дальше. Соколов провел своих молодых друзей в громадное прохладное помещение, по одну сторону которого штабелями лежали аккуратно перевязанные тюки с сетями, а по другую — тоже штабелями — круглые, туго скатанные бухты веревок разной толщины.

Властителем этих богатств был сам похожий на бухту толстейшего корабельного каната заведующий складом Абельс. Инженер встретился с ним, как со старым знакомым.

— Ну, Абельс, вы себя разоблачили, — сказал он, поздоровавшись. — Кто бы мог подумать, что у вас даже килечные сети есть! Ох, скопидом! Ох, скопидом!.. Вероятно, если покопаться, здесь и белужью снасть можно будет найти, хоть белуги на Балтике сроду не водились. На всякий случай держите, да? Вдруг появятся...

— Не знаю, как белуга, но килька ведь появилась, — отдуваясь, возразил толстяк.

— Редкий случай! Тут ваша запасливость действительно помогла.

Стали разбирать тюки, находившиеся в самом

дальнем углу склада, за многими другими тюками, стали вытаскивать и раскладывать на полу килечные сети.

Каждую из них инженер придирчиво рассматривал, тянул за узелки, раздвигал ячею, разматывал нить, даже зачем-то нюхал. Под конец и этого ему показалось мало. Вынув спички, он поджег срезанную с края нитку, стал всматриваться в цвет пламени.

Заведующий складом молчал, но ревниво и с некоторым беспокойством следил за действиями Соколова.

А тот, задумчиво глядя на тлеющую пеньку, произнес:

— Да, дедушкина снасть. Как говорится: «Тятя, тятя, наши сети...» Каспийские рыбаки, например, уже покончили с такими сетями, а мы вот трясемся над ними, добиваемся их, в Таллин звоним: «Дайте, пожалуйста...» Со вчерашним днем никак расстаться не можем.

— Как странно вы говорите! — обиделся толстяк. — Каспийские рыбаки, надо думать, тоже не пятерней ловят. У них, надо думать, тоже килечный промысел неплохо налажен. А там, где килька есть, без таких сетей не обходятся. Ими вчера ловили, ими сегодня ловят и ими завтра будут ловить. При чем же здесь «Тятя, тятя...»? При чем дедушкина снасть? За качество килечных сетей я, Абельс, головой ручаюсь.

Марти посмотрел на блестящую, лысую, круглую, как шар, голову заведующего складом. Его здесь все занимало. Было интересно наблюдать, как инженер разглядывал, нюхал, поджигал сети, как задира толстяка и как тот тоже за словом в карман не лез, тоже здорово умел ответить. Вот только не совсем понятно, о чем они спорят.

Не спуская со спорщиков глаз, Марти тихо спросил приятеля:

— Юло, а правда: при чем здесь «Тятя, тятя...»?

— Стихи есть такие. Кажется, Пушкина, — нетерпеливо отмахнулся Юло. Он тоже был поглощен разговором взрослых.

— Стихи Пушкина?! — Марти вовсе запутался.

Спор между тем продолжался.

— Дело не в качестве сетей, Абельс, — сказал инженер. — Эта снасть — вчерашний день для каспийцев не потому, что их качество не устраивает, а потому, что они кильку сейчас совершенно по-новому ловят.

— Пятерней?

— Нет, сачком.

— Как бабочек?

— Именно.

Толстяк ухмыльнулся:

— Очень интересно!.. Гоняются, значит, за каждой килькой по морю на моторке и хлоп! — одну сачком; хлоп! — другую. А потом, должно быть, на булавку накалывают, коллекцию делают. Конечно, для коллекции такой способ, может быть, годится, но для промысла!.. Нет, это, знаете, что-то несерьезно.

— То, что вы описали, действительно несерьезно, — согласился инженер. — Но на самом деле все выглядит иначе. В сачке, о котором я говорю, человек десять могут поместиться. И рыбаки с ним по морю за каждой килечкой не гонятся. Килька в такой сачок сама приходит.

Улыбка на круглом лице Абельса сияла попрежнему:

— Сама? Что же, каспийские кильки дрессированные, специальные курсы проходят?

Инженер делал вид, будто не замечает насмешки:

— Нет, я бы не сказал... Кильки как кильки. И они к рыбакам собираются не потому, что обучены, а потому, что их свет привлекает. В этом вся суть. Каспийцы теперь ловят кильку на электрическую лампу.

Физиономия Марти снова выразила недоумение. Электричество... Лов на свет... Как можно ловить рыбу на свет? Ловят на мотыля, на живца, на блесну, на всякие другие приманки, но на электрическую лампу?!

Буйное воображение немедленно подсказало Марти такую картину.

Море. Поплавки держат на воде длинную веревку — перемет. К ней через каждые полметра привязаны лески с крючками. На крючках — крохотные, меньше елочных, разноцветные электрические лампочки. Синие, зеленые, желтые, оранжевые, красные, голубые, фиолетовые огоньки мерцают в глубине, и тысячи килечек выются вокруг них, тянутся к приманке, жадно хватают лампочки.

Как ни привлекательно выглядела картина, Марти понимал, что в жизни такого быть не может. Кто же не знает, что на крючки ловят только крупную рыбу, а кильку берут сетями. Для нее никаких переметов не существует. Ведь если для каждой кильки заводить крючок, да еще с лампочкой в виде приманки, то сколько же крючков и лампочек понадобилось бы колхозу? Миллионы!.. А сколько времени и сколько людей понадобится, чтобы снимать эти миллионы килечек с миллионов крючков?.. Нет, ерунда, явная ерунда!

Значит, Федор Алексеевич говорит о другом. Но о чем? На этот вопрос Марти ответить не мог. Зато он слушал.

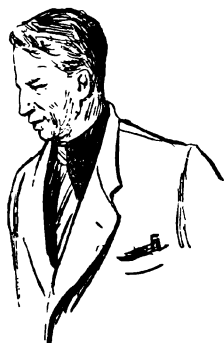
Юло тоже старался не пропустить ни слова. Новость об удивительном способе лова рыбы на Каспии поразила его не меньше, чем Марти. Правда, в отличие от приятеля, Юло не рисовал в воображении килек, глотающих разноцветные электрические лампочки, а просто старался понять, о чем идет речь. Время от времени он посматривал на Андруса: что он? Как относится к услышанному?

Вожатый, как всегда, был на высоте. Юло, Марти, даже заведующему складом, толстому Абельсу, рассказ инженера о лове кильки на свет казался сказкой, а Андруса он несколько не удивил. Он стал расспрашивать Соколова о том о сем, и из разговора было видно, что дела каспийцев для него не новость. Он об этом еще на курсах слышал. На курсах, оказывается, об этом даже лекцию читали. Но Андрус тогда не придал ей особого значения: раз в вихнувские воды

килька не заходила, вихнувцу было все равно, как и где ловят ее.

А сейчас вожатый заинтересовался. Сейчас он стал расспрашивать инженера о всех подробностях.

И тот на них не скупился. Сделал даже так: оторвал от стоявшего в углу рулона оберточной бумаги солидный кусок, вооружился ручкой, стал набрасывать не то рисунок, не то чертеж.

— Все проще простого, — говорит Соколов, орудуя ручкой. — Берется крепкий, железный, толщиной с палец обруч... (На бумаге появился круг.) К нему прикрепляется конусообразная сетка — подхват... (Инженерская ручка изобразила расчерченный косыми клетками конус, действительно похожий на сачок для ловли бабочек.) В центре обруча на распорках вешают электрическую лампочку... (Четыре прямые линии с грушей в середине показали, как должна выглядеть подвешенная на распорках лампочка.) Когда это сделано, подхват с помощью обычной лебедки опускают в воду... (На бумаге появились мачта, тали, кран, лебедка.) Вот, собственно говоря, и все. Дальше начинает действовать то, что заложено в кильке природой, то, что называется законами биологии: рыбку манит свет. Он притягивает ее, словно магнит иголку. Килька начинает собираться вокруг лампы косяками. И не уходит, хоть палкой гони. Рыбакам остается только черпать улов. Да какой! Таких уловов мы с вами пока не знаем. Несколько ловцов за ночь выбирают подхватом вагон рыбы. Простым, стоящим гроши подхватом! Представляете?

— Хм, представляю, но с трудом, — хмыкнул Абельс. — Неужели одним подхватом обходятся?

— Только им. Сети остаются лежать на складах. Тамошние складские работники просто волосы на себе рвут. Заведующие складами ведь все на один манер —

все любят запасы делать. И вот горы сетей накопили, а девать некуда. Трагедия!.. Смотрите, как бы вам такую же самую трагедию не пришлось пережить.

Толстяк пропустил предупреждение инженера мимо ушей. Разговор о запасливых заведующих складами ему не нравился. Чтобы отвлечь Соколова от неприятной темы, он спросил, откуда каспийские моряки берут в море электрический свет.

— Это дело несложное, — ответил Алексей Федорович. — Время рыбачьих парусников кончилось. Рыбачье судно без мотора сейчас, пожалуй, уже не встретить. А где мотор, там электричество. Только генератор нужен, больше ничего...

К рисункам, которые уже были на бумаге, Соколов пририсовал этакий бочонок, с кольцом наверху. Так выглядела машина, с помощью которой можно получать от мотора электрический свет и которая называется генератором.

— Да, если к мотору генератор, тогда, конечно... тогда свет будет... Но чтобы рыбу на электрический свет ловить!.. — Абельс пожал плечами. Он всю свою жизнь занимался рыболовецкими делами, он мог назвать по памяти, не заглядывая ни в какие справочники, сотни принадлежностей рыболовного промысла, но электрической лампочки среди них не было.

Соколов дружески похлопал заведующего складом по плечу:

— Погодите, Абельс, не то еще увидите! У нас дело к тому идет, что скоро, может быть, все эти ваши сети вообще не понадобятся. — Инженер кивнул в сторону сложенных штабелями тюков. — Просто будем качать рыбу насосами из моря, как сейчас качаем воду из колодцев.

— Ну, это уж вы слишком... — покачал головой толстяк. — Это уже «Тысяча и одна ночь», арабские сказки...

— Ничего не «слишком», ничего не «Тысяча и одна ночь»! — рассмеялся Алексей Федорович. — Вот по-

слушайте, какие опыты сейчас делают: устанавливают на моторном боте рыбонасос — знаете, такой, каким у нас на комбинате рыбу выгружают из лодок.

— Знаю, — сказал заведующий складом.

— Знаю, — сказал вожатый.

— Знаем, — сказали Юло и Марти.

Старшие сказали «знаем», потому что много раз наблюдали, как работают рыбонасосы. Мальчики же хоть и сказали «знаем», никогда в жизни насосов не видели. Но ведь для того, чтобы знать, необязательно видеть. Достаточно представить себе то, о чем идет речь. А Юло и Марти по рассказам рыбаков отлично представляли себе машину с длинным трубчатым хоботом. Хобот опускают в лодку, полную рыбы, и машина начинает всасывать в себя улов, словно чай с блюдечка. Всасывает и передает по транспортеру в цех для переработки.

— Вот такой рыбонасос, — продолжал инженер, — устанавливают на боте и ночью выходят с ним в море. На конце хобота — электрическая лампочка. Как ловят, вы представляете: опускают хобот поглубже в воду, зажигают свет. Рыба начинает собираться на свет. Тогда нажимают кнопку и пускают насос. Все, что он всасывает, попадает сначала на решетку, приделанную к корме. Вода стекает, рыба остается. А рыбаки сидят и покуривают. Не надо вытаскивать на палубу тяжелые мокрые сети, не надо выбирать улов, не надо гнуть спину, не надо трудить руки. Нажал кнопку — и рыба сыплется из моря в лодку, как конфеты из опрокинутого кулька. Только подбирай...

Толстяк удивленно покачал головой:

— Что говорить, здорово! Надо же было додуматься до этого! Надо же было заметить, что свет притягивает рыбу, как магнит!..

— Наука! — сказал инженер.

Юло вспомнил недавний разговор перед домом дедушки Сейлера. Он говорил тогда о снасти, которая, как магнитом, притягивала бы рыбу. Но дедушка Сей-

лер сказал: «Такое только в сказках бывает». А оказывается, ничего подобного, есть такая снасть!

Чтобы привлечь внимание приятеля, Юло тихонько ткнул его в бок:

— Ага, Марти! Значит, я был прав. А вы смеялись...

— Ты прав? Когда ты был прав? Над чем мы смеялись? — загорячился Марти, не понимая еще, о чем идет речь.

— Помнишь, дедушка Сейлер рассказывал про «Большую жемчужину», — обстоятельно начал Юло. — Я сказал тогда, что можно сделать снасть, чтобы она вроде как магнитом притягивала рыбу.

Марти задумался. Действительно, был такой разговор на лужайке у дома старика. Но все-таки какой он хитрый, этот Юло! О том, что сам говорил, помнит, а о том, что он, Марти, говорил, не помнит. Всегда с ним так!

— Ох, и хитрый же ты, Юло!.. — протянул Марти. — Ну-ка, скажи, что я сказал до того, как ты сказал?

Юло от ответа не увильнул.

— Да, то, что ты сказал, ты сказал до того, как я сказал, но про то, что я сказал, ты все-таки не сказал.

— Нет, как раз я-то сказал, а как раз ты-то не сказал.

— Неправда, Марти, ты сказал после того, как я сказал...

Спор грозил затянуться. Андрус вмешался:

— Ладно, ребята, довольно, все и так ясно. Выходит, ученые на Каспии сами по себе придумали ловкилки на свет, а вы с дедушкой Сейлером сами по себе...

Марти не понял шутки.

— Нет, Андрус, дедушка Сейлер тут ни при чем, он с нами не соглашался.

— Ничего, согласится! — Вожатый говорил серьезно, только глаза улыбались. — Как вы думаете,

Федор Алексеевич, скоро дедушка Сейлер увидит, что ребята были правы, а он не прав?

— То-есть?

— Ну, скоро сумеем мы завести снасть, которая притягивала бы рыбу?

— Ты про лов на свет?

— Да. Как у нас с этим на Балтике?

— Что можно сказать... — задумчиво произнес Соколов. — Идет научная работа, ставятся опыты, проводятся испытания. В общем, дело движается. Но чтобы включить в него колхозы, время не наступило.

— Почему?

— Рано, надо подождать. А тебе что, не терпится, темное царство Нептуна поскорее хочется осветить?

— Кого?

— Нептуна, говорю. Слышал о таком?

— Нет.

— Неважно, значит, в богах разбираешься. Нептун у древних римлян считался богом морей. Изображался с трезубцем в руках — это острога, вроде той, какой у нас зимой со льда угрей бьют.

Несколькими уверенными движениями руки инженер нарисовал на бумаге трезубую острогу, молча взглянул на лист, скомкал и бросил в угол. Разговор окончен, рисунки свое дело сделали. То, что хотелось объяснить, объяснено. Бумага больше не нужна.

Так думал Соколов, но не так думал Андрус. Стараясь не обращать на себя внимание, он, будто невзначай, шагнул в угол, наклонился, поднял скомканный лист, разгладил, аккуратно сложил и спрятал в бумажник. В тот старый, но крепкий кожаный бумажник, который, как знал Юло, остался у Андруса от отца и в котором Андрус хранил отцовскую фотографию, комсомольский билет, справку об окончании рыболовецких курсов и все другие важные документы.

Сейчас туда попал кусок оберточной бумаги. Юло следил глазами за вожатым. Зачем ему этот обрывок?

3. ДВА ПЕРВЫХ НА ТРОИХ

Когда ехали обратно, инженер сказал Андрусу, что сегодня доставить килечные сети в порт на грузовике не удастся. Уже поздно, грузовик будет только завтра с утра. А сегодня ребята пусть пообедают и сходят в кино. Ночевать можно в комнате для приезжих. При комбинате есть такая. Он предупредит: места там для них приготовят.

Расстались в центре города, возле сада. Машина с Соколовым повернула направо, а Андрус и мальчики пошли по аллее к столовой.

Марти и Юло честно собрались выполнить все указания Федора Алексеевича. Забегая несколько вперед и заглядывая в лицо Андрусу снизу вверх, Марти повторял, словно заучивая урок:

— Значит, сначала — обедать, потом — в кино... Не опоздаем в кино?.. Потом — в комнату для приезжих, а утром — домой. Верно, Андрус?

Андрус ходко шагал на своих длинных ногах. Лицо его было задумчиво и сосредоточенно. Он не сразу ответил на вопрос. Марти пришлось приложить немало усилий, чтобы все время быть впереди вожатого. Прохожие улыбались, глядя, как шустрый рыжеволосый паренек вприпрыжку пятится по тротуару, не спуская глаз с рослого, широкоплечего юноши.

Наконец Андрус оторвался от своих мыслей:

— Что, обедать?.. Надо бы пообедать... Марти, сколько у тебя денег?

— Двадцать пять рублей! — с гордостью ответил Марти.

— Хорошо... А у тебя, Юло?

— Пятьдесят. Мама велела купить алюминиевую кастрюлю на шесть литров.

— Итого — семьдесят пять. Плюс мои сто сорок пять. В общем, подходяще... Дайте-ка мне, ребята, деньги.

Мальчики беспрекословно отдали Андрусу свои капиталы.

— Так... — сказал он. — Вы есть очень хотите?

Юло задумался, как бы прислушиваясь к себе: в самом деле, хочется ему есть или нет?

— Неплохо бы, — пришел он к выводу.

— Ага, — подтвердил Марти без всякого прислушивания.

— Придется зайти в столовую, — с сожалением согласился Андрус. — По правде говоря, я тоже голоден. Возьмем на троих два первых и побольше хлеба. Будет сытно и питательно.

Марти не любил недомолвок:

— Андрус, первое — это суп, да?

— Да.

— А «два первых на троих» — это две тарелки супу на нас троих: на тебя, Юло и на меня, да?

— Ты разбираешься в этом деле, будто всю жизнь питался в ресторанах, — заметил вожатый.

Как всегда в минуты удивления или смущения, Марти часто-часто замигал своими длиннющими бронзовыми ресницами. Он опять чувствовал себя примерно в том же положении, в каком был сегодня утром, когда все рассаживались в весельные лодки: что-то происходит, но что именно, ему непонятно. Утешало только, что на этот раз Юло тоже, видно, понимает не больше.

Наконец взмахи ресниц прекратились.

— Объясни, Андрус... — твердо сказал Марти, — объясни, почему наших денег не хватит хотя бы на три тарелки супу?

Андрус задержал шаг:

— Правильно, Марти. Надо объяснить, в чем дело. Сядем, ребята, поговорим.

Уселись возле круглой, как блюдо, клумбы. Юло и Марти застыли перед ней, раскрыв рот. Такой великолепной клумбы они еще не видели. Всем Вихну хорош — и салака есть, и угри, и камбала, и даже килька сейчас появилась, — а вот чего нет, того нет! С цветами на острове дело обстоит, прямо сказать, неваж-

но. Взять хотя бы лилейные. Те самые, о которых говорится в учебнике ботаники. К ним, как известно, относятся лилии, тюльпаны, пионы. Прелесть что за цветы!.. А кроме того, лук. Обыкновенный репчатый лук. Тот, что с соленой салакой подают, который в суп кладут, с которым картошку поджаривают. Лук, конечно, вещь полезная, даже необходимая. Но почему, спрашивается, из всех лилейных только он один растет на острове? Почему на острове нет ни лилий, ни тюльпанов, ни пионов, ни каких-нибудь других цветов? Как было бы хорошо с ними!..

А тут красиво — глаз не оторвешь!

Мальчики как зачарованные смотрели на пестрый бугор среди сада. Но скоро мысли их отвлеклись от цветов. Виноват в этом был Андрус: вожатый заговорил о том, что никак не могло оставить молодых вихнувцев равнодушными.

— Вы только послушайте, ребята, какая мысль пришла мне в голову. С электротехникой я знаком, о ловле кильки на свет представление имсю. Поставить на моторке генератор, опустить в море лампочку и дать свет — вещь несложная. Так чего, спрашивается, нам ждать? Почему бы нам не начать ловить рыбу по-новому?

— А как же Соколов? — с сомнением заметил Юло. — Ведь инженер говорил, что на Балтике нигде еще с помощью электричества не ловят, что для нас это дело будущего.

Юло высказывал сомнение не потому, что остался равнодушным к предложению Андруса. Он уже представлял себе и залитые светом подводные глубины, и тучи рыб, идущих в сети, и целую флотилию тяжело груженных моторок, возвращающихся с моря, и себя на носу флагманской лодки, и направленные на него восхищенные взгляды вихнувских мальчиков и девочек, и... Картины возникали одна другой ослепительней.

Но именно потому, что ему очень хотелось принять участие в деле, задуманном Андрусом, Юло высказы-

вал сомнения. Было бы несолидно и легкомысленно сразу со всем соглашаться, сразу говорить «да».

Марти рассуждал иначе.

— Ты всегда, Юло, топчешься на месте, чего-то мямлишь, а решать не решаешь! — мгновенно вскипел он. — Андрус знает, что говорит. Он прав. Опустим лампочку в море и начнем ловить кильку. Только вот... — Марти запнулся и часто-часто замигал. — Только где мы рыбонасос достанем?

— Рыбонасос? Зачем рыбонасос? — удивился Андрус.

— Как — зачем? Чтобы качать рыбу из моря.

Вожатый усмехнулся:

— Ну, это ты, брат, хватил — сразу с рыбонасоса начать хочешь. Нам и конусной сети хватит. Слыхал, что рассказывал Соколов? Одной конусной сетью можно за ночь взять на свет столько кильки, сколько пять-шесть моторок не возьмут днем. А соорудить ее проще простого, два часа работы... Так что за орудиями лова останковки не будет.

Юло восхищенно посмотрел на юношу и подумал: «Молодец Андрус! Какие красивые слова знает — «орудия лова»... Надо запомнить».

Андрус между тем продолжал:

— Ты говоришь, Юло, на Балтике никто еще не ловит кильку на свет. Это, мол, дело будущего. Верно, не ловят. Но ведь неводами-великанами у нас салаку тоже не ловили. А сейчас? Сейчас во всем заливе никаких других сетей на нее не ставят. Вспомни-ка, кто первый завел у нас новую снасть?

— Яан Койт.

— А вспомни, какие разговоры были? Балтика, мол, не Каспий, то, что для Каспия годится, для нас не годится... Ничего! Оказывается, и для нас годится. То же самое с ловом на свет будет. Кому-то ведь надо начать! Вот мы и начнем.

— Хорошо, Андрус, — стал сдаваться Юло, — тут я с тобой согласен. Но ведь дело не в одной конусной

сети. Чтобы ловить на свет, нужна моторка, нужна еще машина, о которой ты говорил. Забыл, как она называется...

— Генератор или динамомашинка. И так и так ее называют.

— Где же мы ее достанем?

— И доставать нечего. На острове сейчас две безработные динамки: одна, запасная, — в клубе, другая — на ферме. Попросим — дадут. И моторку дадут. Мартин Крусте во всем нас поддержит. Не такой Мартин Крусте человек, чтобы отмахнуться от нового дела.

— А лампочки можно из дому взять, — предложил Марти. — Я, Андрус, вывинчу.

— Я тебе вывинчу!.. Во-первых, лампочки в доме не для того, чтобы их таскать без спросу, а во-вторых, они не годятся. Нам нужны сильные лампы, не меньше чем в пятьсот свечей. Таких на Вихну нет. Кроме того, на острове нет ни специального электрического шнура в резиновой оболочке, ни изоляционной ленты, ни водонепроницаемых патронов для лампы. Все это здесь надо купить. Для всего этого деньги нужны...

— Так вот почему ты решил взять два первых на троих!.. — протянул Марти. — Знаешь что, Андрус? Мы даже можем вовсе не ходить в столовую. Верно, Юло? Пышки у нас есть, обойдемся.

— Пышек много, — подтвердил Юло и предложил от себя: — В кино тоже не пойдем. В следующий раз как-нибудь...

Это была немалая жертва. Ведь, как-никак, мальчики попали на Большой берег в первый раз. Они никогда не обедали в столовой и никогда не были в городском кино. Андрусу стало жаль их.

— Сделаем так, — сказал он. — Сейчас возьмем с собой в столовую пышки и поьем чаю. А потом, когда купим все, что надо, посмотрим — может быть, деньги останутся и на обед и на кино.

— Ну да! — обрадовался Марти, который уже

смотреть не мог на пышки. — В ресторане ведь разные блюда есть. Возьмем, что подешевле.

— Да и в кино можно взять места похуже, — сказал Юло, — лишь бы видно было.

4. РШМ, ПЛАНГ И КАБЕЛЬ

Раннее утро ранней весны. Погода чудесная. Деревья, цветы, трава умылись росой и стоят свежесвежие. Хорошо!

С моря дует ветерок. На небе ни облачка. Машина мчится по гладкому асфальту. Хорошо!

В кузове на гряде сетей — Андрус, Юло и Марти. Мягко, как на перине. Солнце поднимается над заливом. Очень хорошо!

Мальчики вспоминают события вчерашнего дня. В столовой, где Андрус заказал для каждого по три стакана чая, играли музыканты — один на пианино, другой на скрипке. Слушать их было приятно, но пышки портили удовольствие. Пышки лежали в огромном пакете, и сколько их ни брали, пакет, казалось, не уменьшался.

Скучно пережевывая печеное тесто, Марти стал поглядывать на соседние столики и от этого еще больше расстроился. Справа рослый дядя в кожаной куртке раз за разом отправлял в рот огромные куски мяса. Слева сидели две девушки; они ели жареную рыбу. Вместе с рыбой на тарелках перед ними лежала посыпанная зеленью картошка. Даже эта скромная и хорошо знакомая вихнувцам пища казалась сейчас Марти необыкновенно заманчивой. За столиком напротив женщина с мужчиной тоже энергично орудовали вилками. Словом, все ели что-то вкусное, а тут — пышки. Вот же несчастье!

Марти вздохнул, отвел глаза от столиков и вдруг заметил маленькую длинношерстую собачонку с желтыми подпалинами по бокам черной спины и с желтыми кружочками на темной лисьей мордочке.

Собака бродила между стульями. Время от времени она останавливалась и, просительно поджав лапку, поглядывала на людей.

В потухших глазах Марти блеснул живой огонек. Сунув руку в необъятный пакет, он достал пышку и протянул четвероногой попрошайке. Собака мигом очутилась перед мальчиком. Раз! — пышки как не бывало.

Марти снова полез в пакет. Вторая пышка исчезла в лисьей пасти с той же быстротой, что и первая.

Тут в дело включился Юло. Не отставая от приятеля, он тоже скормил животному не то две, не то три пышки.

Просительное выражение с морды желтобокого пса стало постепенно исчезать. Просительно поджатая правая лапа приняла нормальное положение.

Но ни Юло, ни Марти не обратили внимания на перемену в поведении опекаемого. Они были заняты спором.

Марти сказал:

— погоди, Юло, что ты лезешь со своими пышками! Сейчас моя очередь.

— При чем здесь очередь? — с деланным удивлением произнес Юло и протянул собаке новую порцию.

Марти отвел руку друга в сторону: он тоже хотел покормить пса. Юло уперся. Завязалась молчаливая возня. Глаза собаки удивленно перебегали с одной мальчишеской пятерни на другую, в зависимости от того, какая из них вырывалась вперед.

Андрус, погруженный в свои мысли, не сразу заметил волнение за столом. А когда заметил, прикрикнул на ребят и сам протянул животному румяное произведение вихнувского хлебопекарного искусства.

Собака понюхала пышку и не взяла.

— У тебя она не будет есть, — решил Марти. — И у Юло тоже. Она у меня привыкла брать.

Нет, собака отвернулась и от Марти.

Она отказалась и от куска, протянутого Юло.

Она просто не хотела больше пышек.

Правильно, ее можно понять, — решили вихнувцы. Им даже игра музыкантов перестала нравиться. Захотелось скорее на улицу.

Путешествие по магазинам подняло настроение. Купили все, что нужно, за исключением, правда, кастрюли для матери Юло. Они смотрели не очень внимательно, но, кажется, шестилитровых не было. Зато остались деньги на кино и на то, чтобы поужинать уже не пышками, а чем-то более существенным.

В столовой на этот раз заказали для каждого щи и биточки. И то и другое было очень вкусно.

В комнате для приезжих их ждали хорошие кровати с пружинными матрацами и мягкими шерстяными одеялами. Спали отлично.

И вот сейчас они едут в порт, везут сети, провод, лампы. К обеду будут дома и начнут новое, невиданное на Вихну дело — станут ловить кильку на свет.

До чего хорошо!..

Машина остановилась у причала. Перенести в лодку объемистый, но не тяжелый груз — дело недолгое. Андрус велел Юло запустить мотор, сам стал у руля, покрепче надвинул фуражку на лоб.

Юло управился быстро и умело. Обращаться с лодочными двигателями вихнувские ребята учатся с самого раннего возраста. Да это и не так сложно — включить или выключить мотор.

Суденышко вышло в море.

Идти до острова часа четыре. Дел никаких — только сидеть да на воду глядеть. И Юло предложил:

— Андрус, чем время терять, может быть, начнем готовить снасть к лову?

— Это мысль! — согласился вожатый. — У нас есть РШМ, есть обыкновенный провод и есть просто резиновый шланг без провода. Неплохо, если мы, кроме РШМ, приготовим еще водонепроницаемый кабель.

— РШМ — это провод, заделанный в черную резину, да, Андрус? — спросил Марти.

— Точно.

— А почему его называют РШМ?

— РШМ значит — резиновый, шланговый, морской. Такой провод не боится сырости, морской воды. Как раз такой нужен.

— А для чего нам обыкновенный провод и эта резиновая кишка?

— Не кишка, а шланг. Если мы этот обыкновенный провод вденем в этот обыкновенный шланг, получится кабель, пригодный для работы в воде. Понятно?

— Понятно, — сказал Марти и следующим же вопросом обнаружил, что ему ничего не понятно: — Андрус, а зачем вдевать шнур в шланг?

— Я знаю, — вмешался Юло. — Шланг защитит шнур от воды. Провод, по которому идет электричество, всегда нужно защищать от влаги. Иначе работать опасно — ток может ударить.

Марти с надеждой посмотрел на Андруса. Вдруг, на его счастье, вожатый скажет: «Ерунда, не так...» Но нет, не получилось. Андрус сказал: «Правильно, Юло», и Марти скрепя сердце пришлось признать на этот раз, что «товарищ Язнаю» все-таки кое-что знает.

Стали надевать на провод резину. Это оказалось не просто. Юло с одного края держал шланг, Марти с другого протаскивал в отверстие провод. Метра два шнура удалось впихнуть, а дальше — ни с места. Не лезет. Шнур вытащили, выровняли и снова начали протаскивать. То же самое: после двух метров — затор.

Андрус укоризненно покачал головой:

— Э-э, ребята, ничего у вас не получается! Встанька, Юло, за руль, я вам покажу, как это делается.

Юло встал за руль, Марти держал край шланга, а Андрус протаскивал. У него шнур продвинулся метра на два с половиной и дальше не пошел.

Вожатый покраснел, отвел глаза от мальчиков, стал проделывать всю операцию сначала. Опять не получилось.

Тут Марти вдруг осенило.

— Постой, Андрус! — закричал он. — А что, если вот так...

Марти поднял со дна лодки тонкий стальной прут, привязал к нему шпагат и начал протаскивать это приспособление, напоминающее иглу с ниткой, через шланг. Дело пошло. Минут через десять прут пропутешествовал через все двадцать метров резины. Шпагат торчал из обоих концов шланга.

— Есть! Протащил веревочку. А дальше что? — спросил Юло.

— А дальше вот что... — Марти привязал шпагат к проводу и потянул. Провод послушно полез за шпагатом. — Видал? — торжествовал Марти. — Видал? Это тебе не «я знаю», тут голову на плечах надо иметь!

5. ЧТО ТАКОЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Солнце стояло в зените. Огибая западный берег Вихну, лодка повернула к молу. Среди деревьев замелькали домики. На пригорке показалось одноэтажное длинное, обшитое тесом здание школы.

Юло искал глазами знакомое окно. Там помещался уголок природы, в котором он любил бывать и который называл звучным словом — «музей».

В «музее» было несколько чучел рыб местных пород, довольно искусно сделанных руками старшеклассников, образцы минералов, подобранных на берегу после штормовых дней, неведомо как попавший сюда зазубренный нос рыбы-пилы, несколько чучел птиц и, наконец, особенно волновавшая воображение Юло банка с осьминогом. Да-да, из большой стеклянной банки, наполненной желтоватым спиртом, тарасил на всех выпуклые глаза настоящий осьминог, с птичьим клювом и скрюченными, переплетенными между собой щупальцами. Они заполняли собой всю банку. Какие-то присоски вылезали даже из спирта и упирались в самую крышку.

«Его неправильно называют осьминогом, — поддразнивая приятеля, говорил иногда Марти. — Это, должно быть, сороконог».

Но Юло только отмахивался: «Спрут, самый настоящий средиземноморский спрут».

Марти в таких случаях не спорил. Он не знал, что такое спрут, сколько у него должно быть ног и какие бывают другие спруты — не средиземноморские.

Сейчас рыжий представитель юных обитателей Вихну стоял на корме моторки, но думал не о заспиртованном осьминоге. Глядя на здание школы, он заново переживал ощущение свободы. Каникулы!.. Великое слово! Не надо готовить уроки, не надо ходить на занятия, не надо опасаться множества неожиданностей, которыми почему-то всегда полна школьная жизнь.

Они, эти неожиданности, как раз больше всего и удручали Марти. Ведь до чего странно все устроено в школе: никогда заранее нельзя сказать, как день начнется и как закончится. Иногда урок за уроком проходят — лучше не надо, а иногда ни с того ни с сего осечка получается: вдруг неожиданно-негаданно двойку подхватываешь...

Марти немало рассуждал на эту тему. И в свое время пришел к выводу: двойки — вроде стихийного бедствия. Ну, к примеру, как градовая туча. Она может стороной пройти, а может все стекла перебить. Не угадаешь. То же самое, считал Марти, происходит с двойками. Иной раз о чем-нибудь заданном на дом даже не вспомнишь — и ничего, пронесет, Анне Райдару не вызовет. А бывает, все уроки приготовишь, только пустяковое правило грамматики пропустишь — и учительница, как назло, за весь день не спросит ничего, кроме этого правила! Ну не обидно?

Марти — упрямый. Он мог бы еще долго утверждать, что в школьных делах все зависит от везения и удачи, если бы с ним не случилась такая история. Было это совсем недавно, зимой. А до этого, осенью,

он и Юло заметили одно замечательное место — яму на мелководье, полную ила и тины. В такие ямы любят забираться угри и залегать на зиму.

Вот заметили приятели это место и стали ждать мороза, крепкого льда. Окрепнет лед, тогда можно пойти к яме, прорубить лунку и бить угрей острогами. Люди, знающие толк в таких делах, понимают, как это увлекательно. Морозец бодрит, лед на солнце искрится, а ты стоишь и с размаху всаживаешь острогу в воду. И когда вытаскиваешь, чувствуешь, как на ней извивается большой, жирный сонный угорь. Они в этих ямах всегда большие и жирные. Вытащил, кинул на лед. Угорь такой: где бы ни был, в какую сторону головой его ни положить, он никогда не ошибается — повернет к открытой воде и ну ползти, ну извиваться, чтобы скорее добраться до нее. Летом надо следить в оба — удерет. А зимой не так: зимой его быстро морозом схватывает.

Словом, что говорить — все отдать можно ради двух-трех часов на льду у хорошей ямы с угрями!

Но, как на грех, зима выдалась мягкая. Уже январь подходил к концу, уже к весенней путине стали готовиться, а лед все не крепчал. Марти каждый вечер слушал сводку погоды, бегал в правление колхоза к счетоводу за долгосрочным прогнозом, приставал к старому Сейлеру, но ничто не помогало. Радио успокоительно заверяло, что теплые массы воздуха с юга страны не дают холодным из Арктики проникнуть в Прибалтику; счетовод сказал, что он последний прогноз не то получил, не то не получил — в общем, не помнит; а старый Сейлер каждый раз, когда забегал к нему Марти, кряхтя влезал в тяжелое пальто, обматывал шею длиннющим шарфом, выходил на крыльцо, смотрел из-под руки на горизонт, втягивал в себя воздух, приглядывался к инею на соснах и качал головой:

— Нет, милый, морозом что-то не пахнет.

И действительно, ниже трех-четырех градусов ртуть в термометре не опускалась. При такой жалкой, ничемной температуре где льду окрепнуть!

В конце концов, как всегда бывает, Марти пропустил то, из-за чего столько времени терзался. Холодные массы воздуха все-таки прорвались сквозь теплый заслон. Радио сообщило о наступлении похолодания, а он именно этой сводки не слышал... Как ни в чем не бывало шагал он под вечер в кооператив за спичками и встретил Петера Маала, который шел туда же за солью. Пошли вместе. Один, по обыкновению, говорил, другой, по обыкновению, молчал и слушал. Но когда Марти сел на конька, с которым в последнее время не расставался, — стал укорять зиму за то, что она перестала быть зимой, Петер все же высказался.

— Наступил перелом, — произнес он.

— Какой перелом? — не понял Марти.

— Ночью — мороз. Восемнадцать градусов.

— Ну-у! Откуда ты знаешь?

— По радио.

— Да? Я не слышал. Завтра утром тоже мороз?

— Тоже.

— Сильный?

— Сильный.

Марти потерял терпение:

— Да ты не повторяй, что я говорю! Ты скажи, какая температура завтра?

— Десять-двенадцать.

— Ниже нуля?

— Ага.

Петер почувствовал вдруг в своей руке руку Марти.

— Слушай, Петер, вот тебе деньги, купи десять коробок спичек и на обратном пути зайди к нам — отдашь матери. Я пошел.

— Куда?

— Надо. Дело есть.

Дело Марти заключалось в том, что он, запыхавшись, прибежал к Юло:

— Юло, слышал?

Юло читал какую-то очень толстую и очень потрепанную книгу. Он с трудом оторвал глаза от нее и рассеянно спросил:

— О чем?

— Обещают мороз. Ночью — до восемнадцати, утром — десять-двенадцать.

— Слышал, по радио передавали.

— И не пришел, не сказал!

— Так чего же говорить? Это ведь завтра будет, а не сегодня.

— Да ты понимаешь, что за ночь лед окрепнет и мы сможем пойти к яме?

— И пойдем. Из школы вернемся, уроки сделаем и пойдем. Я думаю, часа в три примерно. Времени до вечера хватит.

Так и условились.

Нечего говорить, как сложился для Марти остаток того дня. Раз десять он выбегал проверить, действительно ли крепчает мороз. Верно, дело шло к этому. Снег под ногами скрипел, на небе вывездило. Марти выскочил бы и в одиннадцатый раз, но мать прикрикнула. Она заявила, что с ним сладу не стало, что он решил схватить простуду, выстудить дом и добиться того, что она пожалуется на него отцу.

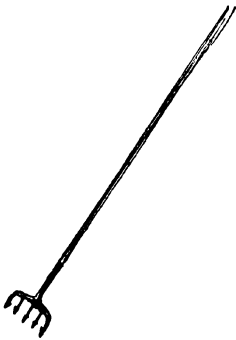
Последняя угроза подействовала. Разведку погоды пришлось прекратить.

Тогда Марти занялся острой. Пошел в дальний, темноватый угол комнаты, стал тренироваться. Не выпуская из рук длинной тонкой палки с пятью наконечниками в ряд, он замахивался, делал броски. Один раз случайно ткнул в пол, другой раз — в стену. Мать, услышав возню, спросила:

— Марти, как у тебя с уроками?

— Сделал, — ответил Марти.

Это была правда, но не вся, а только часть ее. Мар-

ти сказал про уроки «сделал», имея в виду те, которые он действительно сделал, про те же, что не приготовил, умолчал. Нерешенным остался один столбик примеров из задачника, неповторенным — стихотворение. После того как он узнал о завтрашнем похолодании, было не до них.

Потренировавшись с остройгой, Марти почистил ее наждачной шкуркой, подточил напильником, подправил точильным бруском. Зубцы заблестели, стали острыми-острыми. Отличная острога! У Юло тоже хорошая, но эта лучше. Она перешла к нему от отца. И отец в молодости ходил бить ею угрей. А он, Марти, пойдет за угрями завтра. Он их столько набьет, что все только ахнут. Кто знает... может быть, их даже унести будет трудно. Не захватить ли с собой салазки?

Марти зажег фонарь «летучая мышь» и пошел в сарай смотреть, в порядке ли салазки. Почему фонарь называется «летучая мышь», неизвестно, но устроен он очень умно. С ним можно выйти на улицу, и никакой ветер его не задует. С ним можно не опасаясь идти на сеновал — если и опрокинется, не воспламенится. Здорово сделан!

На опыт с опрокидыванием фонаря Марти не решился, а на улице, дожидаясь порыва ветра, постоял. «Летучая мышь» отлично выдержала испытание. Ветер дул на нее всю — и ничего! Язычок пламени только слегка колебался.

Удостоверившись сразу в двух вещах — что салазки исправны и что фонарь на открытом воздухе не тухнет, — Марти вернулся домой. Там вдруг возник спор с матерью из-за шерстяных носков. Мать считала, что если он отправится завтра на лед, то без двух пар носков ему не обойтись. Марти же полагал, что достаточно одной. Иначе будет тяжело, жарко, он не сможет шагу сделать, весь лов пойдет насмарку.

Верх взяла мать. Даже поспорить как следует не дала! Просто отрезала: или он оденется как надо, или завтра после уроков носа на улицу не высунет.

Пришлось подчиниться. Лег спать, делая вид, что обижен, хотя внутри все ликовало и пело: завтра будет чудесный день! Завтра он набьет уйму угрей. Мама увидит, какая от него польза в доме!

Заснул, блаженно улыбаясь. О столбике примеров, о невыученном стихотворении даже не вспомнил.

Не вспомнил он о них и утром, шагая в школу. День был как по заказу: голубое небо, опушенные инеем деревья, крепкий, но приятный морозец без ветра, далеко ушедшая от берега кромка льда. Море темнело где-то совсем вдаль. От того места, где находится яма с угрями, до чистой воды сегодня, вероятно, километра два будет, не меньше. И лед толстый, хоть из пушки бей — не прошибешь.

Мартин явился в школу сияющий. Ему казалось, что пять уроков пролетят, как миг, а потом до самого вечера он будет орудовать острой, будет жить теми чудесными мгновениями, которые дает охота и с которыми не многое может сравниться.

Однако Мартин забыл, что учеба из-за охоты страдать не должна. Воображая себя ловцом, он не подумал, что спрос с него будет не как с ловца, а как с ученика.

И спрос был. Неприятности посыпались с первого урока. Вернее, даже с первых минут первого урока. Хотя фамилия у него удачная — одна из последних в классном журнале, — Анне Райдару почему-то начала в тот день именно с него.

— Уад Мартин, — сказала она, заглянув в журнал, — прочти нам стихотворение, которое было задано на дом.

Мартин встал, покраснел, взъерошил и без того взъерошенные волосы, помолчал с минуту и решил, что надо признаться:

— Я его не знаю.

— Совсем не знаешь или только начало забыл?
Может, тебе напомнить?

— Совсем не знаю.

— Так ты что, дома даже не брал учебника в руки?

— Нет, брать-то брал, но...

— Но испугался и быстро положил обратно?

В классе засмеялись. Марти послышалось, что он различает голос Иви.

— Плохо, Марти, совсем плохо,—продолжала учительница. — Я была о тебе лучшего мнения. Садись.

Второй урок прошел, в общем, спокойно, если не считать того, что Марти, расстроенный неудачей со стихотворением и все еще увлеченный мыслями о предстоящей вылазке на лед, не слушал учительницу и получил за это замечание.

А на третьем разразилась гроза. Третий урок был урок арифметики. Анне Райдару отобрала у всех ребят тетради с домашними работами и опять поступила так, как обычно не поступала: из стопки, лежащей на ее столе, вынула одну только тетрадь Марти, развернула, стала просматривать. Марти похолодел. Он узнал свою тетрадь по оранжевой глянцевої обложке. Ни у кого не было такой яркой. Еще вчера он очень гордился ею, а сегодня глаза бы его не смотрели!.. Как хотелось ему, чтобы тетрадь сейчас спалило огнем или чтобы ворвался в класс ураган и унес ее в море!.. Но нет, этого не произошло. Учительница полистала-полистала страницы в яркоапельсиновой обложке и резко вызвала:

— Мартин Уад!

Марти встал.

— Подойди сюда.

Марти подошел к столу.

— Почему ты не сделал того, что я задала?

Марти молчал.

— Отвечай, когда тебя спрашивают.

— Я не успел, — сказал Марти.

— А чем ты был занят?

Ответа не последовало. Чем он был занят? Станный вопрос! Тренировался с острой, возился с «летучей мышью», проверял салазки, готовился к тому, чтобы идти сегодня бить угрей... Но ведь этого не скажешь! А другого тоже ничего не скажешь. Уж лучше молчать. И Марти молчал. Зато Анне Райдару говорила. На этот раз она не пожалела суровых слов. Марти получил сполна все, что ему причиталось.

Он готов был сквозь землю провалиться. Анне Райдару еще никогда не разговаривала с ним подобным образом. И все только потому, что сегодня немного нескладно получилось с уроками. Ведь это просто случайность! Не вызови его с утра учительница, не догадайся она, что он вчера лодырничал, ничего бы не было. Все обошлось бы благополучно.

Так рассуждал Марти. Он попрежнему упорствовал и считал, что получить плохую отметку — все равно что пострадать от стихийного бедствия. Дескать, градковая туча могла пройти мимо него, но не прошла и вот натворила бед, набила стекол... Плохо!..

Хуже всего было то, что туча не рассеивалась. Перед началом последнего урока вошла в класс семиклассница Аннемай Соос, вожатая отряда, и сказала, чтобы пионеры не расходились, будет сбор.

И он состоялся, этот сбор пионерского отряда четвертого класса вихнувской школы. И единственный вопрос, который обсуждался на нем, был вопрос о пионере Мартине Уаде, об его отношении к учебе. Вожатая сказала, что уже давно собиралась поговорить о Марти, и вот сейчас время подошло, надо, как она выразилась, поставить точки над «и».

И вот началось. Пионеры выступали и говорили много обидных, но справедливых слов. А Марти молча слушал. На сердце у него было очень нехорошо.

Когда слово взял Юло, Марти несколько приободрился. Он решил: кто-кто, а уж приятель поддержит.

Он все еще думал, Марти, что с ним произошел несчастный случай, что должен же кто-нибудь посочув-

ствовать ему. И поэтому речь Юло потрясла его. Ему казалось, что он на всю жизнь потерял веру в людей. Юло выдал его! Юло оказался предателем!

А Юло сказал:

— Я знаю, почему у Марти так получилось. Мы с ним нашли яму. Очень хорошую яму. И собирались идти бить угрей. Но не было мороза, лед не держал, и Марти все время думал о погоде, а об уроках не думал. А вчера по радио передали, что восемнадцать градусов ночью будет, и он вовсе голову потерял и уже ничего не делал. И вот...

Юло скорбно мотнул головой в сторону Марти, как бы приглашая всех посмотреть, что произошло из-за ночного мороза с его другом.

— И вот потому, что он забил себе голову не тем, чем нужно, у него получилось так, что он тянет класс назад. Я как его товарищ и как пионер тоже считаю себя виноватым в этом. Я должен был влиять на него, а я не влиял. И сейчас я перед всем отрядом говорю: Марти, до тех пор пока ты не справишься, пока не начнешь как следует заниматься, я с тобой к яме не пойду и угрей ловить с тобой не буду. Так и знай! Ты можешь учиться хорошо, а учишься плохо. Это не пионерски. Ленинские пионеры так не поступают. Если тебе нужна помощь — пожалуйста, будем учить уроки вместе. А об угрях пока не думай...

После сбора Марти нарочно замешкался в классе, дождался, пока все разошлись, и пошел домой один. Много разных мыслей роилось у него в голове. Временами ему казалось, будто он слышит внутри себя два голоса. Первый говорил:

«Правильно досталось, поделом. Подумаешь, трудность: выучить стихотворение и решить один столбик! Разболтался, разленился, вот и опозорился перед классом. А ведь все могло быть так хорошо!.. Приготовил бы вчера уроки — ответил бы учительнице, получил бы четверку, а может, пятерку и с чистым сердцем мог бы сегодня отправиться на лед».

Другой же вслед за первым
зудел:

«Ну и пусть! Вот надо взять
острогу и назло всем пойти к яме.
Пусть Юло не идет. Это даже
лучше. Друг называется! От та-
ких друзей через залив убежать
надо».

Зудящий голос пересилил.
Марти пришел домой, воспользовался тем, что мать
возилась на кухне, и, ничего ей не сказав, не надев
второй пары теплых носков, захватил мешок, острогу,
топорик и отправился на лед.

День попрежнему отличный — солнечный, с креп-
ким морозцем, с голубым сияющим небом, с белым
сверкающим снегом, с зелеными, словно переложен-
ными ватой соснами. Но Марти казалось, будто он
смотрит на мир сквозь закопченное стеклышко: все на
месте — и солнце, и снег, и сосны, — а вид какой-то
тусклый, скучный, серый... Если бы можно было это
мрачное стеклышко отшвырнуть подальше! Если бы
можно было сделать так, чтобы мир снова стал ярким,
праздничным, веселым!

Марти с размаху проткнул острогой сугроб, засви-
стел, пошел бодрым шагом. Вот уж он на льду, вот по
приметным знакам дошел до ямы с угрями. Начертил
зубцом остроги круг, стал топориком пробивать лун-
ку. Он делал все, о чем мечтал, что должно было до-
ставить ему такое большое удовольствие. Но нет, не
отодвинуть стеклышка от глаз. Тускло, серо, скучно!..

Даже не вырубил лунку. Тихо побрел домой.

Пришел и сел за уроки. На следующий день Анне
Райдару вызвала его — пять! Еще через день вызва-
ла — снова пять! За контрольную по арифметике —
хорошая отметка! За контрольный диктант — тоже хо-
рошая!.. Мир стал выглядеть иначе. Серый налет ис-
чез. Солнце снова засверкало на голубом небе...

С тех пор прошло несколько недель. История с

угрями отошла в прошлое. Но Марти нет-нет, да и вспоминал о ней. Переживания того зимнего дня надолго оставили след в его памяти. Пожалуй, он тогда впервые почувствовал, что такое ответственность. Жизнь, оказывается, не такая простая вещь. За свои промахи, ошибки, упущения приходится, оказывается, отвечать. И это иногда бывает очень неприятно.

6. ПОЧЕМУ МОЛЧИТ АНДРУС?

Сложности жизни, в которых начал уже разбираться Марти, были, несомненно, известны Андрусу. Именно поэтому, ступив на песчаный берег Вихну, он не пошел сразу в правление колхоза, не рассказал о своем великолепном плане лова кильки на свет.

Нет, Андрус поступил иначе. Вернувшись из города, он снес все купленное электрическое оборудование домой и молчал. Ребятам тоже приказал молчать.

Юло с Марти не могли понять, что происходит, почему вожатый упускает драгоценное время. Ведь каникулы такие: не успеешь оглянуться — их уже нет. Кажется, двух часов с утра не прошло, а посмотрел вокруг — вечер! Можно подумать, что дни каникул, в отличие от других, имеют моторы. Притом, сильные, работающие на самой большой скорости. Потому и кажутся эти дни, как автомобили по гладкой дороге: один за другим, один за другим...

Если бы мальчики могли, они отрегулировали бы моторы времени, сделали так, чтобы от начала до конца суток проходило часов пятьдесят, не меньше. Это сейчас совершенно необходимо. Без этого им не управиться. Дело ведь идет к тому, что каникулы закончатся, а они ничего не успеют. В сутках ведь всего-навсего двадцать четыре часа, в каникулах таких суток десять; двое прошло... И вот третьи наступили, и вот третьи проходят, а о лове кильки на свет ни слуху ни духу. Андрус молчит. Он словно забыл о своем плане,

о великолепном плане, которым делился с ними в городе, в саду, перед клумбой.

Марти бродил сам не свой, в глазах — тоска. Уходит, уходит время!.. Не придется, видно, ему с Юло ловить кильку на свет — ведь скоро начнутся занятия.

А тут еще Юло разбередил его рану. Оказывается, по словам «Язнаю», есть какая-то планета, и на этой планете каждый день равен четырем нашим.

Выходит, там весенние каникулы могли бы продолжаться сорок дней. Сорок дней, подумать только!.. Хватило бы на все время, пока путина идет.

Новостью о длинных сутках на неизвестной планете Марти поделился с Иви Койт и Петером Маала. Он встретил их по пути от Юло домой. Новость произвела впечатление. Петер, верный себе, удивленно хмыкнул и произнес одно слово: «Здорово!» Иви же одним словом не ограничилась. Она выложила их дюжину, и все одно ядовитее другого.

— Вот где бы тебе жить, Марти! — сказала она. — Воскресенье — четыре дня, весенние каникулы — сорок, а летние — так те почти на двенадцать месяцев растягиваются. Ну специально для тебя устроено! Ты, случайно, не выяснял, далеко до той планеты? Не перебраться ли тебе туда?

Каникулы, продолжающиеся целый год, — ведь это действительно здорово! Потрясенный Марти даже задержал шаг. Но Петер двумя короткими фразами поставил все на свое место.

— Да, воскресенье-то четыре дня, — сказал он, — зато от воскресенья до воскресенья — двадцать четыре. И учебный год длинноват — четыре наших.

— Верно!

Об этой стороне дела Марти как-то не подумал и теперь с уважением глянул на Петера Голова!..

Говорит мало, но если что скажет — всегда в точку.

Поняв, что порядки на планете могут обернуться по-всякому и еще неизвестно, существует ли она, Марти потерял к ней всякий интерес. Зато он вспомнил, что не ответил еще на дерзости и колкости Иви Койт.

«Далеко до планеты... не перебраться ли тебе туда?..» Можно подумать, что только она учится в школе, что она одна-единственная на весь остров хорошая ученица. Как бы не так! У него отметки не хуже, чем у других. Кое в чем он даже идет впереди этой самой Иви — в зоологии, например. А то, что ему и Юло нужны сейчас каникулы подлиннее, так он этого не скрывает. Верно, нужны. Но вовсе не для пустяков, не для развлечений, а чтобы... чтобы...

Еще не успев начать свою отповедь, Марти вспомнил о наказе Андруса и прикусил язык. Ну что он может сказать Иви!

Новость о лове кильки на свет и о том, что он, Марти, принимает в этом участие, конечно заставила бы ее посмотреть на него совсем другими глазами. А так? Так, что ни скажешь, все будет не то. У этой Иви язык острее бритвы. Лучше уж промолчать.

Горестно посопев носом, Марти искоса глянул в сторону девочки. Тонкая и стройная, она шла впереди по еще не просохшей с начала весны дорожке. На дне затененных деревьями ложбин местами попадались бугры побуревшего снега. Иви ловко перепрыгивала лужицы, уверенно обходила топкие низинки. Она выбирала путь для себя и для мальчиков и делала это как нельзя лучше. Ее косы золотом отсвечивали на солнце.

С разбегу перепрыгнув довольно большую лужу, Иви дождалась мальчиков и, как бы между прочим, будто речь идет о самом обычном, сообщила, что завтра едет с отцом на рыбный комбинат, побывает на механизированном причале, где рыбонасосы работают.

— А ты там был, Марти? — спросила она невинным голосом.

Марти рассердился. Кто из мальчиков и девочек восточной стороны не знает о том, как прошла их поездка в город! Кто не знает, что поездка была замечательная, что повидали они уйму интересного! Но на механизированном причале побывать не успели. Кому-кому, а Иви это известно не хуже, чем другим. И если она спрашивает сейчас об этом, то только с одной целью: чтобы подразнить. А он не поддастся, он будет молчать.

Не замечая грозного молчания Марти, не подозревая того, чем оно вызвано, Петер простодушно вмешался в разговор.

— На комбинат поедешь? — переспросил он, обращаясь к Иви. — На комбинат — это хорошо. А я завтра тоже уйду с отцом — к шестнадцатому неводу. Знаешь, тот, дальний. Там со вчерашнего дня выборы не было. Салаки, наверно, набралось!.. И Рейн Аллас с отцом пойдет и Август Ремусяги. В этом году почти все наши ребята на путине заняты. Ни в одни каникулы так не было. Отец говорит — возраст подошел, нужно приучаться... А ты, Марти, пойдешь с отцом в море?

— Нет, — мрачно ответил Марти.

— Почему?

— Так, не хочу.

— Что же ты будешь делать на берегу?

— Найду что-нибудь...

— Странно.

— Ничего нет странного, — заметила Иви. — Мало ли дел на берегу! В мячик сыграть... в лото... у маленького Уно Манга хорошая игрушка есть. Можно ловить рыбу, не выходя из комнаты.

Этого Марти стерпеть не мог. Покраснев так, что даже уши его приняли густобагровый оттенок, Марти яростно процедил сквозь зубы:

— Ладно, ладно, Иви! Мы еще посмотрим, кто в игрушки играет, а кто дело делает. Ты еще узнаешь, какими аквариумами я занимаюсь. Но я пока молчу... Я слова тебе не скажу больше.

— Как же ты молчишь, когда ты говоришь? — делано удивилась Иви.

— Ладно, довольно!..

Ни одной секунды Марти не желал больше оставаться в обществе этой девчонки. С него хватит!.. Он круто свернул в сторону.

— Ты куда? — удивленно крикнул Петер.

Марти не ответил. Он шел без дороги по лесу и думал о том, как тяжело стоять в стороне от дела, которым все заняты; как хорошо было бы тоже пойти на выборку сетей; как странно ведет себя Андрус. Почему он молчит, Андрус? И почему велел молчать ему и Юло? Чего он ждет?

7. БРИГАДИР СЕРДИТСЯ, БРИГАДИР СМЕЕТСЯ

Марти недоумевал и злился, а хитрец Андрус знал, чего ждет. Он точно рассчитал каждый свой шаг.

Рыбаки остались довольны их поездкой. Ребята управились отлично — взрослым не стыдно было бы взять пример. Обернулись за сутки, привезли килечных сетей столько, что даже старый Николай Леппе, которому всегда всего мало и который всегда всем доволен, только хмыкнул, увидев сети: «Конечно, на старого человека и внимания бы не обратили, а перед мальчишками все двери раскрываются. Их время!»

Сказав так, старик взял край сети, долго разглядев, мял, щупал, даже попробовал на зуб. Потом подумал, почесал поросший коротким жестким волосом подбородок и молча ушел. Все, кто присутствовал при этом, поняли: уж если Николай Леппе не нашел, к чему придраться, значит сети отменные.

Новую снасть тут же пустили в дело. Килька шла хорошо. Лодки возвращались, доверху заставленные тяжелыми плоскими ящиками. В них сыпали из сетей улов, чтобы не мять, не портить нежную рыбешку.

Но не все лодки приходили груженные. В море нет более капризной рыбы, чем килька. Для нее законы не

писаны. Сегодня она в одном месте, завтра придешь на это же место — пусто. Снова надо искать... Сегодня она на одной глубине, а завтра — на десять метров выше или ниже. Пока разберешься, время уходит.

И так постоянно. Не ловля, а лотерея: то выиграл, то проиграл... Никогда никакой уверенности.

Хитрый Андрус недаром учился на курсах. Он знал характер кильки. Знал и ждал.

Когда через два дня после начала лова на всем острове только и слышны были разговоры о капризах кильки, о том, как повезло одной бригаде и не повезло другой, сколько рейсов впустую сделала такая-то лодка, но зато с каким великолепным уловом пришла такая-то, вожатый решил, что время действовать наступило. Под вечер он пришел на пристань и стал ждать моторку Густава Манга.

Ждать пришлось долго. Наконец лодка появилась. Бригадир сошел на берег мрачнее тучи. Как раз сегодня с ним приключилось то, что уже случилось за последние дни с другими рыбаками Вихну: впустую потратил время, впустую гнал моторку, расходовал горючее. Там, где ждал кильку, кильки не было, а когда набрел на нее, наступил вечер, надо было возвращаться домой.

Несмотря на плохое настроение, Густав Манг обрадовался Андрусу, улыбнулся и протянул свою большую руку:

— Здравствуй, вожатый! Как дела?

— Спасибо, дядя Манг, ничего. А у вас?

Бригадир только головой покачал:

— И без кильки плохо и с килькой... С килькой, положим, хорошо, но беспокожно. Прямо замучила нас! С норовом рыба, никак не угадаешь...

Андрус остановился. Сейчас он скажет о своем предложении, и от того, как отнесется к нему Манг, будет зависеть очень многое. Если бригадир заинтересуется ловом кильки на свет, дело завертится колесом. Он всех поставит на ноги.

— Дядя Густав... — немного запинаясь от волнения, начал Андрус и, хотя сам удался ростом на славу, взглянул на великана Манга снизу вверх. — Дядя Густав, есть замечательный способ лова кильки. Такой способ, который делает капризную кильку самой послушной рыбешкой на свете. Не вы ее, а она вас искать будет. Сама придет к вам...

Густав Манг остановился и посмотрел на юношу:

— Что-то ты несуразное говоришь. Как это килька меня искать будет? Может, ты заболел, парень?

— Нет, я здоров. Я вообще никогда не болею, дядя Манг.

— Тогда, значит, шутишь, — решил бригадир и обиделся. — Но ты бы лучше поберег свои шутки для кого-нибудь другого. Я тебе в отцы гожусь!

Бригадир прибавил шагу и пошел вперед, не обращая внимания на Андруса. Тот опешил. Он никак не думал, что разговор примет такой оборот. А Манг уходил. В наступивших сумерках его рослая фигура все больше сливалась с деревьями по обочинам дороги.

Наконец Андрус пришел в себя.

— Дядя Густав! — закричал он и побежал вслед за Мангом. — Дядя Густав, вы не так поняли меня, погодите!..

Рыбак остановился. «Мальчишка! — думал он. — Помог обнаружить кильку, так решил, что все может себе позволить со старшими!.. Глупость какую-то придумал... Новый способ лова: рыба будет искать рыбака!»

Андрус, запыхавшись, подбежал и стал рассказывать о разговоре в складе, о лекции, слышанной им на курсах, о закупках, сделанных в городе.

Густав Манг слушал Андруса. Парень, оказывается, вовсе и не думал шутить. Парень, оказывается, говорит вещи, которые стоит послушать. Действительно, до чего интересно задумано: опустить в море электрическую лампочку, и килька начнет собираться на свет целыми косяками. Ловко! Если Соколов заявил, что на

Каспии так почти всю кильку ловят, то, значит, так оно и есть. Соколов знает. Никто лучше его не разбирается в рыбных делах.

А Андрус продолжал. Он говорил о том, что новый способ лова необыкновенно прост, что все необходимое уже приготовлено и остановка только за ним, за Густавом Мангом.

— За мной? — спросил бригадир. — Почему же за мной?

— Потому что каждый день дорог, потому что одно дело, если в правление приду я, другое — если вместе с вами. Совсем иной разговор будет. Пусть только правление даст согласие, и мы через два дня начнем ловить кильку на свет. Подумайте, дядя Густав: не только в нашем заливе — на всем Балтийском море никто так не ловит, а мы будем ловить! Шутка ли — первые на Балтике!

— Так ты что же, за славой гонишься, хочешь, чтобы про тебя в газете напечатали, или о пользе дела заботишься? — жестко спросил бригадир и пытливо посмотрел на вожатого.

Андрус не смутился, не опустил глаза.

— Конечно, — ответил он, — будет приятно, если в газете напишут о нашем колхозе, если люди узнают про то, как мы ловим кильку по-новому, и тоже станут так ловить.. Ну, и быть первым тоже приятно!

— «Приятно, приятно!» А ну, как не выйдет ничего? Ну, как опозоримся на весь залив со своей затеей, что тогда? Засмеют ведь...

— Вы странно говорите, дядя Густав! — обиделся Андрус. — Почему у нас не выйдет то, что выходит на Каспии? Разве мы ошиблись, когда переняли у каспийцев неводы-великаны? Нет! И здесь не ошибемся. Ведь все равно у нас будут ловить кильку на свет. Федор Алексеевич говорил, что это дело ближайшего будущего. Так зачем же нам откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Мы же ничем не рискуем.

— Да, риска нет, а дело большое, попробовать

стоит, — согласился Манг и рассмеялся: — Ладно, Андрус, считай, что первый улов у тебя уже есть: меня ты на свет поймал!

8. КОГДА МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ НЕ КАЖЕТСЯ МАЛЕНЬКИМ

Наконец-то!.. Наконец-то долгожданная счастливая минута наступила! Не надо больше слоняться без дела, молчать о том, о чем хочется кричать, не надо волноваться из-за каждого уходящего часа. О лове на свет можно говорить. Этим занялись всерьез. И Юло с Марти не остались в стороне. О нет! Они принимают во всем самое деятельное участие.

...Как не похож сегодняшний день на тот, вчерашний, когда у Марти произошла стычка с Иви Койт, стычка, из которой, прямо скажем, он не вышел победителем! Расстроенный Марти вчера чуть ли не до самого вечера проблуждал один в лесу. А сегодня унывать некогда, да и незачем. Весь день проходит в хлопотах. Юло и Марти с ног сбились, выполняя поручения то бригадира, то вожатого. Два раза побывали в правлении колхоза, два раза — на пристани, раз сбегали к Андрусу, еще раз — к старому Леппе... Это только на карту глядя кажется, что остров крохотный, а начнешь ходить — ноги заноят.

Но мальчики не роптали. Ради того дела, в котором они участвуют, они согласны, если нужно, хоть двадцать раз обегать остров.

Тем более что складывается все очень хорошо. Отлично складывается!.. Начать хоть с моторки. Андрус сказал бы спасибо за любую самую старую, самую слабосильную моторку, лишь бы мотор работал, лишь бы свет можно было получить.

Но когда пришли к Мартину Крусте, тот заявил:

— Моторку не дам. Сейчас путина, каждая лодка на учете. Отрывать занятое ловом судно для опытов не имею права...

У вожатого при этих словах лицо вытянулось. Но

из грустного оно сразу сделалось веселым, когда Мартин Крусте продолжал:

— Да, моторки не дам, а бот, если хотите, возьмите. Днем, как всегда, будем гонять его по всяким надобностям, ночью же — пожалуйста, пользуйтесь... И динамку на ферме тоже можете взять. Она все равно пока бездействует.

А ведь для лова кильки на свет именно бот-то и нужен! На моторке, чтобы поднимать и опускать конусную сеть, надо было бы ставить мачту, приспособлять лебедку; на боте же и мачта и лебедка есть. И двигатель, как-никак, раза в четыре сильнее, чем на моторке. Значит, света будет больше. Ну, а свет для задуманного дела — все. Больше света — больше кильки.

Словом, бот устраивал всех и особенно Юло и Марти. Шутка ли, получить «Советского партизана» в полное свое распоряжение!..

Мальчишкам радоваться бы и радоваться тому, как хорошо все идет. Однако жизнь есть жизнь. Редко бывает, чтобы все было хорошо, без всяких «но». Не обошлось без «но» и тут. Юло и Марти чувствовали бы себя во всех отношениях отлично, если бы не Леппе. Да, как ни жаль, но старик стал помощником бригадира Манга в новом деле.

Этому удивлялись на острове все, и в сотый раз все пришли к выводу: старика не поймешь!

Когда вихнувцы узнали об интересной затее Густава Манга и Андруса, никто не сомневался в том, как поведет себя Леппе. Были убеждены: Леппе станет брюзжать, обходить дом за домом, всюду стучать кулаком по столу и доказывать, что лов на свет — баловство, ненужная трата денег.

Но, может быть, именно потому, что все ждали этого, старый рыбак поступил иначе. Он вдруг горой встал за предложение Андруса.

— Правильно! — говорил Леппе каждому, с кем встречался. — Чем, спрашивается, мы хуже каспийцев? Что у нас, лампочки электрической не найдется?

Или, скажете, килька у нас плохая? Ерунда!.. Весь мир знает, что лучше нашей кильки нет. А хорошая килька и на свет будет идти хорошо. Не я буду Николай Леппе, если не покажу, как можно без забот, без хлопот ловить рыбешку!

Старик начал с того, что повел борьбу с мальчишками.

— Чего вы вертитесь? Ну чего вы вертитесь под ногами? — покрикивал он на них. — Вам еще в игрушки играть, а вы к рыбакам пристраиваетесь! Марш отсюда!

Юло очень хотелось ответить, что неизвестно еще, кто к кому пристраивается, но побоялся отца. Дерзость старшему — проступок, который бригадир не прощает. Пришлось смолчать.

За ребят вступился Андрус.

— Дедушка Леппе, — сказал он вежливо, но твердо, — Мартин Крусте знает, что Юло и Марти помогают нам. Он считает, что их помощь очень полезна. И Густав Манг и я тоже так считаем. Для нас они первые помощники.

— «Помощники, помощники!»! От стола два вершка — и уже помощники!.. — пробурчал под нос старик и замолчал: ссылка на Мартина Крусте и Густава Манга подействовала.

Разговор происходил на борту «Советского партизана». Только что привезли с фермы генератор. Совсем небольшая с виду машина, не больше самого маленького бочонка для соленой салаки, но до чего тяжелая — не поднять!

Тут старый Леппе показал, что он недаром плавал когда-то матросом на паруснике. А на парусниках ведь механизмов нет. Там скользящие на блоках тали — веревки — первое дело. Там с помощью талей и блоков громадные паруса в одну минуту поднимают к верхушкам высоченных мачт, самые тяжелые тюки мигом опускают в трюмы. Паровую или электрическую лебедку тали, конечно, не заменяют, но ручной труд облегчают

сильно. Вот старый Леппе и приспособил блок для того, чтобы поднять с пристани и опустить на палубу бота тяжелый генератор. Сделал он это так ловко, что Юло и Марти даже простили ему каверзу, которую он подстроил им.

А каверза была такая.

Старик ничего не ответил, когда Андрус вступился за мальчиков, но решил, видно, при первом же удобном случае показать вожатому, что за помощники у него.

Случай подвернулся тут же. Приспосабливая тали для подъема генератора, старый Леппе посмотрел на Марти, протянул ему веревку и сказал с ехидцей:

— Ну-ка, возьми конец, взберись на мачту.

Он думал, должно быть, старый Леппе, что нынешние мальчишки даже лазить на столбы толком не умеют. Как же!.. Марти, чтобы руки были свободны, просунул веревку под ремень и забрался на мачту с ловкостью мартышки.

— А что дальше делать, дедушка Леппе? — крикнул он.

— Продень веревку в блок.

— Есть продеть! — послышался голос сверху.

Потом через минуту:

— Уже продета! А сейчас что?

— А сейчас слезай. Нечего на мачте сидеть — не ворона.

Вид у Леппе был, как всегда, сердитый и недовольный. Но странно: в глазах старика злости не было. Изпод нависших лохматых бровей он следил за тем, как Марти осторожно сползает вниз. Следил и бормотал:

— Из мальчишки толк выйдет. Хоть сейчас в юнги брать...

Не успел Марти ступить на палубу, как пришла очередь Юло. Старик поманил его корявым пальцем:

— Эй, молодой Манг... не знаю, как тебя по имени зовут... подойди-ка!

«Молодой Манг» подошел:

— Меня Юло зовут, дедушка Леппе.

— Хоть Навуходоносором, мне все равно. Ты концы сращивать умеешь?

Задавая этот вопрос, старый Леппе, конечно, не знал о том, что в школе есть кружок морского дела и что только на днях ребята учились тому, как правильно, по-морскому, сращивать концы канатов.

Юло решил схитрить. Пусть старик удивляется.

— Концы сращивать? — спросил он с наигранной растерянностью. — Я... я попробую, дедушка Леппе, — может быть, получится.

— Хм! «Попробую»!.. Вот они, нынешние!.. Я в твои годы не пробовал. Я в твои годы в море плавал, сам себе хлеб зарабатывал. А вы маменькиными сынками растете, белоручками... — Старый рыбак, уже по-настоящему рассерженный, потряс перед носом Юло двумя мотками веревки. — Даже такой простой вещи не знаете! На вот, свяжи хоть обыкновенным узлом. Может, и этого не умеешь?

Юло ничего не ответил, послушно взял веревки и ушел на корму. Веревки скручены в несколько витков. Он размотал концы и начал сплести каждый виток с другим так, чтобы две веревки срослись в одну.

Марти стоял рядом, не спускал глаз с приятеля и подавал советы. Но Юло отмахивался:

— Я знаю! Не мешай!..

Наконец работа сделана.

Подхватив веревку, Юло потащил ее к старику. И тут же его оглушил свирепый окрик Леппе:

— Не волочи, не волочи канат по палубе, это тебе не коровий хвост! Кольцом свернуть надо!

— Почему коровий хвост? — тихо спросил Марти. — Разве коровьи хвосты волокут по палубам?

— Не знаю, — так же тихо ответил Юло.

Это был первый случай, когда «товарищ Язнаю» признался другу в том, что он чего-то не знает.

Мальчики живо свернули длинную веревку кольцом.

— Ну, представляю, Манг, что за узел ты накрутил, — сказал старик, рассматривая веревку. — Узлы тоже надо связывать умеючи... — Он поднес веревку ближе к глазам, пощупал пальцами. — Позволь, а где же узел?

— Узла нет, дедушка Леппе.

— Ха! Я так и знал! Сын Густава Манга, лучшего рыбака на Вихну, — и не сумел концы каната связать! Вот как воспитывают нынешние родители нынешних детей! Сгореть со стыда можно!.. Что же ты? Возился, возился, а веревки как были врозь, так и остались.

— Нет, я срастил.

— Срастил? Где ж ты их срастил?

— А вот, смотрите...

Юло отыскал место соединения двух веревок и показал.

Старый Леппе прощупал каждый виток. Сращено правильно. Что за чудеса! Может быть, чертенята обманывают и подсунули ему другую, уже сращенную веревку? Нет, веревки те самые. Он дал их молодому Мангу минут двадцать назад. Тот мямлил что-то несуразное, а сработал — лучше не надо. Эти мальчишки то и дело ставят его в неловкое положение!

Рыбак посмотрел на всегда спокойного лобастого Юло, на плутоватого веснушчатого Марти, мрачно наспил брови и пробурчал:

— Когда сращиваете, палочкой внутрь волокна за-тыкать надо, а то вон — торчат лохмы... Смотреть противно!

Сказал и отвернулся. Но мир с того времени был заключен. Старик, видно, признал за мальчиками право существовать на земле, стал замечать их, отвечал на вопросы, давал поручения. Ворчать-то ворчал и вид, как всегда, имел хмурый, но ребята понимали: это для порядка. На то он и старый Леппе, чтобы хмуриться и ворчать.

9. КОРОВЫ ПЕРЕСТАЛИ ЖЕВАТЬ...

Генератор установили, электрическую проводку подготовили, конусную сеть сшили. Раскрой сети сделал старый Леппе, а сшивали Юло и Марти. С обручем же произошла заминка. Обруч нужен. Без него сачка не получится. И должен он быть не какой-нибудь проволочный, а из круглого, толщиной с большой палец, железа, чтобы не сгибался, не провисал. Ведь сачком не бабочек ловить. На Каспии, Федор Алексеевич рассказывал, конусная сеть в один прием чуть ли не полтонны рыбы поднимает. Полтонны — шутка ли! Телегу доверху нагрузить можно.

И вот подходящего железа для обруча на острове не оказалось. Густав Манг все колхозные кладовые перерыл, Николай Леппе старых рыбаков обошел, дворы и чердаки облазил, Андрус всюду, где только можно, искал. Нет и нет.

Нашли железные прутья, но тоньше, чем нужно.

Нашли полосовое железо. Оно, может, и годилось бы: не согнется, не провиснет, но края острые; как ни крепи, сеть мигом перетрется.

Нашли рельсы, остатки тех рельсов, что пошли на прокладку узкоколейной линии, по которой катят груженные рыбой вагонетки с мола в колхозный склад. Рельсы для обруча вовсе не подходят.

Что делать? Неужели из-за куска обыкновенного железа гнать бот в город, терять время?

Ни к какому определенному решению старшие так и не пришли. Ясно было только одно: если и поедут в город, то не сегодня, а завтра. Сегодня поздно.

Андрус велел мальчикам идти домой.

— Идите, и чтобы я вас до завтра здесь не видел, — сказал он. — Вы просто как одержимые! Только о лове и думаете. Вот еще энтузиасты на мою голову!..

С того времени, как началась подготовка к лову на свет, Юло и Марти, действительно, ни спать, ни есть

толком не могли. На что ни посмотрят, о чем ни подумают — все связывают с килькой и электричеством.

Но при этом каждый остается сам собой, мысли у каждого складываются в голове по-своему.

Вот, например, когда Юло пришел домой и стал обедать, мать дала ему полную тарелку тушеной капусты с салом.

Это было любимое блюдо Юло. Он и сейчас отдал ему должное. Но ел рассеянно. Уставившись в тарелку, он думал о том, что капуста тоже светолюбива. С килькой ее, конечно, не сравнить, потому что кильки, как-никак, живые существа, а капуста — это капуста и больше ничего. Но свет на нее здорово действует. В Заполярье, он читал, колхозные теплицы освещаются электричеством, и это очень помогает росту овощей. Должно быть, на Вихну можно было бы сделать то же самое: устроить теплицу, ввинтить тысячесвечовые лампочки и круглые сутки освещать и обогревать ими грядки. В таких условиях не то что капуста — ананасы вырастут...

Марти в это самое время глотал, обжигаясь, только что снятую со сковороды жареную баранину, и мысль его тоже буйно работала. Нарезая куски баранины, он думал об овцах, но не вообще, а о том, как бы их сделать светолюбивыми. По всему выходило, что это могло бы принести громадную пользу.

Ведь с обыкновенными овцами что происходит? Им нужны для пастбища большие пространства не потому, что они много травы едят, а потому, что много затаптывают. У них привычка такая: щипнут стебелек — и дальше, щипнут — и дальше... А трава, по которой прошли, уже стравлена, пропадает без толку.

Будь же овцы светолюбивы, картина получилась бы совсем другая. Тогда можно было бы устанавливать на лугу, у самой земли, электрические лампочки. Свет будет привлекать животных. Они шагу от лампочек не захотят сделать. Будут пастись вокруг и поедать всю траву, какая есть, до последней былинки. А электропа-

стух в это время наблюдает: съедена трава — он зажигает лампочки в другом месте. Овцы переходят туда.

Так на маленькой лужайке хватит травы для большого стада. За светолюбивыми овцами, если их вырастить на Вихнү, со всех концов страны приезжать станут. Новую породу так и можно будет назвать: вихнүвские светолюбивые...

После обеда приятели встретились. Об ананасах Юло умолчал. Марти же — простая душа, — захлебываясь, выложил другу свой план нагула овец с помощью электричества. И влип: Юло его высмеял. Высмеял жестоко, но правильно. Марти чуть не сгорел со стыда. Действительно, как это он упустил из виду, что овцы пасутся днем! А днем пусть на лугу горит хоть тысяча лампочек — толку не будет. Никого они не привлекают. Электричество с дневным светом спорить не может.

Мальчики пошумели о светолюбивых овцах, но легче не стало. Настроение у обоих попрежнему унылое. Был бы обруч — уже завтра вышли бы в море, опустили бы в воду лампочку, начали бы лов кильки поновому. А тут задержка неизвестно на сколько. Просто с ума сойти можно!

От нечего делать решили наведаться на ферму. Там недавно начала работать автопоилка. Они уже видели ее, но сходить еще раз стóит. Мартин Крусте говорил, что в старое время таких установок не было в самых богатых помещицких имениях. А сейчас вот автопоилка есть здесь, на маленьком острове Вихнү.

В большой новый каменный коровник друзья прошли без труда. Бригадир животноводческой бригады, шумный, веселый Якс, сказал только:

— Идите, но вытрите как следует ноги и не шумите.

Две пары ботинок на двойной подошве минут пять усердно топтали лежащий у входа влажный, пропитанный карболкой половик. Основательно поработав ногами и решив, что микробы на ботинках навер-

няка подошли от противного карболочного запаха, Юло и Марти вступили в светлое, чисто выбеленное помещение.

Здесь тихо и торжественно. По обе стороны широкого прохода в цементированных стойлах — большие красно-бурые с белыми пятнами коровы. Некоторые из них стоят, жуют и время от времени глубоко вздыхают. Другие лежат на боку, жуют и тоже вздыхают. Но и те, что стоят, и те, что лежат, вздыхают не потому, что им тяжело живется. Вовсе нет. Они смотрят на Юло и Марти, и в коровьих глазах можно прочесть: «Что ж, жить на Вихну можно. Жизнь сейчас здесь вполне подходящая».

Над стойлами, под самым потолком, тянутся тонкие жилы водопроводных труб. Отростки от них спускаются к кормушкам. Здесь приделаны чугунные эмалированные корытца с широкой педалью на дне. Сейчас они сухие. Но вот корове захотелось пить. Она нажала мордой на педаль, и в поилке зажурчала вода. Попила, подняла голову, довольно вздохнула и снова принялась за свою бесконечную жвачку. Соседка, услышав, что рядом пьют, тоже ткнула педаль мягкими губами, тоже наполнила корытце свежей водой. И у нее, дескать, стойло со всеми удобствами!..

— Юло, — спросил Марти, — а почему автопоилки называются автопоилками?

— Потому что они работают автоматически: корова нажмет на педаль — и вода идет. А раньше поили скот вручную. Ион Якс рассказывал отцу, что из колхоза в коровник приходилось носить каждый день сотни ведер воды.

— А моему отцу Ион Якс рассказывал, что с тех пор, как установка заработала, коровы начали давать больше молока. При чем здесь автопоилка, не пойму!

Юло не ответил. Действительно, смысл автопоилок как будто бы в том, что они избавляют людей от тяжелого труда. А молоко? Молоко ведь не имеет к автопоилкам никакого отношения.

— Ладно, — примирительно сказал Марти, заметив смущение приятеля. — Считаем, что товарищ «Язнаю» не всегда все знает. Спросим у Марет, она объяснит.

Доярку Марет Лао мальчики часто видят в компании Андруса и других комсомольцев. А друг Андруса — их друг.

Пошли на другой конец коровника.

Марет задавала корм огромной корове с рогами, торчащими один вверх, другой вниз. Марти собрался было спросить о странных рогах, но Юло опередил:

— Марет, твои коровы дают сейчас больше молока?

— Да.

— Автопоилка помогла?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что раньше коровы пили не тогда, когда хотелось, а когда приносили воду. Какой-нибудь пеструхе пить хочется, а до нее еще очередь не дошла, я других пою. И она ждет, не ест. А сейчас коровы пьют, когда хотят и сколько хотят. От этого у них аппетит стал лучше, есть стали больше. Больше едят — значит, молока больше дают. Больше молока — больше масла. Так, ребята, получается, что вода из этих труб в конце концов оборачивается для нас лишними килограммами сливочного масла.

Марет тряхнула выбившимся из-под косынки светлым локоном и показала на ровно протянутые поверху водопроводные трубы. Марти с уважением и новым интересом посмотрел на них. Подумать только: обыкновенные железные, всего-навсего с большой палец толщиной трубы, а сколько пользы!

Железо с большой палец толщиной... И притом круглое!.. У Марти перехватило дух. Он открыл рот, хотел что-то крикнуть, но от волнения сумел только еле слышно выдать из себя:

— Юло, смотри, железо!

Юло посмотрел на трубы, на приятеля, снова на трубы, и у него тоже перехватило дух.

— Марти, смотри, железо! — шопотом прохрипел он.

— Ребята, что с вами? — всполошилась доярка.

— Марет! — вдруг закричали мальчики так оглушительно, что та вздрогнула. — Марет, скажи, такие трубы есть на ферме?

— Как — есть? — не поняла девушка. — Вот же они, перед вами!

— Да нет! — снова раздался крик. — После того как устроили автопоилки, лишние трубы остались?

— Кажется, есть, — сказала Марет. — Но точно не знаю. Надо у Иона Якса спросить. А зачем они вам?

Вместо ответа она услышала бешеный топот двух пар ног, обутых в пропахшие карболкой ботинки на толстой подошве. Юло и Марти бежали к выходу искать животновода. Коровы перестали жевать и смотрели им вслед. Теперь в их глазах можно было прочесть: «Что ж, жить на Вихну можно. Жизнь здесь вполне подходящая. Только вот мальчишки какие-то беспокойные...»

Потом они разом, как по команде, вздохнули и снова принялись жевать. На ферме попрежнему стало тихо и торжественно.

10. ЗМЕЯ НА ЧЕТЫРЕХ НОГАХ

В лесу гремело, звенело, стучало. Испуганные белки забрались на верхушки высоких сосен. Галки метались над деревьями и тревожно кричали. Еж, спавший в хвое под кочкой, проснулся и, не разобрав, в чем дело, выглянул на дорогу. Сначала то, что он увидел, зажгло в его крохотных глазах хищный огонек. Ему показалось, что между деревьями ползет змея. Да какая длинная! Такую поймать — три дня сыт будешь.

Только колючий зверек, оскалив поросыачью мор-

дочку, собрался кинуться на добычу, как змея, наткнувшись на пенек, издала звук, который заставил ежа свернуться в клубок и выставить иголки. Змеи шипят, а эта звенела.

Старый, бывалый еж осторожно выставил рыльце. Странная змея уползала. Да, это все-таки змея. Хватать, немедленно хватать!

Еж кинулся между деревьями наперерез. Он знал свое дело: чем ближе к голове вцепишься в змею, тем быстрее задушишь. А голова ее где-то совсем далеко — удивительно длинная тварь!

Зверь изо всех сил семенил на своих лапках и наконец перегнал змею. Но, взглянув на нее спереди, он вовсе растерялся. Впереди у змеи было четыре ноги, каждая из которых пахла хуже, чем пахнет самая большая куча гнилых мухоморов. Отфыркиваясь от густого запаха карболки, еж присмотрелся получше и увидел, что ноги, собственно, принадлежат не змее, а двум мальчикам. Да и змея-то не настоящая — железная.

Лесной житель возмущенно запыхтел и ушел в чащу. Бывают же глупые ошибки!..

Не подозревая, сколько напрасного беспокойства причинили они ежу, Юло и Марти бодро волокли тонкую длинную трубу на пристань. Удача! Какая великолепная удача: обруч есть! Во-первых, Ион Якс сразу понял, зачем мальчикам нужна труба; залез под какой-то навес и извлек ее оттуда; во-вторых, он хоть и животновод, но в рыбных делах разбирается. Он сказал, что ребята правильно придумали: из водопроводной трубы выйдет отличнейший обруч для конусной сети. Труба куда крепче железного прута такой же толщины.

— Почему? — спросил Марти, который никогда не упускал возможности задать вопрос или поспорить. — Почему труба прочнее? Ведь прут сплошной, а у трубы стенки тонкие, она внутри пустая.

— Именно потому... — сказал Якс, — именно по-

тому, что труба полая, она прочнее. Люди поняли это, присмотревшись к природе. Вы знаете, как устроены наши кости? Ведь они вроде трубок — полые внутри. Природа сделала так, чтобы мы крепче стояли на ногах, чтобы у нас сильнее были руки. Или тростник возьмите. Будь у него сплошной стебель, он бы валился от ветра, а сейчас — бурю выдерживает. Так что будьте спокойны, ребята, поднимайте рыбу хоть тоннами — обруч выдержит.

Марти и Юло хорошо запомнили этот разговор, чтобы выложить его на пристани, если Густав Манг, Андрус или старый Леппе начнут сомневаться в пригодности трубы для дела. Но рыбаки ни в чем не усомнились. Они обрадовались находке не меньше, чем мальчики, и тут же принялись сооружать обруч.

К вечеру все было готово. На боте лежала конусная, напоминающая громадную воронку, сеть, натянутая на великолепный обруч. К узкому низу ее были пришиты колечки с продернутой сквозь них веревкой. Это для выгрузки рыбы. Когда сеть с уловом будет поднята, веревку развяжут — и килька высыплется на палубу. А для того чтобы сеть быстрее погружалась в воду, внизу привязана аккуратная пятикилограммовая гиря, какой отвешивают продукты в магазине. Из-за нее тоже пришлось немало побегать.

Когда встал вопрос о грузиле для сети, старый Леппе предложил взять для этого простой булыжник. Мальчики запротестовали: усовершенствованная, электрифицированная сеть — и вдруг булыжник! Курам на смех!..

Булыжник не годится, решили ребята, это уродство! Надо настоящее металлическое грузило. Но где его взять? И тут Юло и Марти вспомнили: в кооперативе есть старые, бракованные гири. Они лежат во дворе под крыльцом и никому не нужны. Заведующий Томас Усник, конечно, разрешит взять одну — это ведь не для баловства. Но от пристани до кооператива — два с половиной километра. Туда и обратно — все

пять. А они за сегодняшний день столько набегались!.. И очень хочется есть. И дома ждет ужин.

Однако ничего не поделаешь...

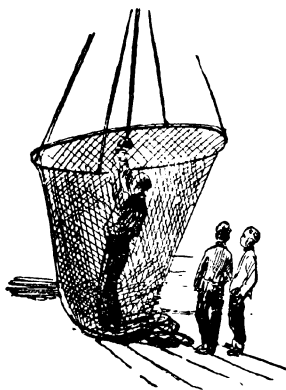
Сбегали в кооператив. Кооператив — на замке. Был соблазн взять гирию без спросу, но устояли. Густав Манг обязательно поинтересуется, где взяли. Если сказать правду — рассердится, заставит отнести обратно. А соврать не годится.

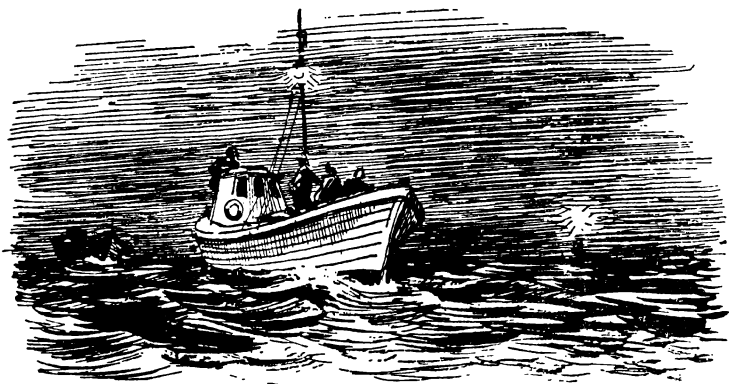
Побежали к Уснику на квартиру. Тот после работы спал. Вышел сонный, никак не мог взять в толк, что ребятам нужно. Потом рассердился и сказал:

— Нашли из-за чего человека беспокоить! Возьмите гирию, и чтобы духу вашего здесь не было!

И вот аккуратная пятикилограммовая гирия привязана к низу. А сверху — отличный трубчатый обруч. Сеть выглядит, будто только с фабрики. Смотреть приятно!

Но надо идти домой — поесть, отдохнуть. Ночью — первый выход в море, первый лов на свет.

Часть четвертая

1. НОЧЬ, ЗВЕЗДЫ, МАЯК

Ночь темная, безлунная.

«Советский партизан» грудью режет воду. Дробно стучит мотор. Высоко над палубой светит сигнальная лампочка. Можно подумать, будто бот зацепил мачтой за звездочку и потянул за собой. А та рада. Соскучилась, должно быть, всю ночь на месте стоять и довольна, что такой случай выпал: можно по морю покататься. Юло и Марти тоже рады случаю выйти в море ночью.

Такой поход останется в памяти на всю жизнь. Ведь море ночью не то, что днем. Ночное море — ого!.. Ночью оно кажется в тысячу раз больше, чем днем. Весь мир — море. Все вокруг тебя — море. Ни неба, ни земли, ни горизонта. Только море. Всюду море.

Страшновато, но хорошо...

Страшновато потому, что даже флагман колхозного флота, бот «Советский партизан», кажется сейчас скорлупкой, которую темное море несет, несет и неизвестно, куда вынесет. Может быть, на другой конец земли, к каким-нибудь поросшими пальмами остро-

вам, о которых рассказывал дедушка Сейлер. Там плавала на привязи рыба-прилипала, там жил рыбак Нкуэнг.

Но Юло и Марти сейчас не до островов с пальмами. У них сейчас на собственном острове дел по горло. И самое большое, самое важное то, из-за которого они сейчас в море.

...А зыбь несет и несет суденышко в темную неизвестность.

Но это только кажется, что в неизвестность. У руля стоит Густав Манг, и он ведет бот туда, куда было решено идти с самого начала, — к Красным камням. Красные камни — небольшая, одиноко торчащая в море скала, до которой от Вихну примерно час хода. Юло и Марти много раз бывали там. Днем они сами привели бы бот к этому месту без всякого труда. А дай им руль сейчас — кружили бы, словно слепые котята. Ведь ничего не видно!

— Дядя Густав, вы видите что-нибудь? — спрашивает Марти.

— Тебя вижу, — говорит бригадир.

— Нет, а дорогу? Как вы знаете, куда курс держать?

— Дорога тоже видна. Вон взгляни за корму...

Марти подходит к корме. Действительно, если смотреть назад, кажется, что бот бежит по широкому пеннистому пути.

— Ну как, парень, есть дорога?

— Есть.

— Вот по ней и держу.

Марти растерянно молчит, потом спохватывается:

— Э, нет, дядя Густав, вы шутите! Эту дорогу винт взбил. Она, в какую сторону ни повернете, будет.

— А я не во всякую поворачиваю. Я только куда нужно поворачиваю.

Бригадир усмехается, смотрит вверх, в звездное небо, и дает поворот рулю. Старый Леппе чиркает спичку, начинает раскуривать трубку.

— Видал, Густав? — хрипит он. — Вот они, молодые!.. У нас в их годы, как у охотничьих собак, чутье вырабатывалось. Нюхом разбирались, где в море находимся. А они?

— То-то и есть, что нюхом, — замечает бригадир. — На одном нюхе выезжали. Я вот сейчас держу курс по звездам, но спроси, как та звезда называется, как эта, не скажу, не знаю. И ты не знаешь. А ребята географию учат, астрономию проходить будут. И к делу заодно привыкают. Из них такие моряки вырастут — куда нам!..

Трубка Леппе сипит. Он вспоминает, как Марти залез на мачту, как Юло срастил веревки, и думает, что бригадир, пожалуй, прав. Но вслух сказать об этом не хочет. Оно конечно, мальчишки к делу приучаются. И опять же — астрономия, география... Но все-таки, что бы там Манг ни говорил, чутье есть чутье. Грош цена моряку без морского нюха.

Когда отошли от пристани, Андрус стоял на носу бота рядом с мальчишками, любовался звездным небом и что-то шептал про себя.

Марти до всего есть дело. Он спросил у жофатого, почему тот разговаривает сам с собой.

— Это я стихи вспомнил, — ответил Андрус. — Ты Пушкина читал, Марти?

— Ага. Интересно!.. Помнишь, как Дубровский в медведя из револьвера бахнул? В самое ухо выстрелил. А потом стал атаманом разбойников. Здорово!..

— Про Дубровского помню. А стихи Пушкина читал?

— Стихи? Какие стихи? — насторожился Марти. — «Тятя, тятя, наши сети...»?

— Да нет! Ну, разные стихи... У Пушкина много стихов.

— Разные не читал. Я только те, что в учебнике есть, знаю. А разве кто-нибудь стихи просто так читает?

— Конечно, чудак! Есть такие стихи, что одна

строчка иной толстой книги стоит. Вот, послушай, как написал Пушкин про небо, про звезды, про море...

Волна слегка покачивает суденышко. Андрус ухватился руками за борт, стал читать тихо, не торопясь:

...Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины
И дремлющий залив, и горных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине...

Юло посмотрел на звездное небо.

— Красиво! — сказал он.

— Ага! — согласился Марти.

Вожатый постоял еще немного и пошел к подхвату. Там у него была работа.

А Юло с Марти остались на носу, всматривались в темное море.

Вдали блеснул огонек.

— Маяк! — закричал Марти. — Это Красные камни! Значит, правильно идем.

Глаза у Марти, как у рыси: желтые с искрой и видят далеко. Проходит минуты три, прежде чем и Юло улавливает светлую точку вдали. Обидно! Марти только дай повод, сразу нос задерет.

Чтобы сбить с приятеля спесь, Юло, как бы между прочим, спрашивает:

— Марти, как по-твоему, зачем нужен маяк?

— Как — зачем? Для кораблей. На кораблях видят огонь маяка и знают: здесь скала, опасно, надо обойти стороной, иначе разбиться можно.

— Так... — В голосе Юло разочарование. — Ну, а кто зажигает огонь?

— «Кто, кто!» Смотритель.

— Это на камнях-то? Где же он там живет?

Ресницам Марти задана работа. Верно. Он камни знает: там не только человеку — кошке негде расположиться. Но как же без смотрителя? На Вихну маяк есть и смотритель есть. А тут?

— Он там не живет, но приезжает, — говорит Марти. — Каждый день под вечер приезжает на моторке и

зажигает свет. Утром опять приезжает, тушит...

— А если буря, — не отстает Юло, — шторм, нельзя в море выйти, как тогда? Тогда, значит, маяк не светит, и, пожалуйста, налезайте, корабли, на камни, разбивайтесь... Так, да?

Марти рассердился:

— Слушай, отстань от меня! Камни... шторм... Сам ничего не знаешь, а пристаешь к людям с глупыми вопросами!

— Я не знаю?!

— Ты не знаешь. По-моему, так: если огонь маяка горит, значит его кто-то зажигает. И если тот, кто зажигает, не живет здесь, значит приезжает сюда... И все! И больше ты мне голову не морочь!

— Приезжать-то приезжает, — примирительно говорит Юло, — только не каждый вечер, а раз в полгода. Маяк горит, как карманный фонарик, — от батарейки. Но она большая. Ее на полгода хватает.

— Хорошо. Но кто-то ведь зажигает маяк вечером, кто-то тушит утром?

— Никто.

— Так и горит круглые сутки?

— Да. А что сделаешь, если выключить некому?

— Вот и неправда, вот и не знаешь! — торжествует Марти. — Мы прошлый раз, когда шли на пробный лов, проходили мимо, и я помню: маяк днем не горел. Он только ночью светит.

— Нет, не только!

— Нет, только!

Один заладил «нет» потому, что твердо помнил: маяк днем не горел, другой — из упрямства. По правде говоря, Юло тоже кажется, что когда на днях они утром проходили возле камней, света маяка действительно не было видно. Но тогда ведь получается, что прав Марти, а этого не может быть.

Между тем Марти не отстаёт:

— Спорим, что днем не горит!

— Спорим!

— На что?

— Кто выиграет — включит лампочку.

Это сгоряча предложил Юло. Предложил и тут же раскаялся. Вот сморозил!.. Ведь он может проиграть, и тогда право впервые зажечь опущенную в море лампочку достанется одному Марти. А они оба так гордились тем, что завоевали его! Андрус несколько дней назад сказал:

«Будем соревноваться за честь первому осветить глубину».

«Как — соревноваться?» — спросили мальчики.

«Ну, каждый чтобы старался работать на пять с плюсом. А когда всё сделаем, посмотрим: кто поработал лучше всех, у кого не будет никаких изъянов и просчетов, тот, значит, победил».

«Я и так за свою работу спокоен», — пробурчал старый Леппе, присутствовавший при разговоре.

Но после этого он долго сидел и проверял, правильно ли рассчитал покрыв сети.

И бригадир тоже после этого разговора заново перебрал и смазал все части судового двигателя. Да и Андрус день и ночь возился с электрической частью. У него работа была самая сложная: все-таки то, что он делал, никто до него на острове еще не делал. До всего своим умом надо доходить, даже посоветоваться не с кем.

Юло и Марти понимали, что по сравнению с Андрусом, бригадиром и Николаем Леппе они делают не так уж много. Помогают старшим — и все. Но включить первыми лампочку им очень хотелось. Так хотелось, что передать нельзя. На счастье, обруч помог. Когда они приволокли трубу с фермы, Андрус сказал:

— Ну, ребята, вы знаете, что сделали? Вы нам сэкономили два дня времени и поездку в город. Молод-

цы! Здорово! Не знаю, как бригадир, а я считаю — вы заслужили право включить лампочку».

Густав Манг поддержал:

«Верно, я тоже так считаю».

И даже Николай Леппе не спорил. Он ничего не сказал, но само его молчание говорило: «Ладно, так и быть, мальчишки с обручем угадали, пусть включают лампочку».

И вот Юло собрался проспорить свою победу. Не глупость ли?

А Марти рад:

— Хорошо, согласен. Кто из нас выиграет, тот первый даст свет под воду.

У Юло даже в горле зашекотало от огорчения. Он проглотил слюну и попробовал увильнуть.

— Мы зря спорим, — сказал он. — Все равно ведь сейчас нельзя будет узнать, светит днем маяк или нет.

— Отчего же? — напирает Марти. — Спросим об этом Андруса, или дядю Густава, или дедушку Леппе. Кого хочешь, того спросим. Они знают.

Делать нечего. Юло нехотя пробирается вслед за приятелем с левого борта на правый. Там, возле генератора, — Андрус.

— Андрус, — говорит Марти, — ты должен знать: маяк на Красных камнях круглые сутки горит?

Вожатому не до мальчиков. Он забрался в подхваченную лебедкой конусную сеть, конец которой лежит на палубе, и изнутри прикрепляет к обручу электрическую лампочку. Прикрепить надо так, чтобы лампочка была посреди круга, не вихляла из стороны в сторону, не опускалась ни ниже, ни выше. Три растяжки он уже сделал, сейчас занят четвертой.

Работа идет в темноте. Андрус, копошащийся внутри густой сети, кажется огромной пойманной рыбиной.

Марти немного стыдно, что он отвлекает вожатого вопросами, не имеющими никакого отношения к делу, но желание одолеть Юло в споре распирает его.

— Так как, Андрус? — спрашивает он, стараясь просунуть нос в ячею.

— Что — как? — поднимает голову Андрус.

Марти не отвечает. Его веснушчатый нос влез в тесную ячею сети, лоб упирается в жесткие узелки. Разговаривать в таком положении довольно трудно.

Юло тоже молчит. Он не так уж сильно заинтересован в ответе Андруса и поэтому попыток влезть в подхват не делает. Но надо же ответить на вопрос водителя. И Юло отвечает:

— Мы хотим спросить тебя, Андрус, про маяк на Красных камнях. Есть на нем смотритель или нет? Кто зажигает маяк?

— А-а, вот вы о чем, — бормочет Андрус, прилаживая лампу. — Нет, смотрителя на маяке нет. И зажигать его никто не зажигает. Сам горит...

У Юло — как гора с плеч. Вот здорово! Был почти уверен, что проиграл, а оказывается, прав.

— Что, Марти?! — торжествует он.

— Но, Андрус, — жалобно гнусавит Марти, — помнишь, мы утром были на пробном лове, и я сам, своими глазами, видел, что маяк не горел.

— Верно, — отвечает Андрус. — Зачем же днем зря свет жечь?

— Выходит, маяк днем не горит?

— Конечно, нет. Днем камни и так видны. Маяк горит только ночью.

— Что, Юло?! — оборачивается к приятелю Марти.

Он рад вдвойне: и тому, что выиграл, и тому, что благополучно высвободил нос из сети. Нос, правда, покраснел и стал конопатым от ямок, выдавленных узелками, но это пройдет.

Мальчики смотрят друг на друга. Каждый чувствует себя победителем. Потом спохватываются:

— Андрус, что же получается?! Маяк никто не зажигает, никто не тушит, никакого смотрителя на нем нет, а он, когда нужно, загорается, когда нужно — потушает. Разве так бывает?

— Бывает, — говорит Андрус. — Как-нибудь я вам расскажу об этом подробнее. На маяке есть приспособление — называется фотоэлементом. Днем механизм автоматически выключает свет маяка, а с наступлением темноты автомат снова приходит в действие и включает свет. Вот и получается, что маяк на Красных камнях работает сам, без помощи человека. Поняли?

— Ага! — вздыхает Марти.

— Ага! — вздыхает Юло.

Сейчас они уже вовсе не знают, кто выиграл и кто проиграл пари. Выходит, не то оба правы, не то оба неправы.

Тем временем бригадир поднялся, прошел на корму к мотору.

— У тебя готово, Андрус? — спросил он.

— Готово!

— Тогда начинаем.

Бот пошел тише. В море плюхнулся якорь, брошенный старым Леппе. Судно остановилось.

Старшие собрались у высоко поднятой конусной сети. Ее поддерживала наклоненная, напоминающая подъемный кран грузовая стрела. Андрус перекинул огромный сачок за борт и дал знак Николаю Леппе. Тот пустил лебедку в ход. Сеть поползла в воду. Вслед за веревкой, к которой она была подвешена, Андрус осторожно опускал резиновый провод. Лампочка пока не горела. Ее заранее зажигать нельзя, иначе накалится в воздухе и только коснется воды — лопнет.

— Глубина? — спросил бригадир.

— Двенадцать метров, — ответил Андрус.

— В самый раз для кильки. Давай свет.

— Свет! — приказал вожатый.

Приказ относился к мальчикам. Это ведь им была оказана честь — поручено включить рубильник.

Но ни Юло, ни Марти у рубильника не было. Они находились на противоположном конце бота и, стоя друг против друга, мерились на палку. Сначала палку

взял Марти, затем вплотную, рука к руке, ее перехватил Юло, потом опять сверху легла рука Марти... Так, перебирая, они должны были добраться до конца. Тот, на чью долю придется самый верх палки, будет считаться победителем в споре о маяке.

Возглас вожатого застал приятелей врасплох. До верха палки оставалось несколько перехватов, — кто проиграл, кто выиграл, было неясно, — а тут Андрус велит включить лампу. Как быть?

— В чем дело? Свет! — раздался новый, сердитый возглас с кормы.

Тут уж было не до раздумий.

— Бежим! — бросил Марти. — Ты по правому борту, я — по левому. Кто первый добежит, тот включает.

Две пары ботинок на толстой подошве бешено застучали по палубе. Старый Леппе, стоявший у лебедки, от неожиданности вздрогнул, но, разглядев в темноте фигуры мальчиков, досадно сплюнул:

— Фу, чорт, сладу с ними нет!

До рубильника добежали одновременно, за рукоятку схватились, сопя от возбуждения, тоже одновременно... Здесь произошла секундная заминка: забыли сгоряча, как включать рубильник — то ли вверх поднимать, то ли вниз опускать.

— Не туда тянешь... — зашипел было Марти на Юло, но тут же сообразил, что не туда тянет именно он.

Еще коротенькая возня — и рубильник включили. В глубине моря зажегся яркий свет.

2. ЛУНА ПОД ВОДОЙ

Свет в глубине мерцает и переливается. Кажется, что луна, спутав в темноте небо с морем, вошла не там, где положено, очутилась под водой и светит наперекор заведенным порядкам.

Электрическая луна раскрыла перед рыбаками сказочный мир подводного царства, где все по-другому, все не так, как на земле.

В зеленоватой, будто из жидкого стекла, толще воды мелькают рыбы, ослепленные ярким светом. Вон извиваются, мечутся во все стороны два угорька. Угри терпеть не могут света: уходят днем куда-нибудь подальше на дно, зарываются в ил, чтобы только быть в спокойной, привычной темноте. И вдруг такая напасть: светило само пожаловало к ним!.. Угорьки растерянно суетятся и наконец исчезают.

А вон пучеглазая камбала. Ничего не понимая, она тупо уставилась на лампочку, на мгновение застыла, пошевелила, будто бранясь, ртом и пошла, поплыла в сторону.

А до чего красиво выглядит в воде морская трава! Юло привык ее видеть выброшенной штормом на берег, темной, увядшей, перемешанной с песком. Совсем другое дело — живая. Она сочная, зеленая, словно лучшая отава на лугу.

Перегнувшись через борт и вглядываясь в воду, Юло думает о том, как неповоротливы и тяжелы по сравнению с обитателями моря те, кто живет на суше. «Ведь вот шаг — самое простое движение. А что такое, если разобраться, один шаг? Это означает, что нужно оторвать ногу от палубы, согнуть в колене, согнуть в ступне, перенести немного вперед, опустить, выпрямить и стать на подошву. Вот что такое один шаг! Белочка до чего легкая и ловкая, но чтобы взобраться на дерево, ей нужно тысячу раз перебраться всеми своими четырьмя лапками, тысячу раз цепляться коготками и отрывать их от коры, помогать себе хвостом-парашютом... А вон той салакушке ничего не стоит подняться на высоту самой высокой сосны или опуститься вниз. Чуть шевельнула плавниками — и пожалуйста: была на дне, сейчас — на поверхности. Еще одно движение — и вот: была около кормы, сейчас — около носа. А ведь для нее это такое же расстояние, как для ме-

ня стометровка. Пробеги я стометровку! Ого! Не отды-
шись сразу».

Юло не спрашивает себя, почему это так. Он знает: секрет в том, что обитателей моря окружает вода, а нас — воздух. Вода плотная, она поддерживает всех, кто находится в ней, делает их легкими. Сколько раз он проверял это, когда купался! Сколько раз поднимал в воде такие булыжники, какие на земле вчетвером бы не поднять! А как легко в воде нырять, подниматься, опускаться! Будто не вешишь ничего.

Еще думал Юло о том, что растениям и животным, живущим в море, не приходится страдать ни от летней жары, ни от зимних холодов. Палит ли солнце или море покрыто льдом — все равно: температура воды на глубине почти не меняется. Зимой от морозов сколько птиц и зверюшек гибнет, летом сколько растений от жары сохнет, а рыбам и водорослям нечего бояться ни мороза, ни зноя.

И с пищей обитателям моря легче. Многим из них даже заботиться о ней не надо: пропускают через жабры воду, а в воде полным-полно крохотных, не видных нам, водорослей, рачков, червячков. Это все равно, как если бы мы получали пищу вместе с воздухом, который вдыхаем.

Много еще всяких интересных мыслей мелькало в голове «товарища Язнаю», пока он глядел в освещенную морскую глубину, но все они разом вылетели, словно их ветром сдуло, как только Юло услышал голос Марти.

— Килька! — кричал Марти. — Смотрите, смотрите — килька на свет идет!

Килька это или не килька, сверху не разобрать даже Марти с его рысьими глазами, но то, что к лампе со всех сторон собирается мелкая шустрая рыбешка, видно всем. А что же это еще может быть? Конечно, килька!

Сначала в светлой воде появилось несколько быстрых теней. Потом рыбки замелькали десятками, по-

том сотнями, еще через несколько минут — тысячами. Они приближались к белому светящемуся шару, возбужденно суетились и, будто найдя свое место, начинали кружить, кружить...

Рыбья толпа становилась все гуще. Скоро сборище стало таким, что яркие лучи семисот пятидесяти электрических свечей, заключенных в стеклянном шаре, не могли пробиться сквозь живую массу. Рыбы создали на некотором расстоянии от лампы плотное, равномерно движущееся кольцо. Казалось, будто какой-то невидимый механизм без остановки, без передышки вращает и вращает сомкнувшуюся в круг молчаливую стаю.

— Да, картина!.. — прервал молчание Густав Манг. — Оторваться нельзя... Сколько рыбачу, такого не видал: рыба сама пришла к нам. Только черпать успевай.

— Я живу подольше твоего, Густав, — сказал Николай Леппе, — но тоже скажу: чудеса! Чудеса и чудеса!.. Это что же такое получается? Не надо рыскать по морю, не надо искать рыбу, не надо втемную забрасывать сеть и ждать, повезет или нет. Тут все тебе видно, все ясно. Стоишь, словно хозяин перед садком: бери, вся рыба твоя!.. Довелось же дожить!

Сказав так, старик закашлялся. Вместе с привычным кашлем к нему вернулось привычное настроение: восторженных излияний как не бывало. Взглянув на Андруса, на мальчиков, не отрывавших глаз от воды, он сердито захрипел:

— Работать, работать! Тут не кино! Пока смотреть будете, рыба покрутится и уйдет.

— Не уйдет, дедушка Леппе! — весело зазвенел голосишко Марти. — Инженер Соколов говорил, что кильку от света хоть палкой гони — не уйдет.

— Во всем разбираются, обо всем мнение имеют! — проворчал Леппе и снова яростно закашлялся.

Марти уже заметил: старик кашлял тогда, когда не

находил подходящего ответа. А тут не спорить же ему было с самим Федором Алексеевичем! Ведь на Вихну всем известно: столько, сколько инженер знает о рыбах и море, никто не знает.

Однако хоть и не уйдет килька, а без конца любоваться освещенным морем тоже не дело. Не для того рыбаки находятся здесь.

— Как, Андрус, поднимем, пожалуй? — сказал бригадир.

— Конечно, дядя Густав, не будем время терять.

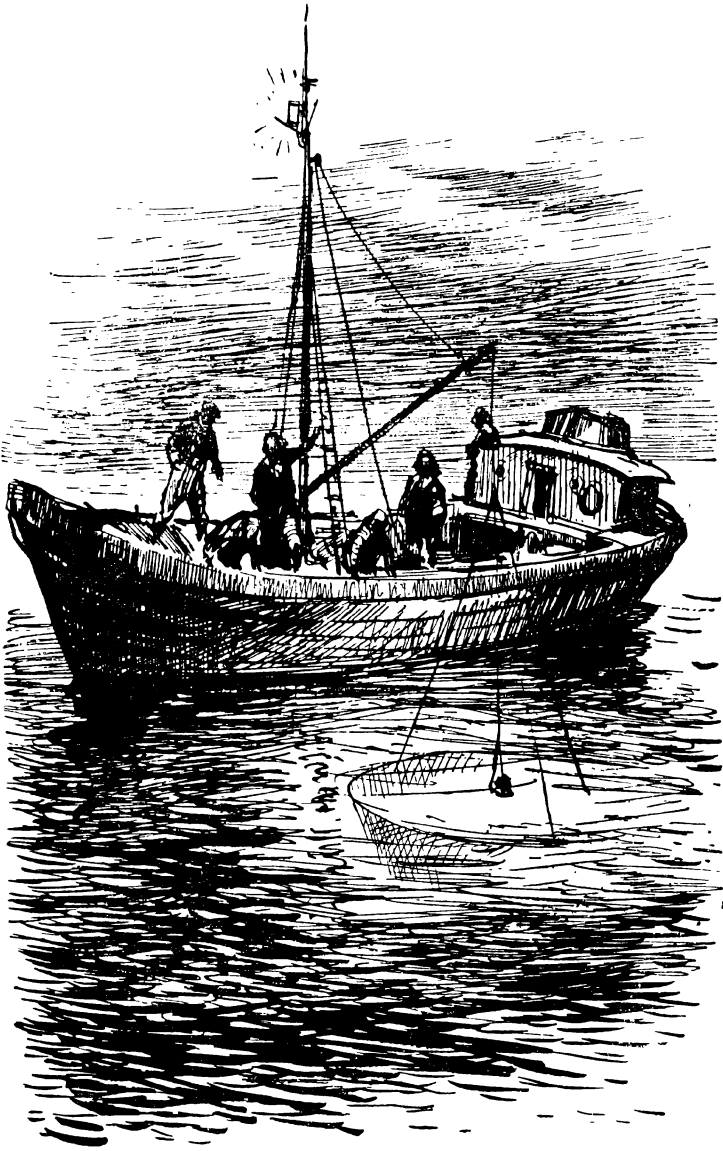
— Тогда взяли!

Старый Леппе пустил лебедку в ход. Заскрипел в блоках подъемный трос. Сеть медленно поползла вверх.

Юло и Марти только теперь поняли, почему конусную сеть называют подхватом. По мере того как ее вытаскивали, она действительно подхватывала всю рыбу, кружившую вокруг лампы. Только та, что была за пределами обруча — самая малость, — не попала в сачок.

Перед тем как вытянуть сеть из воды, Андрус выключил лампу. Стало совсем темно. Однако и в темноте видно было, что подхват распирает от улова. Даже великану Густаву Мангу было нелегко подтянуть тяжелый низ сети на палубу. Андрус помогал. Мальчики подтаскивали пустые ящики. Вот бригадир ощупью распустил шнур, стягивающий кольца выливного отверстия. Рыба из сети, словно из гигантской воронки, полилась густым живым потоком. Ящики заполнялись мгновенно. Их только успевали подставлять. Все торопились, все хотели поскорее освободить сеть, поскорее опять опустить ее в море.

— Эх, не догадались мы вторую сеть сделать — с двух бортов ловить! — жалел Андрус. — Тогда работали бы так: один подхват поднимаем, в другом в это время лампу включаем. Килька всю ночь возле судна держалась бы. А сейчас каждый раз ее заново собирать на свет...

3. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПОНАТ

Мальчики порядком устали, пока возились с ящиками. Болели руки, ныла спина, промокли короткие, до колен, чулки, промокли ботинки. Но все это пустяки. Все это в такую удивительную, незабываемую ночь не имеет никакого значения. Главное, что лов по-новому сразу, с хода, пошел великолепно. Весь остров будет шуметь завтра о тоннах кильки, пойманной на свет Густавом Мангом и его стариковско-комсомольско-пионерской бригадой. Причем, кто бы что ни говорил, а факт остается фактом: пионеры в новом деле сыграли не последнюю роль. О нет, далеко не последнюю!..

— Боюсь, не хватит тары, — говорил Марти запыхавшись, но таким тоном, будто всю жизнь только о таре и рассуждал. — На корме остался самый пустяк — десятка полтора ящиков, не больше. Придется, видно, кильку навалом ссыпать.

— Да, — подтвердил тоже запыхавшийся Юло, — еще два таких подъема — и тары определенно не хватит.

В темноте ребята волоком тянули очередной ящик с уловом на корму. Возить мокрый ящик по мокрой палубе нетрудно, но беспокойный день и еще более беспокойная ночь давали себя знать. У штабеля с ящиками присели отдохнуть. Здесь было хорошо. От рыбы веяло свежим, сыроватым запахом моря.

— Ты видал, Юло, что делается у лампы? — сказал Марти. — Вот где килька светолубивая! Если бы устроить гонки на свет нашей кильки и каспийской, наша бы наверняка скорей прибежала.

— Как это — гонки? — не понял Юло.

— «Как, как»!.. Взять, например, в банку десять килек наших и десять каспийских, отъехать с ними от лампы метров на двести и пустить в море. Какие скорей приплывут, те светолубивее. Спорим, что балтийские придут быстрее!

Юло не ответил. Он о чем-то задумался.

— Ты что молчишь, Юло? — спросил Марти.

— Да вот только сейчас вспомнил... Эх, какого мы дурака сваяли!

— Какого?

— Большого! Про школьный музей забыли.

— Про музей? Разве в школе есть музей?

— А ты и не знаешь! Никогда в уголок природы не заходил!

— Так то же уголок...

— Ну и что? Наш уголок вполне музеем можно назвать. Один осьминог чего стоит...

— Верно, осьминог здоровый, — не стал спорить Марти. — Так это мы из-за него дурака сваяли?

Юло пожал плечами: непонятливость друга поражала его.

— При чем здесь осьминог? Я о новом экспонате для музея, а он об осьминоге.

— Ты о новом о чем? — переспросил Марти.

— Об экспонате.

— А что это?

— «Что, что»!.. Предмет, который выставляют в музее, чтобы смотрели.

— Так. А мы здесь при чем?

— Не мы, а килька. Историческую кильку упустили... Лучший экспонат мог быть... Сам подумай: наш колхоз первый начал лов рыбы на свет? Первый. Сегодняшние кильки первые, выловленные новым способом? Первые. Значит, нам надо было из первого улова взять первую приплывшую к лампе кильку, заспиртовать и сдать в уголок. Это ведь историческая килька! Понимаешь, историческая!.. Такой экспонат вся школа сбежалась бы смотреть.

Марти живо представил себе толпу школьников, теснящихся вокруг него, и его самого, держащего в руках банку с этим... как его? — с экспонатом, и ему стало жаль упущенной возможности насладиться славой. Да, сплеховали! Явно сплеховали...

— Слушай, Юло, а сейчас разве поздно взять первую кильку для музея?

— Где же ты ее найдешь — первую? Вон сколько ее!

— Да, сейчас уж найти трудно, — вздохнул Марти.

Мысли вихрем мелькали в его рыжеволосой голове. Смешно! Такой случай выпадает раз в жизни, и он был бы трижды растяпой, если бы упустил его. Что-то надо придумать. Обязательно надо!

— Слушай, Юло, а что, если нам просто взять кильку из ящика и сказать, что она первая?

— Вот уж сказал! Возьмем не первую, а скажем, что первая! Какой же это экспонат? Это будет мошенничество, а не экспонат. Ты что, жульничать вздумал?

— Но-но! — остановил расходившегося приятеля Марти. — Не знаешь, а говоришь... Ничего не жульничать. Я на жульничество сам не согласен. Тут можно по-честному сделать. Ведь самую первую кильку все равно нельзя узнать. Как узнать, какая подплыла к лампе первой, а какая тридцатой? Они сразу как сумасшедшие бросились к ней... И какая первая подскочила — не разберешь, у нее на спине не написано. Одну из первых — это да, это найти можно...

— А как ты найдешь одну из первых? — стал соглашаться Юло.

— Если достать, например, первый ящик и из него взять кильку, которая лежит на дне с того боку, который сначала подставили под сеть, то...

— Ага, правильно, я тот бок помню! — перебил обрадованный Юло. — В нем еще дырка от выпавшего сучка была. И ящик найти нетрудно: он самый нижний в штабеле. Ведь мы как делали? Вниз поставили первый ящик, на него — второй, на второй — третий... Так что тут без обмана будет: нижний ящик — первый, и там, где сбоку дырка, первые исторические кильки лежат. Много нам ни к чему, а одну возьмем. И надпись на банке можно будет сделать: «Первая килька, выловленная на электрический свет в районе Вихну. Подарок учеников четвертого класса Ю. Манга и М. Уада».

— Постой, постой, вот тоже хитрый какой! — протестовал Марти. — Ты, значит, на первом месте будешь, а я на втором, да?

— А сам не хитрый? Самому тебе на первом месте быть — ничего?

Марти, действительно, не прочь был быть на первом месте. Но справедливость есть справедливость. Справедливость подсказывала, что в этом спорном случае лучше всего кинуть жребий.

Так он и предложил.

Юло не возражал.

Марти достал из кармана неведомо как попавшую туда гайку и зажал ее в левой руке.

Юло пощупал в темноте обе грязные, мокрые руки приятеля и хлопнул по правой.

— Не угадал! — обрадовался Марти, раскрывая пустую ладонь.

— Нет, ты и левую покажи, — потребовал для проверки Юло.

— На, на, пожалуйста!

Гайка лежала в левой руке. Обмана не было.

— Так, — вздохнул Юло. — Значит, сначала на записке будет твоя фамилия, потом моя...

— Как условились, — скромно, но с торжеством в голосе произнес Марти. — И знаешь что? Не будем время терять, давай — к ящикам...

Стали разбирать ящики. Вот и нижний... Ощупью обследовали бока. Верно, в одной доске — гладкая скошенная дырка, след выпавшего сучка. Значит, ошибки нет — тот самый ящик и тот самый бок.

— Надо самую нижнюю кильку достать, — сказал Юло.

— А если она маленькая будет, дохлая... — усомнился Марти. — Лучше так сделаем: закроем глаза, и оба, не глядя, достанем по кильке. Чья будет побольше, ту и заспиртуем. Историческая килька должна быть большой.

— Давай! Считаем до трех.

— Считай.

— Приготовились! — сказал Юло таким тоном, каким говорят перед стартом. — Начали! Раз, два, три! Друзья зажмурили глаза и запустили руки в ящик.

— Ой! — вскрикнул Марти.

— Ой! — вскрикнул Юло.

Оба поднесли руки ко рту, оба зачмокали губами.

— Вот чорт! — выругался Марти. — Мне колюшка попалась. Все пальцы исколола!

— Надо же! И мне колюшка попалась, — сказал Юло и потряс исколотой ладонью.

Заглянули в ящик.

Теперь, когда они сделали то, чего никто на боте в горячке лова не догадался сделать с самого начала — стали внимательно разглядывать рыбешку, — выяснилось нечто такое, от чего ребята вскочили и ошалелыми глазами посмотрели друг на друга. Рыбка, которая принималась всеми за кильку, оказалась вовсе не килькой. В ящике было полным-полно колюшки. Самой настоящей колюшки. А кильки — ни одной!

Мальчики заглянули в соседний ящик, потом, топясь, задыхаясь от волнения, стали перебирать все, сколько их было на корме.

Всюду колюшка. Только колюшка.

Это небольшое, с кильку величиной, создание с тремя острыми, как кинжалы, колючками на спине считалось на Вихну, да и везде на Балтике, «сорной», бесполезной рыбой. Рыбаки выбрасывают ее, когда она попадает в сети. И очень сердятся, если попадает много: улов засоряет, хорошую рыбу портит.

А тут весь улов — колюшка. Колюшка — и никакой другой рыбы! Такого никогда не бывало.

Прятели тупо уставились в темноту. Мелкая волна плескалась о борт стоящего на якоре судна. В этом тихом, равномерном журчании воды слышалась какая-то издевка. Море будто говорило: «Плеск-плеск, плеск-плеск! Удивляетесь? То-то — плеск! — удивляйтесь! Я еще с вами—плеск!—не такие шутки могу сыграть».

На корме Густав Манг о чем-то переговаривался с Андрусом. Их спокойные голоса вывели ошеломленных ребят из состояния оцепенения. Марти первый пришел в себя:

— Юло, что же это, а?

— Не знаю.

— Где же килька?

— Понять не могу!

— И откуда столько колюшки? Одна колюшка!

В жизни не видал такого!

— И я.

— Юло, Марти! — раздался в это время призыв бригадира. — Ящики сюда!

Мальчиков как ошпарило. Ведь старшие еще ничего не знают! Они поднимают сеть, они снова собираются загрузить ящики мусором.

— Постойте! Погодите! — отчаянно, в один голос закричали ребята и побежали на правый борт, к лебедке. — Постойте! Погодите!.. Это не килька!..

Старый Леппе остановил лебедку. Переполненная рыбой тяжелая мокрая конусная сеть высилась над палубой. Из каждой ячеи бежала дружная капель. Книзу капли соединялись в сплошной, стекающий в море ручей.

— Ну, что еще там? — спросил Густав Манг.

— Папа!.. Дядя Густав! — вперевод надрывались Юло и Марти. — В ящиках не килька, в ящиках колюшка!..

— Что?.. Вы что чепуху несете!

— Да нет, правда, мы сейчас всё просмотрели. В первом подхвате ни одной килечки не было! Только колюшка!

— А ну, Николай, дай пониже!.. Андрус, зажги лампу! — приказал бригадир.

Подъемный трос пополз вниз. Сеть горой легла на палубу. Потушенная при подъеме лампа была снова включена. Палубу залило ярким светом.

Рыбаки наклонились над сетью, как над колодцем.

В сачке бились, извивались, подпрыгивали и снова падали тысячи и тысячи рыбешек. И у каждой на спине торщились иголки.

Леппе смотрел на странный улов с удивлением, потом брови его стали хмуриться все грозней и грозней. Появление колюшки он принял за личное оскорбление.

— Андрус, — спросил старик голосом, в котором рокотал сдерживаемый гром, — почему мусор в сети? Где килька, что целыми косяками должна идти на свет?

Андрус не успел ответить. Вместо него всего одну короткую фразу произнес бригадир.

— Потом разговоры! — жестко сказал он. — Поднимай сеть!

Старый Леппе молча пошел к лебедке. Трос пополз вверх. Никто не понимал, что собирается делать Густав Манг.

А бригадир дождался, когда подхват повис над палубой, перекинул низ сети за борт и с силой дернул узел, стягивающий выливное отверстие. Рыба целым потоком обрушилась в море. Тысячи, десятки тысяч рыб... Уловом одного подхвата можно было бы вознагрузить. Но ведь это не улов, это никчемная, никому не нужная колюшка.

Пустая сеть заколыхалась на ветру. Бригадир затянул шнур, и снова прозвучал его спокойный, твердый голос:

— Свет выключить! Опускай!

Лампа потухла. Сеть погрузилась в воду.

— Свет включить!

Лампа озарила глубину.

Андрус, Леппе, Юло и Марти молча смотрели на бригадира: что он делает, чего добивается?

Густав Манг тоже молчал, потом сказал:

— Как же можно по двум подъемам судить о том, годится или не годится лов кильки на свет? Забросим подхват несколько раз, тогда посмотрим.

На яркое электрическое пятно снова стала со всех сторон собираться рыба. Теперь, когда рыбаки знали, даже сверху можно было различить, что это не килька: вокруг лампы грудилась колюшка.

Скоро она, как и раньше, опоясала лампу плотным, непроницаемым кольцом. Начался немой хоровод.

Глядя на рыбешек, Марти кипел от негодования.

— Проклятые! — бормотал он сквозь стиснутые зубы. — Вы не даете килькам подойти, вы весь свет загораживаете!

Подняв с палубы крышку ящика, он яростно швырнул ее в самую рыбью гущу. Доска плюхнулась в воду с шумом взорвавшейся бомбы. Но только те колюшки, что были к ней ближе всех, кинулись врассыпную; другие даже внимания не обратили. Вот уж, действительно, правду сказал инженер Соколов: рыбу палкой нельзя отогнать! Свет словно заморозил ее.

Андрус молча смотрел на колюшек, круживших вокруг лампы. Он был очень расстроен.

— Поднимать не стоит, дядя Густав, — сказал он. — И так все ясно: сплошь колюшка. Попробуем опустить подхват метров на пять ниже...

На такой глубине можно было различить только светлое пятно лампы и темный пояс рыбы вокруг нее. Что за рыба — не узнать.

Подхват подняли. Только колюшка.

Прибавили еще пять метров глубины. То же самое...

Казалось, колюшка собралась сюда со всей Балтики. Откуда ее столько? Будь она промысловой рыбой, какой великолепный улов могла бы дать эта ночь!

После того как сеть еще несколько раз подняли и опустили, Николай Леппе, стуча тяжелыми сапогами, отошел от лебедки. Даже по шагам его чувствовалось, до чего он зол.

— Довольно! — сказал старик, метнув взгляд в сторону бригадира. — Мне все равно, кто что думает, я прямо скажу: заниматься детскими игрушками боль-

ше не согласен. Понимаешь, Густав, не согласен, и все! Лампы, генератор... лов на свет... новая техника... Вижу я новую технику: глупость и чепуха! Что это за техника, которая со всего моря собирает сорняк и не прилавывает ни одной путной рыбы? Вот уж, действительно, достижение! По старому способу кильку ловим, а по новому — колюшку... Очень хорошо! Да ведь над нами завтра весь залив смеяться будет! И правильно, пусть смеются, поделом. Послушались мальчишек, связались с мальчишками, чуть ли не в пионеры собрались записаться... Тьфу! Стыдно вспомнить!

Леппе в сердцах сплюнул за борт и засипел трубкой с такой силой, что искры кругом полетели. Помолчав, продолжал:

— Я думаю так, Густав: то, что несколько дней потеряли впустую, бог с ними, не вернешь. Сейчас главное — позору не натерпеться, не краснеть за свою глупость. Будем говорить всем: не вышло, мол, с ловом на свет, не получилось... А почему не получилось, что не получилось, до этого никому дела нет. О колюшке же вовсе смолчать надо. Иначе засмеют, проходу не будет...

Пока старик говорил, Андрус стоял с опущенной головой. Но, выслушав речь Леппе, вожатый выпрямился.

— Ну нет, дедушка Николай, — решительно заявил он. — Вы опять хотите, чтобы мы секретничали, таились, недоговаривали, будто сделали что-то стыдное, плохое... А нам стыдиться нечего. Мы ничего плохого не сделали. Не вышло с ловом кильки на свет? Что ж, в этом не наука и не техника виноваты, в этом я виноват. Думал, все очень просто: опустил лампу — и рыба пришла. Рыба, как видите, пришла, да не та, что нужно. Значит, в чем-то ошибка, что-то мы делаем не так. Узнать надо, разобраться. А если скрывать будем, ничего не узнаем.

Густав Манг возился у мотора и молчал. Долго молчал. Занимался рассвет. Море, словно замерев в

ожидании наступающего дня, притихло. Только рябь пробегала по темносерому безбрежному простору. То были короткие минуты между концом ночи и началом утра, когда всегда шумная, всегда беспокойная громада вод угомонилась, заснула.

Ребята тоже притихли. Они сидели на мокрых ящиках вялые, расстроенные. Все стало безразличным, ничто не занимало их больше — ни потускневший мигающий свет маяка на Красных камнях, ни подъем якоря, который, не глядя друг на друга, молча тянули Андрус и старый Леппе. Хотелось только одного — домой, в теплую комнату, в постель.

Зашумел мотор, зашипела, проснулась вода под бортом, бот пошел резать темную гладь. Суденышко бежало навстречу солнцу, туда, где горизонт из серого становился зеленым, а из зеленого — розовым. Из этой розовой дали протянулась огненная стрела. Она плашмя легла на воду, вытянулась от горизонта до палубы «Советского партизана», уперлась в конусную сеть. Подхват висел на стреле мрачной, безжизненной тусшей, но когда луч солнца коснулся его, произошло чудо: огромный сачок превратился в великанскую, усыпанную драгоценностями корону; капельки влаги на узелках сети засверкали, как алмазы; водяная пленка, застрявшая в ячеях, стала отсвечивать жемчугом; электрическая лампочка, покачивавшаяся на своих распорках, засияла невиданным брильянтом.

Волшебное зрелище расшевелило Юло. Он залюбовался им и тут вспомнил о боге морей Нептуне, о котором говорил недавно инженер Соколов. Должно быть, так и возникало в старину у людей представление о богах. Увидят расцвеченную солнцем сеть и придумают: это, мол, не сеть — это корона владыки подводных глубин. И вот уж обыкновенная острога — не острога, а трезубец в Нептуновых руках и водоросли — не водоросли, а длинная борода Нептуна... И пойдут, пойдут связывать одну небылицу с другой. Знаний-то ведь не было, только фантазия работала!

А сейчас людям все известно, сейчас самые непонятные вещи стали понятными. Советские ученые узнали о жизни моря так много, как никто еще не узнавал. Взять хоть лов на свет...

При мысли о лове на свет у Юло что-то заныло внутри, как больной зуб. Нет, не вышло у них с этим делом, ничего не вышло. Получилось такое, что лучше и не думать. Скандал, настоящий скандал!..

Юло взглянул на Марти. Тот сидел съезжившись, фуражка была надвинута на нос, а нос уткнут в поднятый воротник куртки. От всей фигуры веяло унынием. Юло даже стало жаль приятеля.

— Марти, а Марти, — сказал он, — как думаешь, римляне вправду верили в Нептуна?

— Отстань ты со своим Нептуном! — разозлился Марти. — У людей неприятности, а он с Нептунами лезет! Еще об экспонате потолкуй! Нам ведь еще в школу экспонат надо сдать...

Издавка друга больно задела Юло. Что-то подкатило к горлу. Как может Марти так говорить! Разве он, Юло, виноват в том, что произошло? Да и вообще, разве кто-нибудь в этом виноват?

Юло отвернулся и тоже надвинул фуражку на нос. Великолепное апрельское утро, голубое небо с легкими, пушистыми облачками, тихое, искрящееся под солнцем море, белая кружевная пена за кормой, переливающиеся цветами радуги брызги у борта — ничто не радовало глаз. Как плохо, когда человека постигает неудача! Как плохо, когда приходится разочаровываться в деле, которым жил, которое захватило тебя! Так отлично все шло — и вдруг лопнуло, как мыльный пузырь! Не нужны больше ни конусная сеть, ни семисотпятидесятисвечовая лампа, ни отличный, сделанный из водопроводной трубы обруч, ни ладная гиря-грузило... Напрасно старались, напрасно мечтали...

День потерял краски не только в глазах Юло и Марти. По тому, как нахохлился, словно большая старая птица, Николай Леппе, как упрямо и сосредото-

ченно уставился в одну точку Андрус, видно было, что и им нелегко, что и им свет не мил.

А по виду Густава Манга ничего не угадаешь. Он, когда встал за штурвал и повернул бот к острову, тоже вначале как-то ушел в себя, был мрачен и сипел трубкой. Но потом ничего, отошел... И хотя бригадир по-прежнему молчал, от всей его большой, мужественной фигуры веяло бодростью, а не унынием.

Показался Вихну. Остров вырастал из воды зеленый, уютный. Высоко в небе какие-то птицы тянулись стаяй к нему. Видно, и для них этот кусочек земли среди моря был домом.

Бригадир переложил руль, взял курс к молу, оглядел мрачные фигуры на палубе. В глазах его блеснул смешливый огонек.

— Эй, Юло, Марти! — обратился он к друзьям. — Вы чего скисли? Или уловом недовольны?

Мальчики молчали. Вместо них подал голос старый Леппе.

— Уловом все довольны, — пробурчал он. — Улов — лучше не надо!

— Положим, лучше надо, — усмехнулся Густав Манг, — но я доволен. Хорошо поработали ночью!

— Поработали, да впусую...

— Не впусую, Николай, совсем не впусую... Скажешь, мы не узнали то, что нужно было? Узнали. Очень важные вещи узнали. Ученые правы!

— Правы? — Леппе даже поперхнулся от ярости. — По их совету мы набрали вместо улова мусор — и они правы?! Ну, знаешь, Густав, был ты рыбаком, хорошим рыбаком, а что с тобой стало... Эх!.. — Старик скорбно покачал головой...

Его «эх!..» выражало очень многое. В нем были и негодование и сожаление: пропал, дескать, человек; свихнулся и не понимает этого, упорствует.

А бригадир действительно упорствовал. Он посмотрел на старого Леппе и стал спокойно, обстоятельно разъяснять:

— Вот ты говоришь, Николай, — набрали мусор. Да, колюшка нам ни к чему. Всю ее выбросили за борт. Но то, что хотели узнать, все-таки узнали: идет рыба на свет, здорово идет! И это главное. Пусть вместо кильки идет пока колюшка. Ученые говорят, что килька тоже светлюбивая рыба. Значит, она тоже придет. Только узнать все лучше надо. Вот съездим в город, потолкуем с инженером Соколовым, разберемся, что к чему, и доведем дело до конца.

Старый Леппе изобразил на лице самую ядовитую из своих улыбок:

— Поезжайте, поезжайте, обязательно поезжайте... Может быть, привезете еще какую-нибудь новость. Вроде того, как ловить судаков на патефон. Приедете, заведете патефон, опустите в море, и будет он играть на дне веселые мотивчики. А судаки, конечно, сбегутся на музыку, сами от радости и удовольствия в сеть станут прыгать. Вот будет техника так техника!..

Старик издал горлом звук, похожий на злой орлиный клеког: это он так смеялся.

Но никто не поддержал его смеха. Андрус же побледнел от негодования.

— Ничего, дедушка Николай! — сказал он, чуть задыхаясь. — Над ставным неводом тоже смеялись, а что получилось? Сейчас все смеются над теми, кто смеялся. Хорошо, как говорится, смеется тот, кто смеется последним.

Леппе грозно посмотрел на Андруса и... закашлялся. Он не нашел подходящих слов, чтобы оборвать дерзкого юношу.

4. ОГОНЕК ВДАЛИ

Как старый Леппе предсказывал, так и получилось.

На острове посмеяться любят. Вихнувские шутники известны на весь залив. А тут такой случай! Тут са-

мый скучный человек и то нашел бы повод сострить. И любители поточить языки своего не упустили. Шутки о незадачливых ловцах, пытавшихся ловить рыбу на электрический свет, сыпались, как крупа из дырявого мешка.

Шутили не обидно, смеялись не зло, но все равно те, кто сами себя сделали мишенью для насмешек, удовольствия не испытывали.

Начать с того, что за участниками ночного лова сразу же закрепилось прозвище «электрорыбаков». Густава Манга, правда, этим прозвищем не очень допекали. Он, как-никак, человек с положением, не последняя спица в колеснице, его если кто, хлопая по плечу, и называл «электрорыбаком», то только равные с ним бригадиры.

Ну, а Андрусу доставалось. К Андрусу все вихнуцы относятся хорошо. И именно поэтому каждый, кто встречал, обязательно считал своим долгом, широко улыбаясь, кричать на весь остров:

— Электрорыбаку почтение!

— Привет осветителю морских глубин!

Или спрашивали:

— Счет за освещение ты уже представил колюшкам, Андрус?

Или говорили:

— Что-то темновато на дне сегодня, парень. Смотри, как бы рыбы лбами не стукнулись. Еще жалобу на тебя напишут.

Андрус в ответ улыбался, делал движение рукой — дескать, меня этим не проймете, — но отмалчивался. И верно: что тут было отвечать?

Старого Леппе тоже пробовали подразнить. Какой-то шутник рассказал ему, будто в аптеке висит объявление: требуются иглы колюшек.

— Зачем нужны иглы колюшек? — подозрительно спросил старик.

— Резиновые соски протыкать — детки чтоб молоко сосали, — ответил шутник.

Ух, и вскипел Леппе! Он сказал, что если и пригодны иглы колюшек для чего-нибудь, то только для того, чтобы протыкать языки острякам; что дурацкое пустословие — признак лодырей и бездельников; что в старое время за подобные шутки вполне можно было по шее дать и никакой судья не оштрафовал бы; что... Словом, много разного наговорил старик. Столько наговорил, что люди, присутствовавшие при стычке, решили: ну его, ворчуна и ругателя! Лучше не связываться.

Что касается Юло с Марти, то им, как ни странно, никто шутками не досаждал. Для взрослых они были слишком малы; ребята же не только не видели повода для шуток, но даже завидовали. Счастливы! Они выходили ночью в море, стояли возле генератора, включали рубильник, смотрели, как семисотпятдесятисвечовая лампочка освещает морскую глубину, бросали доску в стаю колюшек.

На историю с доской Марти особенно напирал. Тут он не жалел красок, а если Юло поблизости не было, то и попросту привирал. В его изложении выходило, что с первого же раза он оглушил доской тучу колюшек. Тысячи их всплыли вверх брюхом. Продолжи он свою бомбардировку — с негодной рыбешкой удалось бы покончить начисто. Да вот беда — досок не хватило, и это сорвало лов кильки. Было бы чем швыряться, он бы в два счета колюшек разогнал.

Иви, услышав похвальбу Марти, только фыркнула:

— Досками колюшек забрасывать... из пушек по воробьям стрелять... воронам на хвост соль сыпать... Что там, что там, что там, — толк всюду один.

— «Один, один!» Много ты в лове на свет пони-маешь!.. — пробормотал Марти, но в спор не полез. Позиция с доской была у него не такой уж прочной, лучше не связываться.

Однако при всем том, что ребята завидовали двум приятелям, на душе у тех было не очень хорошо. Как-никак, неудача есть неудача. Такое великолеп-

ное дело начали, и все сорвалось! И нечем им заполнить время, не из-за чего волноваться. Ни генератор больше не нужен, ни подхват, ни лампа, ни провод РШМ... И на бот «Советский партизан» не к чему спешить. И о музейном экспонате, на котором были бы указаны их фамилии, не приходится думать. Пустая жизнь стала! Скучно до того, что просто деваться некуда...

А тут еще бригадир Манг с Андрусом уехали. Юло и Марти очень надеялись на то, что их тоже возьмут, но не вышло. Отец Юло сказал: на Большом берегу придется провести несколько дней; ребята, если поедут, могут опоздать к началу занятий, а опаздывать не годится, занятия — не шутки, это дело серьезное.

В общем, не взяли. .

Уныло бродили приятели в тот день по берегу, уныло бросали камни в воду. Говорить было не о чем, но и домой возвращаться тоже не хотелось. Сгустились сумерки, на небе показались звезды, а они все еще слонялись у моря, прислушивались к шуму прибоя, всматривались в темный горизонт.

Вдруг Марти что-то заметил. Его рысьи глаза разглядели вдали светлую точку.

Огонек в море не такая уж удивительная вещь. На любой лодке, если только она не стоит у пристани, зажигают ночью сигнальный фонарь.

И на неведомом судне этот фонарь тоже горел. Там, где темная линия моря отделялась от более светлого тона неба, низко у воды посылала берегу желтоватый свет крохотная звездочка.

Однако вот что было странно: огонек не двигался, он стоял на месте.

Марти присмотрелся внимательней. Да, всякому фонарю на мачте положено передвигаться в том направлении, в каком передвигается судно. Если судно проходит мимо острова, удаляясь на запад в открытое море, — сигнальный огонек медленно прочерчивает небо в западном направлении; если же судно держит

курс на восток, — огонек на мачте не скрывает этого, двигается в ту сторону, где лежит Большой берег.

А тут звездочка над водой светила как приклеенная: она не продвигалась ни на запад, ни на восток.

Значит, судно стоит на якоре.

— Юло, ты видишь? — спросил Марти.

— Что?

— Огонек в море.

— Нет.

— Эх, ты!.. Вон там, левее, светит. И невысоко, над самой водой... Должно быть, бот какой-нибудь...

— А куда он идет?

— В том-то и дело, что никуда. На месте стоит.

— Как — на месте?

— Так.

— Не может этого быть, Марти, — убежденно сказал Юло. — Чужому судну здесь делать нечего, а наши все у мола. Наши ночью здесь никогда на якорь не становятся.

— Вот и мне странно... Давай побежим на косу — оттуда виднее.

Побежали не потому, что встревожились, а потому, что было интересно: что за судно такое?

С оконечности косы, выдававшейся далеко в море, Юло отчетливо видел фонарь на верхушке мачты, а Марти — даже смутные очертания судна. Только он никак не мог объяснить, какое оно.

— Бот? — задал вопрос Юло.

— Нет, побольше.

— Сельдяной траулер?

— Нет, поменьше.

— Буксир, может быть?

— Буксиры пониже...

— Просто грузовой пароход?

— Что ты! Пароходы выше...

— Да ну тебя! — рассердился Юло. — Больше, меньше, ниже, выше... Только голову морочишь!

— А ты не позволяй себе голову морочить, сам посмотри, — резонно предложил Марти.

В ответ Юло собирался язвительно заметить, что хорошее зрение не заменяет хорошей головы, но не успел. Несмотря на свою близорукость, он увидел нечто такое, что заставило его забыть обо всем на свете. И Марти, конечно, тоже это увидел. И тоже замер. Приятели безмолвно уставились в темноту.

То, что происходило в темном спокойном море, не зря поразило и взволновало мальчиков. Они увидели, как вода у самого борта неизвестного судна вдруг осветилась изнутри и подводный огонь стал медленно подниматься. Вот уже он залил широким пятном света поверхность моря, вот блики его легли на белый бок корабля... Но тут огонь погас. Одновременно до берега донеслось и замолкло слабое тарактенье — знакомый характерный звук работающей лебедки.

Минут через пять лебедка опять заработала, вода опять озарилась светом. На этот раз, однако, яркий подводный огонь полз не снизу вверх, а сверху вниз. И рассеялся, растаял...

А потом опять стал подниматься, опять донеслось тарактенье лебедки.

Юло и Марти растерянно посмотрели друг на друга.

Сомнений быть не могло: люди с неизвестного судна занимались тем, чем безуспешно пытались заняться вихнувцы, — ловили рыбу на свет. Значит, можно! Значит, кому-то удастся!..

А лебедка продолжала работать. Яркая лампочка то погружалась в воду, то снова всплывала, то загоралась, то потухала. Лов шел вовсю...

Приятелей была мелкая дрожь. Вдруг корабль снимется с якоря, уйдет и неизвестные моряки увезут с собой свою тайну, не расскажут, как они добились того, чего вихнувцы добиться не смогли? Не может быть, чтобы они ловили колюшку! Они ловят кильку и могут рассказать, как это нужно делать. И, конечно, расска-

жут. Что им, жалко, что ли?.. Нужно только не топтаться на берегу, а действовать. Нужно подплыть к рыбакам и крикнуть: «Эй, на судне!» — и взобраться на палубу, и ответить на все вопросы, и самим обо всем расспросить. Ведь рыбаки не чужие, ведь они откуда-то с Большого берега! Они обрадуются вихнущам, наверняка хорошо их примут...

Время терять нельзя. Юло и Марти побежали на другую сторону острова, туда, где у мола стоял колхозный флот и где можно было взять весельную лодку. Лодками на острове пользуется всякий, кому нужно и когда нужно.

Пока спешили на пристань, думали о весельной лодке, но когда пришли и увидели привязанные к сваям моторки, — на деревянные скорлупки с уключинами смотреть не захотелось. Это же только подумать! Чтобы добраться до косы, придется грести часа полтора; как лошадям, придется работать. А моторка обогнет остров за двадцать минут. И притом не понадобится натирать мозоли на руках: работага-мотор сам тянуть будет.

Вот только страшно вато брать моторку без спросу. За это по головке не погладят.

А с другой стороны, не для баловства же моторку возьмут. Речь ведь о колхозе идет, они ведь для колхоза стараются.

Колебания мальчиков продолжались недолго. Обсуждение волнующей темы свелось к двум фразам.

Марти предложил:

— Юло, давай на моторке, а?

Юло в ответ махнул рукой:

— Эх, чего там, давай!..

— И как раз наша «Девятка» стоит, — подхватил Марти. — Отец будто знал, что понадобится: под вечер заправил ее. Горючего в баке — по самое горлышко.

«Наша «Девятка» была такой же колхозной моторкой, как все остальные, но Марти считал себя имено-

щим к ней прямое отношение: «Девятка» числилась закрепленной за бригадой Уада, находилась в распоряжении бригадира. А то, чем может распоряжаться отец, может распоряжаться и сын, — полагал Марти.

5. ГРОХОТ, ПЕНА, ВОДЯНАЯ ПЫЛЬ...

Забраться в лодку и запустить мотор — дело одной минуты. Марти, как более зоркий, взялся за руль, Юло остался у двигателя.

Было не очень темно. Сквозь разорванные облака проглядывал молодой месяц. Море отсвечивало свинцом. По бугоркам волн пробегали белые барашки. И откуда-то взялся ветер. Пока лодка держала курс на оконечность острова, он, помогая плыть, задувал в корму. А когда Марти повернул руль, когда лодка стала с севера огигать Вихну, ветер начал бить в борт, начал мешать ходу. Да и волна пошла крупнее, с накатом. Приходилось все время следить за тем, чтобы не подставлять под нее низкий бок моторного суденышка.

Но ни ветер, ни волна не вызывали особого беспокойства мальчиков. Ветер дул пустяковый, «слабый до умеренного», — как говорится в радиопередачах. Что же касается волн, то они тоже были не очень высоки, хотя выглядели странно. Они поднимались и опали, как поднимается и опадает вода в котелке, когда слабо закипает. Опытных рыбаков такой ветер, ни с того ни с сего поднявшийся в новолуние, такая пучащая волна заставила бы поспешить к берегу, в укрытое место. Юло же с Марти, хоть рыбацкие дети, хоть привыкли засыпать и просыпаться под шум прибоя и всю жизнь ощущать на губах морскую соль, в приметах моря разбирались не очень хорошо. Они не знали, что идет шторм.

Шторм надвигался со скоростью и шумом курьерского поезда. Ветер с каждой минутой крепчал, волна

поднималась стеной, облака быстро бежали по небу, стараясь обогнать друг друга. Они напоминали испуганное стадо в ночной степи. А молодой месяц был словно ленивый пастух, которому ни до чего нет дела.

Становилось жутко. Марти посмотрел на остров, темневший невдалеке. С этой стороны пристать было некуда. Лучше держаться подальше от берега, иначе накато́м швырнет лодку о камни, в щепки разобьет.

— Эй, Юло, — крикнул, чтобы приободрить себя, Марти, — как ты там?

Мотор работал ровно. Стоять возле него не имело смысла. Услышав голос приятеля, Юло захотелось быть ближе к нему. Он перебрался на корму, тоже взялся за руль и спросил, виден ли сигнальный фонарь корабля.

— Виден. Да и ты его должен видеть. Вон он... — ответил Марти.

Юло пригляделся. Верно, впереди, чуть повыше волн, светил огонек. Он подплясывал, описывал в воздухе зигзаги, но не мигал.

Это ободрило мальчиков. Раз Юло видит, раз фонарь светит не мигая и раз заметно, как он качается из стороны в сторону, значит до неизвестного судна совсем близко.

Валы, шипя, нагоняли лодку. Она то взлетала на вершину водяного холма, то словно на салазках скатывалась на дно глубокой ямы, стены которой казались отлитыми из зеленоватого бутылочного стекла.

Ветер дул порывами, со злостью срывал верхушки волн, швырял во все стороны клочья пены. Куртки ребят промокли, отяжелели, стали стеснять движения. Шапку у Марти сдуло за борт. Слипшиеся от соленой воды рыжие волосы то и дело свисали на глаза, мешали смотреть. Марти мотал головой, отводил намокшие пряди, но за рукоятку руля цеплялся, как клещ. Руль сейчас — самое главное. Если правильно вести лодку, если держать ее против волны, не подставлять под удары борт, — с ней ничего не случится.

Но держать моторку носом к набегающим волнам было не так-то просто. Попробуй удержи, когда валы несутся друг на друга и сшибаются, и ревут, и прут на моторку отовсюду, куда ни посмотреть!

— Левей, левей, Юло, вон там слева большая идет!.. — задыхающимся голосом говорил Марти.

— Вижу. Держи крепче.

Две пары мальчишеских рук тянули руль, и он покорно поворачивал лодку, куда требовалось. Так перемахнули через одну тяжелую и быструю, налитую до краев водяную гору, через другую, третью, десятую... Мальчишки ни о чем не думают, им даже некогда бояться: все внимание уходит на то, чтобы следить за атакой волн, избегать бортовых ударов и, пусть медленно, пусть отклоняясь, подвигаться и подвигаться к светящемуся огоньку.

Вот уже и очертания корабля видны — белый корпус на фоне темного разбушевавшегося моря.

— За косою спокойней будет, — стуча от волнения и холода зубами, бормочет Марти.

В тон ему что-то свое, успокоительное рокочет мотор. Он ведет себя молодцом — не капризничает, не сбивается, тянет ровно и сильно. Только иногда, когда лодка взлетает на гребень волны и корма повисает в воздухе, быстро вращающийся винт, не то жалуясь, не то угрожая, начинает противно выть. Ему без воды плохо, ему, как рыбе, непривычен воздух.

Показалась длинная сплошная линия бурунов — коса! Море здесь совсем с ума сошло. Оно с трех сторон кидалось на отмель, в ярости откатывалось и через минуту с еще большей яростью устремлялось на препятствие. Грохот, пена, водяная пыль...

Оглушенные Юло и Марти, изо всех сил налегая на ручку, с трудом переложили руль. Вот чортова толчея! Как бы моторку не затянуло... Подальше, подальше от этого места!

Полоса бурунов осталась позади. Лодка сделала новый поворот и зашла за отмель с подветренной сто-

роны. До корабля теперь рукой подать — метров сто, не больше.

На таком расстоянии не только с лодки отчетливо видно судно, но и с судна, если только на нем не спят, можно увидеть маленькую лодку.

На корабле не спали. Там вдруг зазвонил колокол, засветились в разных местах огоньки. Незвестные моряки заметили, должно быть, крохотную моторку среди бушующих волн, забеспокоились...

Услышав колокол, увидев огоньки, Юло и Марти повеселели, приободрились, даже сели ровней. С плеч точно тяжесть свалилась. Ну всё, они у цели!

Но полагаться на море никогда не следует. Именно в то мгновение, когда ребята считали, что их самовольное и довольно рискованное плавание благополучно заканчивается, они увидели вдруг громадный, с седой гривой вал. Он с непостижимой быстротой мчался на них и, приближаясь, рос на глазах, становился выше, круче, страшнее...

Положение моторки было самое невыгодное: суденышко подставляло угрожавшей волне борт.

У Юло от ужаса глаза стали круглыми, а Марти свои закрыл. Растерянность продолжалась самую малость. Сейчас все зависело от того, успеют они развернуть лодку или нет. Если не успеют — значит, конец: водяная гора обрушится на моторку, швырнет, сомнет, опрокинет вверх килем.

Обрушиться на лодку горе не дали. Вал пронесся мимо. Он ударил не в самый борт, а только в закругление между бортом и носовой частью. На языке моряков это место называется скулой.

Получилось так, будто волна прошла по моторке не кулаком, но пальцем.

Однако и этого было достаточно. Моторку подбросило. Белый вспененный поток стремительно пронесся от носа к корме, накрыл ребят с головой.

Юло и Марти отдышались, отряхнулись и в одно и то же время почувствовали: произошло ужасное.

Нет, не с ними. Они оба были на месте. Их мокрые красные руки попрежнему судорожно цеплялись за ручку руля.

И не с лодкой. Лодка, как ореховая скорлупа, плясала на волнах.

Да и море ничем новым не угрожало: оно бушевало не сильнее прежнего.

А вот мотора не слышно было. Он заглох. Его залило водой.

Когда Юло с Марти поняли это, сердце у них сжалось от страха.

Ведь мотор сейчас все равно что жизнь. Без мотора потерявшая ход лодка первой же большой волной будет опрокинута или унесена в открытое море, или выброшена на камни...

— Марти, держи руль! — отчаянным голосом крикнул Юло. Он хотел кинуться к двигателю, хотел попытаться завести его.

Но поздно! Две высокие волны, нагоня одна другую, неслись на беспомощную лодку. Они столкнулись у самой моторки. Громадная масса воды с ревом опрокинулась на вихнувцев. В ушах что-то зазвенело и стало тепло. Дальше наступил мрак...

6. СТРАННЫЙ КОРАБЛЬ

На потолке молочной белизны играют зайчики. Он удивительно близок — этот светлый, блестящий, гладкий потолок. До него даже можно дотронуться.

Юло так и сделал: поднял руку, побарабанил пальцами по эмалевой поверхности над головой.

И только тогда спохватился: господи, где же он?!

Огляделся: крохотная каютка, столик у иллюминатора, две койки одна над другой; на верхней — он.

Он, должно быть, на белом корабле. Его, должно быть, спасли, когда на их лодку с заглушим двигателем налетела волна. Вот нагорит за моторку!.. А Марти?.. Жив ли Марти?..

Юло свесил голову, посмотрел на нижнюю койку. Жив, рыжий!.. Спит, будто у себя дома. Только на лбу здоровенная шишка синееет. Да, в основательную передрагу попали они! Кто мог знать, что так неожиданно налетит шторм? Не повезло!.. А моторка?.. Что же с моторкой?

Судьба моторной лодки сильно беспокоила Юло. Если лодка затонула, будет страшный скандал. Это ведь не шутки — загубить колхозное судно!

Не слезая с койки, Юло заглянул в иллюминатор. Ясное солнце, голубое небо, ласковое, спокойное серо-стальное море. Даже не верится, что оно вчера так бесилось, так зверствовало.

Иллюминаторы бывают разные. В корабельных надстройках они большие, квадратные. А если прорезаны прямо в борту, то маленькие и круглые. Тот иллюминатор, через который смотрел Юло, был бортовым. Из него только кусок неба виден, кусок моря и кусок кормы какой-то лодки, с крупно выведенной цифрой «9» над рулем.

Юло уперся лбом в толстое круглое стекло, всмотрелся и вдруг не своим голосом закричал:

— Марти, «Девятка» цела!

Марти вскочил, дикими глазами уставился на приятеля. Понадобилось минуты три, чтобы он пришел в себя, понял, где находится, вспомнил события прошлой ночи. Со сна он всегда плохо соображает, а тут его еще по голове хватило. Шишка на лбу была величиной с небольшое яблоко.

— Как ты набил такую? — спросил Юло.

— Не знаю... наверно, волной швырнуло. После того как заглох мотор и ударила волна, я совсем ничего не помню. Понимаешь, ну ни крошечки!.. Как мы здесь очутились?

— А ты думаешь, я знаю? Я, должно быть, без сознания был. Но кое-что все же вспоминаю: я лежал, и кто-то меня горячим чаем поил.

— Не помню... Мне, наверно, не дали чаю?

— Раз мне дали, значит и тебе дали, — успокоил Юло.

Поговорив еще немного, стали одеваться. Одежда лежала на стуле, высушенная и выглаженная.

В каюте больше делать нечего, но и выходить на палубу боязно. Еще неизвестно, как их встретят... Ведь всю команду вчера подняли на ноги, уйму хлопот причинили...

Наконец собрались с духом, вышли. Солнца на палубе было столько, что секунду стояли ослепленные. А когда осмотрелись, первое, что увидели, — подхват возле лебедки. Он ничем не отличался от того, который был у них на «Советском партизане»: такая же шитая конусом сеть, натянутая на громадный круг, такая же густая ячея, такое же грузило... Впрочем, грузило выглядело иначе. У них подхват оттягивался вниз старой пятикилограммовой гирей, а здесь к нижней части сети привязана свинцовая трехгранная пирамидка. Очень красивая штука, куда красивее гири.

Подшли к сетке, потрогали тяжелую, блестящую, отливающую серебром призму. Да, ничего не скажешь, по части грузила неизвестные рыбаки явно перещеголяли вихнущев.

— Нравится, ребятки?

На лице Юло выразилось удивление еще до того, как он посмотрел на спрашивающего. Его удивил голос: с таким голосом рыбаки не бывают. Таким голосом актрисы в кино разговаривают, когда кого-то ждут, мечтают и любят закатом.

Обернулся. Так и есть! Перед ним стояла молодая, стройная, красивая женщина в синем шелковом рабочем халате, с накрахмаленной полотняной шапочкой на завитых каштановых волосах. В руках у нее змей

извивалась длинная полоса проявленной киноплёнки.

Вид незнакомки с киноплёнкой в руках навел Юло на мысль о том, что корабль, на который они попали, не имеет никакого отношения ни к рыбакам, ни к лову кильки на свет. Должно быть, здесь картину для кино снимают. Юло о таких вещах читал. Для съёмок иной раз не то что один корабль — целые флотилии выходят в море...

А Марти на шелковый халат и на киноплёнку особого внимания не обратил. Его мысль работала в другом направлении. Он вспомнил Иви, которую незнакомая красивая женщина чем-то напоминала, и подумал: не капитан ли она? Ведь Иви тоже хочет стать капитаном и, наверно, когда добьётся своего, будет именно такой. Только вот халат и шапочку пусть не надевает. Это непорядок. У капитана — все равно, мужчина он или не мужчина — должен быть китель с золотыми галунами на рукавах и фуражка с «крабом».

Решив, что имеет дело с капитаном или, по меньшей мере, с его помощником, Марти вежливо поздоровался, потом, отвечая на вопрос о грузиле, сказал, что пирамидка ему нравится; потом спросил, как они попали сюда.

— Вам это лучше знать, — рассмеялась женщина. — Мы вчера, когда увидели в темноте моторку и вас в ней, просто за голову схватились. Еще чудо, что лодку к самому нашему борту волной подогнало. Удивительно удачно получилось.

— О борт не ударило? — озабоченно поинтересовался Марти.

— Нет, зачем же? У нас матросы опытные. Они лодку зацепили баграми и на подветренную сторону перевели.

— А мы в это время что делали?
— Ничего. Вас, должно быть, волной оглушило. Бормотали что-то... А когда согрелись, сразу уснули. Это коньяк подействовал. Я вам в чай основательно коньяку подлила.

Марти насторожился:

— Коньяк в чай?.. Юло один пил?

— Какой Юло?

— Вот он! — Марти ткнул в сторону приятеля пальцем. — Его зовут Юло, а меня — Марти. Он помнит, что ему чай давали, а я не помню.

— Тебя, должно быть, сильнее оглушило. Смотри, какая шишка...

— Значит, и мне чай давали?

— А как же!

— С коньяком?

— Ну да!

Марти успокоился, зато в разговор вступил Юло. Он спросил про кино съемки, про то, какую картину здесь снимают и будет ли показан Вихну в кино.

Молодая женщина долго не могла понять, о чем идет речь, а когда поняла, расхохоталась и сказала, что корабль к кино не имеет отношения, что это пловучая база Океанографического института, что ученые здесь изучают жизнь моря, что она тоже научный работник, помощница профессора Лунина, и что зовут ее Лейда Варес.

— Значит, рыбаков тут нет? — удивился Марти.

— Нет.

— А кто же тогда рыбу на свет ловит?

— Рыбу на свет? — в свою очередь, удивилась помощница профессора. — Откуда ты знаешь про это, мальчик?

— Мы с берега видели. И мы подумали: раз вы ловите, значит у вас дело идет. А у нас не получилось. Мы, кроме мусора, ничего не поймали. И вот мы решили узнать... Ведь не мусор же вы ловите?..

— Какой мусор? Про что ты говоришь?

— Ну, про колюшку... Знаете, сколько ее набежало!.. Со всей Балтики. Ничем отогнать не могли.

— Да, сплошная колюшка, и ни одной кильки, — подтвердил Юло.

— Пойдите, пойдите, ребята, это все очень интересно!.. Кто же у вас ловит на свет?

— Наша бригада! — гордо сказал Марти. — Нам «Советский партизан» для этого дали. Вы слышали про такой бот?

— Нет, не слыхала.

— Самый быстроходный в заливе. Вагон груза может взять. И если бы килька шла, как колюшка, мы бы доверху его загрузили. Но килька не пришла.

— И не могла прийти. Чудаки!..

С моря раздался рокочущий звук. Моторка! Может быть, это за ними? С берега, конечно, давным-давно заметили «Девятку» возле корабля. И, конечно, поняли, что они здесь...

Мальчики бросились к борту. Так и есть! К кораблю приближалась моторная лодка, и за рулем сидел...

При виде грузной фигуры председателя колхоза на корме моторки сердце у ребят сжалось, краска сбежала с лиц. Особенно побледнел молодой отпрыск бригадира Уада, считавший себя ответственным за угнанную вчера «Девятку». Из синевато-лиловой шишка Марти стала желто-голубой. Встреча с Мартином Крусте не предвещала ничего хорошего. Придется объяснять, почему без спросу вышли в море, почему без спросу взяли одну из лучших колхозных моторок, почему чуть-чуть не загубили ее, почему сами чуть-чуть не утонули... Словом, неприятных разговоров будет воз.

А председатель, заметив их, еще издали погрозил пальцем. Ох, плохо!..

Мотор замолчал. Лодка продолжала двигаться на холостом ходу. Описав четкую линию, она плавно подошла к трапу. Все-таки умеет он швартоваться, этот Мартин Крусте: ни на один сантиметр не ошибся!

— Ваш, вихнувский? — спросила Лейда Варес, пока гость привязывал моторку к трапу.

— Да, председатель колхоза.

— Вот как...

Женщина в синем халате оставила мальчиков, спустилась по трапу на несколько ступенек, встретила Крусте, вполголоса оживленно с ним заговорила. По тому, как она и председатель время от времени посматривали на ребят, видно было, что разговор идет о них. Но к худу это или к добру?

Худа не было. Поднявшись на палубу, председатель поманил Юло и Марти пальцем:

— А ну-ка, подойдите, герои!

Мальчики подошли, стали рядом.

— Так, — сказал Мартин Крусте. — Сын бригадира Манга и сын бригадира Уада... Пример другим должны были бы показывать... Хороши!.. Весь колхоз подняли на ноги, всю ночь о вас беспокоились — не знали, куда делись... Положим, как хватились, что «Девятки» нет, поняли: в море. И еще больше забеспокоились. Ведь запросто могли утонуть, щенки!..

«Щенки» молчали. Лапки вверх не поднимали, хвостиками не махали, но вид имели виноватый.

— Зачем выходили в море?

— Мы думали, что быстро обернемся, — начал Юло. — Мы не знали, что такая волна будет... Мы думали, дойдем, посмотрим, как ловят на свет, и сразу обратно вернемся...

— «Дойдем, посмотрим, обратно вернемся...» Тоже мне, уполномоченные колхоза!.. Что ж, кроме вас, некому было бы побывать здесь?

— Так никто не знал, что с корабля ловят на свет, а мы увидели.

— Увидели — значит, надо было прийти и сказать.

— Да-а, «сказать»! — подал голос Марти. — Так бы нас и послушались... Сразу бы никто не вышел, на завтра бы отложили... А завтра уже корабля могло не быть. Как бы тогда узнали?

— Чувствуете? — обернулся Крусте к помощнице профессора. — Они же еще критику наводят!

— А ведь без мальчиков, товарищ Крусте, наше знакомство в самом деле не состоялось бы, — сказала Лейда Варес. — Мы через час-полтора действительно уйдем в море. Однако, чтобы познакомить вас с профессором Луниным, время есть. Пойдемте к нему. Это и для вас важно и для нас.

7. ВИЗИТ К ПРОФЕССОРУ

Знакомство с ученым состоялось в лаборатории. Да, на этом удивительном корабле была самая настоящая лаборатория, с длинными, уставленными книгами полками, со множеством карт на стенах, со сверкающими полировкой микроскопами, с какими-то сложными, непонятными стеклянными посудинами, закрепленными в особых стойках, с установленными в деревянных гнездах банками разных размеров. В больших банках были заспиртованы большие рыбы, в средних — средние, в маленьких — маленькие.

Властителем всех этих богатств был седой и важный человек. Он стоял за дубовым, с наклонной крышкой, похожим на высокую парту, столиком (в старое время такие столики назывались конторками) и стоя писал.

— Профессор, — сказала Лейда Варес, — разрешите представить вам товарищей с Вихну. У них интересные новости есть.

Ученый церемонно, за руку, поздоровался с гостями, каждому сказал «очень рад» и каждому назвал свою фамилию: Лунин.

Вихнувцы чинно ответили:

- Мартин Крусте.
- Юло Манг.
- Марти Уад.

Уселись на привинченные к полу стулья. Вид у мальчиков стал скучный. Им казалось, что даже за-спиртованная в банке минога смотрит на них с официальной торжественностью.

Но это продолжалось недолго. Профессор любил церемонное знакомство и вовсе не любил церемонных разговоров. Он поднял на лоб очки в роговой оправе, блеснул на вихнувцев неожиданно яркими голубыми глазами и сказал:

— Одну минуту. Прежде чем приступить к новостям, у меня есть частный вопрос: как себя чувствует молодежь?

Частный вопрос профессора, несомненно, относился к Юло и Марти. Так они это и поняли. А поняв, хором ответили:

— Спасибо, хорошо!

— Очень рад. Вчера, прямо скажем, вид у вас был значительно менее бодрый. Кто же это вас выпустил в такую погоду одних?

Мартин Крусте изобличающе вытянул в сторону ребят палец и собрался разразиться речью, но добрая Лейда Варес, по собственному почину взявшая на себя роль защитницы мальчиков, опередила его:

— Они к нам спешили, профессор. Так спешили, что, никого не спросив, вышли в море. Их интересовали наши опыты. Вихнувцы, представьте, по своей инициативе попытались организовать лов кильки на свет. И мальчишки принимали в этом участие.

— Да? Вот как?! — Профессор подвинул очки еще выше на лоб и уставился на вихнувцев; на кого именно, разобрать было нельзя, но Юло показалось, что взгляд не по-стариковски ярких голубых глаз устремлен на него.

— У нас попробовали кильку на лампу ловить... —

начал Юло и сразу запнулся. Он не знал, как обратиться к человеку, стоявшему за конторкой: просто «профессор», «товарищ профессор» или, может быть, «товарищ Лунин». Подумал и повторил: — Мы попробовали кильку на лампу ловить, товарищ профессор Лунин.

— Так-так-так... На лампу — это значит с помощью электрического света? Я вас правильно понял?

— Да.

Яркие глаза профессора поочередно с пытливым вниманием задержались на каждом из гостей.

— Так-так-так... — снова повторил он. — Это действительно любопытно. Но что же вас натолкнуло на подобную идею?

Мартин Крусте решил, что наступило время ему вступить в разговор.

— Разрешите, товарищ профессор, — произнес он. — Идея пришла к нам вместе с килькой. Появилась килька — появилась идея. Рыбаки ведь сейчас, знаете, как следят за новым? Ого! Чуть что где услышат, сейчас же приходят: «Мартин, надо то завести, Мартин, надо это завести... Мартин, ты слыхал, на Дальнем Востоке так ловят... Мартин, на Азовье поновому сети ставят...» Вы не представляете, что делается!

Крусте сокрушенно покачал головой и для пояснения затруднительности своего положения развел руками. Ученый весело рассмеялся:

— Значит, жмут?

— Жмут, товарищ профессор, сильно жмут. То же самое вот с этим делом: пришел молодой парень, образованный, курсы кончил; пришел всеми уважаемый бригадир; пришел совсем старый рыбак; пришли вот эти герои, — председатель кивнул в сторону мальчиков, — пришли и подняли шум: килька, мол, любит электрический свет, килька за электричество на все готова, она на свет со всего моря собирается, каспийские рыбаки иначе уже ее не ловят!.. Словом, выхо-

дило, что надо только опустить в море лампочку, а дальше все блага на нас сами собой посыплутся... Ну, я решил: ладно, попробуем.

— И попробовали?

— Попробовали.

— И не получилось?

— С килькой не получилось; ни одной кильки не поймали, сплошь колюшка шла. Только стыда натерпелись... Краснеть пришлось.

— Зачем же краснеть? — пожал плечами ученый. — Но то, что килька не пришла, правильно. Иначе быть не могло.

Тут, к удивлению мальчиков, Мартин Крусте стал вдруг защищать идею, о которой только что говорил без всякого одобрения.

— Позвольте, товарищ профессор, — возразил он, — каспийские рыбаки ведь кильку на свет ловят?

— Ловят, и с большим успехом. От всех старых способов отказались, только на новый перешли.

— Вот видите! Значит, мы правильно поступили? Как на Каспии делают, так и мы сделали.

— Как на Каспии?.. У меня к вам просьба, товарищ председатель: поверните, пожалуйста, голову туда... Вас, мои юные друзья, я тоже об этом попрошу. — Ученый взглянул на Юло с Марти и кивнул в сторону иллюминатора.

Странная просьба была выполнена. Через толстое, вделанное в массивный медный круг стекло вихнувцы увидели безбрежную серо-зеленую водную гладь.

— Хорошо видно? — спросил профессор.

— Да, — ответил за всех Марти.

— Что именно видите?

— Море.

— Правильно, море, в этом вы не ошиблись. Но что за море, как оно называется?

Марти вопросительно посмотрел на Юло. Он, конечно, знал, как называется то безбрежное водное пространство, которое с первых дней его жизни каж-

дый день, каждый час простиралось перед ним, но ответить не решался. Его вдруг взяло сомнение: профессор, должно быть, не зря так странно спрашивает. Вполне возможно, что он, Марти, считает море Балтийским, а на самом деле оно совсем другое...

И Марти молчал. Пусть лучше «Язнаю» скажет.

Юло оказался на высоте. Ни минуты не колеблясь, он твердо заявил:

— Это Балтийское море.

— Именно! — подтвердил профессор. — Очень точно сказано: именно Балтийское, и никакое другое, в частности не Каспийское. А вы их спутали. Вы решили, что раз в Балтике соленая вода и в Каспии соленая вода, раз в Балтике водится килька и в Каспии водится килька, — значит, и тут и там все одинаково. Так, да?

— Но ведь переняли же мы у каспийцев ставной невод, — попробовал защититься Мартин Крусте, — и очень хорошо все получилось. Невод показал себя у нас не хуже, чем на Каспии.

— Да, конечно, но вы забываете, что невод — только загородка, не больше. Удачно загородите ход рыбе — хорошо! Будет улов. А если поставите невод не там, где нужно, рыба на него внимания не обратит. Сама по себе сеть ее ничем привлечь не может. Что же касается лова на свет, то тут дело обстоит иначе. Почему, например, вы приспособили к подхвату электрическую лампу и зажигаете ее под водой? Потому, что учитываете биологические свойства рыбы. Понимаете, би-о-ло-ги-чес-кие! То-есть те, какими рыбу наделила жизнь, природа. Природа сделала так, что некоторые виды рыб, в том числе килька, тянутся к свету. И вы пользуетесь этим, устраиваете для нее световую приманку.

— На которую, к слову сказать, килька не идет. Какая-то она недисциплинированная у нас! — ехидно вставил Мартин Крусте.

— Нет, это вы зря, — покачал головой про-

фессор. — Балтийская килька так же дисциплинированно подчиняется законам природы, как каспийская, только нужно помнить, что природа тут и там разная и законы природы тоже разные. Каспийскую кильку свет весной привлекает, а балтийскую — нет; каспийская тянется к резкому свету, а балтийской, судя по нашим опытам, больше нравится рассеянный свет ламп матового стекла; кроме того, кажется, ее привлекает и фиолетовый свет. Так что, как видите, балтийская килька отличается своим характером от каспийской. И поэтому та световая приманка, которая годится на Каспии, на Балтике не действует. Рыбу на свет здесь тоже можно ловить, только нужно знать как. А мы пока еще этого не знаем. Мы пока только изучаем вопрос.

— Значит, поторопились мы?

Профессор утвердительно кивнул головой:

— Немножко поторопились. Вот подождите: изучим, выясним — тогда пожалуйста. Все вам расскажем, все покажем: как ловить, где ловить, когда ловить.

— Ладно, подождем, — согласился Мартин Крусте. — Сегодня же скажу, чтобы убрали с «Партизана» подхват и электрическое оборудование.

— Это с того судна, которое вы приспособили для лова на свет?

— Да.

Ученый подошел к председателю колхоза, предостерегающе поднял палец:

— Ошибку сделаете, товарищ Крусте! Зачем же вам сворачивать лов, который так успешно начали?

— Какой лов? — не понял рыбак. — Вы ведь только что сказали, что с килькой надо подождать.

— С килькой — да, а с колюшкой — нет. Она тут прекрасно идет на свет — пользуйтесь этим.

Вихнувцы легко обижаются. Сами между собой они шутить любят, но когда приезжие пробуют с ними пошутить, — настораживаются.

Вот и сейчас: слова ученого обидели Мартина Крусте. Он решил, что приезжий смеется над ним.

Насупившись, рыбак грузно поднялся со стула и сердито произнес:

— Вы, может быть, шутите, товарищ профессор? Если да, то скажите — я посмеюсь вместе с вами.

— Что вы, какие шутки! — удивился Лунин. — Я и не думал шутить. Говорю совершенно серьезно: пользуйтесь тем, что у вас есть приспособленное судно, ловите колюшку.

Крусте все еще сердился.

— Зачем нам рыбный мусор? — мрачно спросил он.

Тут и профессор вспылил:

— Вы не имеете права называть так ценную рыбу! Кто вам сказал, что это мусор? Кто вам дал право отмахиваться от богатств, которые сами в руки идут?

— Хе, богатства! Хороши богатства!.. Единственное, чем богаты колюшки,—это иголками на спине. Не из-за них ли стоит ловить рыбешку? А потом продавать иглы аптекам, чтобы люди детские соски ими прокалывали...

Ученый и рыбак стояли друг против друга, яростно сверкая глазами. Юло и Марти с некоторой опаской наблюдали за ними. Они были на стороне своего председателя. Они тоже не понимали, почему профессор так настойчиво защищает никчемную рыбу.

Страсти утихомирила Лейда Варес.

— Соски прокалывать?! — рассмеялась она. — Это по-новому ставит вопрос о возможностях использования колюшки. Может быть, нашему институту заняться этой темой, профессор?

Лунин усмехнулся, примирительно положил руку на плечо рыбака:

— Товарищ Варес права, переведя все на шутку. Чего это мы с вами раскипятились, Крусте? Давайте-ка лучше спокойно поговорим. Не ваша вина, что вы не знаете, какой ценной рыбой является колюшка. Это-

го почти никто не знает. Колюшкой не интересовались, потому что она считалась непромысловой рыбой, ее нельзя было ловить в большом количестве. А сейчас все иначе складывается. Вы сами видели, как великолепно идет колюшка на свет: ее тоннами брать можно. И надо брать. Ваш колхоз получит огромную пользу от лова рыбешки. Постараюсь сейчас это доказать.

8. ТРИ МНЕНИЯ О КОЛЮШКЕ

Профессор подошел к полкам, достал четырехугольную стеклянную банку и показал гостям. В наполненной спиртом посудине плавали, будто живые, две рыбки с колючками на спине. Дно банки было засыпано слоем песка, в углу, поверх него, темнело что-то круглое, сплетенное из травинок и стебельков.

— Перед вами, — с некоторой торжественностью начал профессор, — трехиглые колюшки — одни из самых интересных созданий, какие только известны науке о рыбах. Начать с того, что колюшки для размножения потомства выют себе гнезда. Да-да, не удивляйтесь! Они как птицы: разбиваются на пары, находят подходящий участок дна, натаскивают стебельков, травинок и свивают гнездышко. Самка мечет икру, которую самец охраняет, пока не появятся мальки.

— Гнезда выют?.. Икринки охраняют?.. — удивился Юло. — Ведь другие рыбы так не делают.

— Дело в том, товарищ Юло Манг, — сказал профессор, — что других рыб защищает от вымирания громадная плодовитость, а у колюшек этого нет. Судак мечет каждый раз до миллиона икринок, треска и угорь — десять миллионов, луна-рыба — триста миллионов. Представляете — триста миллионов! Колюшки же — всего-навсего шестьдесят-восемьдесят икринок, изредка немного больше. Треске не надо заботиться о потомстве. Пусть из каждых десяти тысяч икринок вылупится и сохранится хотя бы один-един-

ственный малек. Выходит, какое же потомство сможет при этом дать треска за один нерест?

Юло стал лихорадочно делить в уме десять миллионов на десять тысяч. Цифры огромные, а решить оказалось нетрудно. У делимого — семь нулей, у делителя — четыре. От семи отнять четыре — остается три. Три нуля — это тысяча.

Ученик четвертого класса вихнувской школы с облегчением передохнул, встал со стула:

— Тысяча мальков, товарищ профессор, выживет от каждой трески после каждого нереста.

— Совершенно верно, благодарю вас, — кивнул ученый. — Теперь предположите, что из этих тысячи мальков девятьсот тоже погибли. Все же останется сто рыб. Они останутся и при первом же нересте дадут, в свою очередь, по десять миллионов икринок каждая. Так оно и идет. Как видим, сколько бы мы треску ни ловили, сколько бы морские хищники ни кормились ею, тревожиться за продолжение своего рода ей не надо. То же самое с угрями, окунями, судаком, камбалой. А вот с колюшкой дело обстоит иначе. Если бы эти рыбки не заботились о сохранении потомства, от них и помину бы не осталось. Но колюшки размножаются не хуже других рыб. Они охраняют икринки, охраняют мальков, храбро и умело борются за свою жизнь. Это замечательные вояки! Горе рыбе, которая свяжется с ними! Колюшки собираются вместе, окружают врага, пускают в ход свои плавники-иголки. Любой хищник, будь он хоть во сто раз крупнее, пускается в бегство. Попробуйте устоять, когда в вас впиваются со всех сторон тысячи длинных и острых колючек!

Профессор поставил банку на конторку. Юло и Марти с уважением посмотрели на мелькавшую за стеклом рыбешку. Вон, оказывается, какая колюшка храбрая и умная! Кто бы мог подумать!..

— И люди, как мы знаем, — продолжал ученый, — тоже не хотят связываться с колюшкой. От

нее, мол, проку нет. Потом я разъясню, насколько ошибочно подобное мнение. А сейчас скажу, что если бы даже это было так, если бы колюшка действительно была совершенно бесполезна, все равно ее следовало бы ловить. Вы спросите: для чего? Для того, чтобы сохранить другую ценную рыбу, для того, чтобы в ваши сети, дорогие товарищи рыбаки, шло больше судака, камбалы, салаки, кильки.

Марти удивился. Он не мог взять в толк, какая связь существует между колюшкой и уловами рыбаков. Однако профессор тут же разъяснил:

— Да, не удивляйтесь. Охраняя свое потомство и размножаясь не хуже, а может быть, лучше других обитателей глубин, колюшки в то же время являются бедствием для всякой рыбьей молодежи. Это страшные хищники. Они в огромном количестве пожирают икру ценной рыбы, охотятся за мальками, опустошают богатства моря. Настоящие подводные хорьки! И так же, как мы бережем от хорьков колхозные птичьи фермы, нужно беречь от колюшек колхозные рыбные угодья.

Юло и Марти опять взглянули на четырехугольную банку, но уже совсем другими глазами. Вон, оказывается, какая колюшка вредная! Кто бы мог подумать!

— А наши-то, наши хороши! — огорченно сказал Крусте. — Сколько колюшки зря обратно в море выпустили!

— Сколько, примерно?

— Точно не знаю, но бригадир Манг говорит, что если бы колюшку не выбрасывали, то за ночь тонны полторы наверняка можно было поймать... Это сколько же тысяч маленьких хищников выпустили обратно в море?

Ученый взял карандаш:

— Нетрудно подсчитать. Средний вес колюшки десять граммов. В килограмме, следовательно, ее будет сто штук. В тонне — сто тысяч. А полторы тонны — в полтора раза больше. Выходит, вы вернули морю в ту ночь сто пятьдесят тысяч колюшек. Вообразите, сколь-

ко же икринок и мальков ценной рыбы уничтожат эти разбойники!

— Страшно подумать! — ужаснулся председатель колхоза.

— Страшновато, — согласился профессор. — Но есть здесь и другая сторона дела. Как вы назовете рыбаков, которые, выловив полторы тонны салаки, вдруг, ни с того ни с сего, выбросят ее обратно в море?

— Пьяными или сумасшедшими.

— Гм! А ведь вы сделали нечто подобное. К вашему сведению, колюшка более ценная рыба, чем салака, а вы ее выбросили. Я обещал вам разъяснить, в чем ее ценность, и не замедлю выполнить свое обещание.

Ученый снова пошарил на полке и поставил на конторку два пузырька. В одном была маслянистая жидкость, в другом — бурый порошок. Жидкость имела необыкновенный, переливающийся оранжевый цвет. Казалось, будто в пузырьке хранится частица предзакатного, уходящего в море солнца. Порошок же ничем особенным не отличался: не то грязноватый измельченный мел, не то ржаная мука.

— Вот, прошу обратить внимание, — сказал профессор, поднимая отсвечивающий закатом пузырек. — Вы знаете, что витамины необходимы для здоровья, что они могучий помощник организма в борьбе с болезнями. Недаром слово «витамин» на языке медицины означает «жизнь». Человек погибает без витаминов.

Ученый поднес пузырек поближе к глазам, любовался и передал Мартину Крусте. От Крусте пузырек перешел к Юло. От Юло — к Марти.

— То, что вы видите здесь, — продолжал ученый, — жир. Но жир, обладающий поразительными, почти чудодейственными целебными свойствами. Он заживляет раны, вылечивает ожоги, помогает от обмороживания. И все это потому, что очень богат витаминами двух видов: «А» и «D». На свете вряд ли есть другой продукт, который мог бы сравниться с ним в этом смысле.

Марти незаметно для других открутил стеклянную пробочку пузырька, понюхал. Пахло хорошо: немножко рыбой, немножко свежееотваренными раками, немножко еще чем-то незнакомым. Очень захотелось попробовать. Он уже нацелился лизнуть пробку, однако во-время спохватился: неудобно — вдруг профессор увидит? А профессор и не думал смотреть. Профессор с увлечением говорил:

— Каким же образом, спросите вы, добывают этот чудо-жир? Где добывают? Много ли добывают? Я отвечаю: сетями; там, где водится колюшка; мало. Да, друзья мои! То, что вы видите в пузырьке... — ученый посмотрел на Марти, и тот поспешно передал бутылочку, — то, что вы видите в пузырьке, говорю я, — жир колюшки. Той самой колюшки, которую рыбаки считают сорной, никчемной рыбешкой. А она, эта бесполезная, по установившемуся мнению, рыбка, дает чудо-жир, жир, исцеляющий людей.

— Но ведь колюшка вовсе не жирная! — заметил Мартин Крусте. — Сколько же ее нужно выловить, чтобы добыть такую баночку жира?

— Колюшка не жирная? — с обидой в голосе переспросил профессор. — Опять заблуждение. Как повашему, какая самая жирная рыба на Балтике?

— Угорь! — в один голос сказали все три вихнущца.

— Верно, угри. Колюшка же немногим уступает им. А уж что касается вкуса, то жир угрей ни в какое сравнение идти не может. Удивительный вкус!.. Впрочем, к чему разговоры? Вот, пожалуйста...

Профессор достал из-под колпака на столе лабораторные пробирки, отлил в каждую по несколько капель оранжевой жидкости и роздал гостям. Марти вяло взял аптечного вида пробирку. У него уже не было никакого желания попробовать то, что напоминало лекарство. В сторону Юло метнулся умоляющий взгляд — может быть, тот скажет: «Спасибо, не хочется»? Но разве от этого увальня дождешься чего-нибудь путно-

го! Он сунул язык в трубочку и вылизывает, будто мороженое ест. Да и Крусте пробует с явным удовольствием. Чудаки!

Марти нерешительно лизнул. О-о! Оказывается, неплохо. Просто вкусно! Напоминает крабовые консервы, те, что продавались в вихнувском кооперативе.

— Ну как? — спросил профессор.

— Отличная вещь! — ответил председатель колхоза. — Вот уж не думал!..

— А вы это прекрасное вещество в море выбрасываете! — с укоризной сказал ученый. — Две бочки целебного жира за борт пустили.

— Как — две бочки?

— Очень просто. В колюшке — десять-двенадцать процентов жира. Значит, полутонна улов мог дать около двухсот килограммов, или две бочки, драгоценного продукта.

— Ай-яй-яй! — ужаснулся расчетливый Крусте. — Ведь верно, ведь действительно так!.. Ай-яй-яй!..

Расстроенный, он пошарил в кармане и достал пухлую, выдавшую виды записную книжку. Вслед за нею из недр куртки был извлечен плоский плотницкий карандаш. Увидев скромный инструмент для записи, Марти подтолкнул Юло:

— Смотри, смотри!..

Председательский карандаш вызывал неизменную зависть молодых вихнувцев. Гладкий, сплюснутый, с чуть выпуклой поверхностью, он был, в сущности, готовым кортиком — только ручку приделать...

Будь такие карандаши на прилавках кооператива, все мальчишки острова вмиг обзавелись бы офицерским холодным оружием. Но в том-то и беда, что плоские карандаши в продажу не поступали. Где доставал их Крусте, оставалось тайной.

Не подозревая, какое сокровище держит в руке, Крусте обратился к профессору:

— Разрешите, я запишу про колюшек. Об этом нужно рассказать колхозникам.

— Пожалуйста. Отметьте, что стоимость жира колюшек очень высокая. Колхоз будет получать большие деньги.

Рыбак записывал, а профессор продолжал нетерпеливо подсказывать:

— И еще отметьте, что, кроме денежного дохода, кроме сохранения мальков ценной рыбы, лов колюшки поможет колхозу решить вопрос о корме для скота. Ведь с кормами на острове плохо?

— Да, очень. Своего корма совсем мало. Почти весь привозной.

— Ну вот, а развернете лов колюшки — будет у вас свой корм для коров и птицы. Да какой! Самой высокой питательности.

Рыбак отложил карандаш и беспомощно посмотрел на ученого.

— Вам непонятно, какое отношение имеет колюшка к коровам и курам? — улыбнулся профессор. — Не смущайтесь, записывайте. Вы расскажете колхозникам интересные вещи.

Крусте снова взялся за карандаш, а ученый протянул ему тот пузырек, который был вынут из шкафа вместе с оранжевой жидкостью:

— Здесь — кормовая мука. Ее вырабатывают из колюшки после того, как вытапливают жир. Это отличный корм. Получая его, коровы дают больше молока, свиньи жиреют, куры начинают лучше нестись и быстрее растут. И ведь его не надо ниоткуда привозить. Море само будет давать вам корм для колхозных ферм.

Пузырек с порошком поместился на конторке рядом с четырехугольной банкой, в которой плавали заспиртованные рыбы. Юло и Марти снова взглянули на них и снова переменили свое мнение о колюшке.

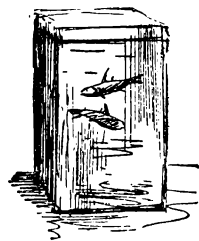
В первый раз они решили: «Вон, оказывается, какая колюшка храбрая и умная!»

Во второй раз решили: «Вон, оказывается, какая колюшка вредная!»

А сейчас решили: «Вон, оказывается, сколько пользы может принести колюшка!»

И все это было верно.

Заложив плоским карандашом страничку записей, Мартин Крусте закрыл пухлую книжку, задумчиво произнес про себя: «Да, великое дело — наука...» — и стал собираться.

— Ну, ребята, поблагодарите профессора, поблагодарите товарища Варес, поблагодарите тех, кто спас ваши глупые головы, и пошли.

— Спасибо, большое спасибо! — сказали Юло и Марти вставая.

Ученый ласково остановил ребят:

— Нет, погодите, так я вас не отпущу: дружбу надо закрепить...

Обводя глазами стол, конторку, полки, он задержался взглядом на четырехгранной банке с колюшкой, взял ее, протянул мальчикам:

— Вот, на память... Сам ловил, сам спиртовал. Буду очень рад, если взамен вы пришлете мне других колюшек, тех, что возьмете на свет. Пусть мой подарок напоминает вам: нужно дружить с наукой. А ваш будет напоминать мне: нужно дружить с нашей чудесной, отзывчивой на все новое молодежью.

— Мы обязательно пришлем вам колюшек, товарищ профессор! — заверил Марти. — Крупных-крупных выберем. Как только выловим, так и пришлем.

9. ОГНИ ЗАГОРЕЛИСЬ

На следующий день после того, как Мартин Крусте привез Юло и Марти с белого корабля на остров и с рук на руки сдал матерям, в конторе колхоза заседало правление. Разговор шел о ловле колюшки на свет. Вернее, не разговор, а спор. Спорил, как всегда, ста-

рый Леппе. Рассказ председателя об его беседе с профессором Луниным не произвел на старика никакого впечатления.

— Колюшку, — сказал он, — могут хоть сто профессоров расхваливать — лучше она от этого не станет. Была сорной, никчемной рыбешкой, осталась сорной, никчемной рыбешкой и будет такой во веки веков. Ну, к примеру, наловите вы ее... а дальше что из нее делать — паштет?

Произнеся мудреное слово, вычитанное на консервных банках, старый Леппе победно оглядел присутствующих.

Рыбаки ухмыльнулись. Ох, уж этот Леппе!.. Паштет из колюшек — придумать надо!..

Один Мартин Крусте остался серьезным. Он считал, что вопрос о том, как будет использована выловленная колюшка, — не его забота. Дело колхоза — ловить рыбу, дело комбината — принимать и поступать, как положено: морозить, солить, коптить, мариновать, в жестянки закатывать — словом, перерабатывать.

Так он и ответил старику.

— Значит, комбинату будете сдавать? — переспросил Леппе и ощерил в ядовитой улыбке два одиноко торчащих желтых зуба.

— Наравне со всей другой рыбой, — ответил председатель.

— А ты думаешь, комбинат у вас колюшку примет? Зачем им мусор? Что там, дураки сидят, что ли? Скорее тут, на моей ладони, — в воздухе помаячила мозолистая рука, — волосы начнут расти, чем комбинат согласится принимать у нас дрянную рыбешку! Да у них там и расценок на нее нет.

В комнате стало тихо. Верно, Леппе прав: о расценках на колюшку никто никогда ничего не слышал. В самом деле, разве может существовать какая-нибудь цена на такую рыбу?

И вот, в ту самую минуту, когда в комнате дружно сипели трубки, но никто ничего не мог возразить ста-

рику, раскрылась дверь, и на пороге появились рослые фигуры бригадира Манга и Андруса. Это они с Большого берега вернулись.

Поздоровались, сели, помолчали. Потом бригадир не торопясь расстегнул куртку, достал из кармана письмо, отдал Мартину Крусте.

Председатель вскрыл конверт, прочитал, и в глазах его засветились хитрые огоньки.

— Так говоришь, Николай, — обратился он к старому Леппе, — скорее на твоей ладони волосы вырастут, чем комбинат начнет принимать от нас колюшку?

— Да, как сказал, так и считаю, — упрямо кивнул головой старик.

— Тогда готовь, Николай, бритву. И помазок тоже не забудь — пригодится.

— Зачем?

— Потому что не сегодня-завтра у тебя ладони волосатыми станут.

— Шутишь, председатель?..

— Не шучу. Видишь письмо? В нем директор комбината делает нам официальное предложение развернуть лов колюшки. Ему Густав и Андрус рассказали о наших опытах с электрическим ловом, и он пишет, что будет принимать от нас колюшку в любом количестве. И насчет цены здесь сказано. За колюшку больше, чем за кильку, получать будем. Чувствуешь?

Леппе рассматривал свою ладонь, будто действительно ждал, что сейчас на ней волосы появятся. Потом, не поднимая на председателя глаз, тихо спросил:

— Что же они собираются с ней делать?

— В письме говорится, что на комбинате оборудуется специальный цех для переработки колюшки. Будут вытапливать жир, вырабатывать кормовую муку. Мука и нам пригодится. Чем больше колюшки будем сдавать, тем больше муки будем получать для колхозного скота.

Леппе сидел, тяжело задумавшись. Руки его остались лежать на столе. Много поработали на своем веку

эти руки старого рыбака! Смола от веревок и сетей въелась в кожу. Весла и пенька канатов натерли мозоли. А шрамов сколько! Когда ставишь перемет, зевать не приходится. И если впился крючок в руку, не задерживай, не возись — рви с мясом! Леппе в работе горяч, так всегда делал — потому и шрамы.

А вот привычные понятия, с которыми сжился, выходит, вырвать трудней, чем крючок, впившийся в ладонь. И сидит старик и тяжело-тяжело думает. Как признаться, что оказался неправ? Как признать, что даже дети во многом разбираются лучше, чем он, многое видят дальше?

Мартину Крусте стало жаль старого упрянца. Захотелось подбодрить его.

— Знаешь, Николай, — сказал он, — почему все это завертелось? Из-за лова на свет. Пока лампочку не опустили в море, колюшка не была и не могла быть промысловой рыбой. А сейчас стала. И всем известно: ты многое сделал для этого.

Старик поднял голову:

— Для чего «для этого», Мартин Крусте?

— Для того, чтобы мы освоили в колхозе лов рыбы на свет.

Леппе поморщился, словно ему делали больно:

— Нет, председатель, мне чужих заслуг не нужно. Густав Манг работал, Андрус работал, ребята хорошо поработали. А я ради колюшки палец о палец не ударил. Как увидел, что килька на свет не идет, решил: вся затея с электричеством — детские бредни, все это выеденного яйца не стоит. И до последней минуты думал так. А сейчас вижу — ошибался. Во многом ошибался...

В комнате правления долго еще дымили трубки. Когда обо всем поговорили, возник вдруг новый спор. На этот раз о четырехгранной банке с колюшками. Мартин Крусте взял ее у ребят, чтобы показать рыбакам. Он считал, что так ему будет легче объяснить все, что услышал от профессора.

Поэтому-то банка красовалась на председательском столе. И когда Андрус собрался уходить, Мартин Крусте протянул ему посудину:

— Возьми, Андрус, это профессор ребятам подарил. Они в школу ее решили отдать.

— Куда, куда берешь?! — спросил Леппе, увидев банку в руках вожатого.

— В школу отнесу.

— В какую там школу!.. Колюшкам здесь место.

— Здесь? — удивился Андрус. — Зачем они здесь?

— Пусть будут... — неопределенно пробурчал старик.

— Но для чего же? — допытывался Андрус. — В школе, по крайней мере, ребята будут смотреть. А здесь?

— А здесь... — Николай Леппе посипел трубкой, покашлял. Видно, нелегко ему было продолжать начатую фразу. — А здесь, — пересилил он себя, — я смотреть стану. Да и другие рыбаки тоже. Колюшки будут напоминать нам, старикам: не цепляйтесь за старое, не живите старыми понятиями, не сторонитесь молодого, нового... Вот зачем нужно, чтобы колюшки здесь были, понял?

— Понял, дедушка Леппе. Если так, пожалуйста...

И Андрус передал четырехгранную банку старику.

* * *

Юло и Марти, конечно, жаль было красивой посуды с рыбками. Она могла бы красоваться в школе, и все бы знали, что это подарок самого профессора Лунина, что он подарил колюшек именно им, Юло и Марти.

Однако скоро приятели поняли: Андрус правильно сделал, что оставил подарок в правлении. С тех пор как там на высокой тумбе возле стола счетовода вза-

мен вазона с зеленью появилась четырехгранная банка, старого Леппе будто подменили. Он почти перестал вѳрчать, перестал хмуриться при встречах с мальчиками, иногда даже перекидывается с ними двумя-тремя словами.

Встречаются же друзья со стариком довольно часто. Как бы мальчики ни были заняты, дня не проходит, чтобы они не побывали на молу. И почти всегда встречаются там старого Леппе.

Вот и сегодня так случилось. Редколлегия стенной газеты четвертого класса — Юло, Марти, Иви и Петер — трудились над выпуском очередного номера. Возвращались домой в темноте. Другим было бы жутковато в лесу, а они привыкли. Да и кто обидит ребят на родном маленьком острове! Медведей здесь нет, волков тоже. Собаки? Так те все до одной известны по именам.

Дети шли смело, не столько видя, сколько угадывая дорогу. Вышли к молу. Хоть поздно, хоть дома ждут, но нельзя удержаться, нельзя не постоять, не полюбоваться темным, на редкость спокойным морем.

Свернули на пристань. Впереди блеснул огонек, чуть правее — другой, подальше — третий.

Да все какие яркие! И то загораются, то потухают, то опускаются, то поднимаются. Словно невиданные, огромные светляки ныряют в воду, взмывают к небу.

В море ловили колюшку на свет.

— Никогда не думала, что это так красиво! — сказала Иви.

— Погоди, это еще только начало, — авторитетно заметил Марти. — А когда и кильку станем так ловить... Ого!.. Вот увидите, все море в огнях будет. Людям с Большого берега покажется, что возле Вихну на воде город вырос. Будут специально приезжать смотреть.

Задумались, помолчали. Воображение юных вихнупцев разыгралось. Перед глазами возникали картины одна другой красочней, одна другой волшебней.

Вдруг за ними кто-то закашлялся, засипел трубкой.

— Ой! — вскрикнула Иви.

Все обернулись и увидели старого Леппе.

— Здравствуйте, дедушка Леппе!

Старик что-то пробурчал под нос — внятно здороваться он все еще не научился, — обдал запахом крепкой махорки.

— Почему так поздно, почему домой не идете?

— Мы в школе задержались.

— В школе?.. В школе — это хорошо... Учиться, учиться надо. Много знать нужно для нынешнего времени... Пойдемте, нам по дороге.

— Пойдемте, дедушка Леппе.

Старик и дети шли по своему маленькому острову. В темном ласковом море мелькали яркие огни.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
1. Однажды вечером	3
2. Дедовские сети не годятся	8
3. «Вот это невод!»	13
4. Старый Леппе заодно с салакой	15
5. Море кипит	17
6. Квитанция вместо рыбы	20
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
1. Трубка Сейлера	24
2. Три яичницы в день	32
3. Птица-рыболов и рыба-охотник	37
4. «Большая жемчужина»	39
5. Господин Деньги	43
6. Счастливец Андрус	45
7. Килька вернулась	50
8. Находка Уно	58
9. Ошибка Марти	64
10. Кошельковый невод	72
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
1. На Большом берегу	78
2. Тысяча и одна ночь	84
3. Два первых на троих	94
4. РШМ, шланг и кабель	99
5. Что такое ответственность	103
6. Почему молчит Андрус?	114
7. Бригадир сердится, бригадир смеется	118
8. Когда маленький остров не кажется маленьким	122
9. Коровы перестали жевать...	129
10. Змея на четырех ногах	134
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
1. Ночь, звезды, маяк	139
2. Луна под водой	148
3. Исторический экспонат	154
4. Огонек вдали	166
5. Грохот, пена, водяная пыль	173
6. Станный корабль	178
7. Визит к профессору	185
8. Три мнения о колюшке	192
9. Огни загорелись	199

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Новгородский Герцель Самойлович

НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВЕ

Ответственные редакторы *Г. А. Дубровская* и *Н. А. Максимова*. Художественный редактор *П. И. Суворов*. Технический редактор *Р. И. Прозоровская*. Корректоры *Е. Б. Кайрухитис* и *А. Б. Стрельник*.

Сдано в набор 7/V 1956 г. Подписано к печати 23/VIII 1956 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ — 13 печ. л. (9,79 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А09975. Цена 4 р. 45 к. Заказ № 713. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

на 4 р.

